

№ 1, 2023
Volume 1, 2023

ИНТЕЛЛЕКТ ИННОВАЦИИ ИНВЕСТИЦИИ

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

ГОСТЬ НОМЕРА

В. В. Акбердина
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЦИФРОВОГО ПЕРЕХОДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ:
ОПЫТ РОССИИ

GUEST OF VOLUME

V. V. Akberdina
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia
EFFICIENCY OF DIGITAL TRANSITION IN INDUSTRY: RUSSIAN
EXPERIENCE

ISSN 2077-7175
doi 10.25198/2077-7175

ИНТЕЛЛЕКТ. ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ № 1, 2023

INTELLECT. INNOVATIONS. INVESTMENTS

Журнал основан в 2008 году.

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-63471 от 30.10.2015 г.

Периодичность издания: 6 номеров в год.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям:

2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);

5.2.4. Финансы (экономические науки);

5.2.6. Менеджмент (экономические науки);

5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);

5.7.2. История философии (философские науки);

5.7.3. Эстетика (философские науки);

5.7.4. Этика (философские науки);

5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);

5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Журнал входит в список рецензируемых научных изданий, рекомендуемых Ученым советом Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора экономических наук.

Журнал размещается на eLIBRARY.RU, в НЭБ «КиберЛенинка», ЭБС «Лань» и Znanium, в поисковой системе Google Scholar, включен в международную базу Crossref, индексируется в РИНЦ и реферируется в базе данных ВИНТИ РАН.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» – 55192

При перепечатке ссылка на журнал «Интеллект. Инновации. Инвестиции» обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат двойному анонимному рецензированию.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция в своей деятельности руководствуется рекомендациями Комитета по этике научных публикаций (Committee on Publication Ethics).

Условия публикации статей размещены на сайте журнала: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

Journal appeared in 2008.

Established by:

Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education
«Orenburg State University»

Journal «Intellect. Innvations. Investments» is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunications, Information Technologies and Mass Communications.

Certificate of registration of mass media PI № FS 77-63471, 30.10.2015.

Publication frequency: 6 issues per year.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission for the publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science in the science field of:

2.9.5. Operation of road transport (technical sciences);

5.2.3. Regional and sectoral economics (economic sciences);

5.2.4. Finance (economic sciences);

5.2.6. Management (economic sciences);

5.7.1. Ontology and the theory of knowledge (philosophical sciences);

5.7.2. History of Philosophy (philosophical sciences);

5.7.3. Aesthetics (philosophical sciences);

5.7.4. Ethics (philosophical sciences);

5.7.6. Philosophy of science and technology (philosophical sciences);

5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences);

5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);

5.7.9. The philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences).

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Academic Council of the Lomonosov Moscow State University for publication of the main scientific results of theses for the degree of Candidate and Doctor of Economic Sciences.

The journal is hosted on eLibrary.RU, in the NAB «Cyber-Leninka», EBS «LAN» and Znanium, in the Google Scholar search engine is, included in the international Crossref database, indexed in the RSCI and refereed in the database the VINITY RAS.

The subscription index for the joint catalog «Press of Russia» – 55192

When reprinting a link to the journal «Intellect. Innovation. Investments» is required.

All materials submitted to the editors are subject to double anonymous review.

Opinions of the authors may not coincide with the point of view of the editors.

The editors are guided by the recommendations of the Ethics Committee for Scientific Publication (Committee on Publication Ethics).

The terms of publication of articles are posted on the journal website: <http://intellect-izdanie.osu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

С.А. Мирошников, чл.-кор. РАН, д-р биол. наук, профессор РАН,
и.о. ректора, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ответственный секретарь

Т.П. Петухова, канд. физ.-мат. наук, доцент,
Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Редакционный совет

Экономические науки

Алина Г.Б., канд. экон. наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой «Финансы», Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Астана, Республика Казахстан

Архипова М.Ю., д-р экон. наук, профессор, профессор департамента статистики и анализа данных факультета экономических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Вегера С.Г., д-р экон. наук, профессор, первый проректор, Полоцкий государственный университет, Новополоцк, Республика Беларусь

Елисеева И.И., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Есенгельдин Б.С., д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Республика Казахстан

Корзев Збигнев, д-р экон. наук, заместитель декана факультета экономики и управления по научной работе, профессор, заместитель заведующего кафедрой учета и финансов, Белостокский технологический университет, Белосток, Польша

Носов В.В., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансов, бухгалтерского учета и экономической безопасности, Московский государственный университет технологий и управления им. Г. К. Разумовского, Москва, Россия

Нурланова Н.К., д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела региональной экономики и инновационного развития, советник института, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Осипов В.С., д-р экон. наук, PhD (Brit), профессор, заведующий кафедрой мировой экономики и управления внешнеэкономической деятельностью, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Панков Д.А., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита в отраслях народного хозяйства, Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь

Попова Е.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры банков, финансовых рынков и страхования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Христаускас Чесловас, профессор, Каунасский университет прикладных наук, Каунас, Литва

Цветков В.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, директор института, Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия

Шеломенцев А.Г., д-р экон. наук, профессор, советник ректора, профессор кафедры экономики и управления, Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия

Широв А.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор РАН, директор Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования про-

изводственного потенциала и межотраслевых взаимодействий, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия

Сель Николай, Ph.D., Школа Бизнеса, Манчестерский Столичный Университет, Манчестер, Великобритания

Философские науки

Бажанов В.А., д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Олимов Караматулло, акад. АН Республики Таджикистан, акад. Международной Академии высших школ, д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова АН Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан

Смирнов А.В., акад. РАН, д-р филос. наук, директор Института философии РАН, Москва, Россия

Тульчинский Г.Л., д-р филос. наук, профессор, профессор департамента государственного администрирования, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Транспорт

Володькин П.П., д-р техн. наук, профессор, и.о. декана транспортно-энергетического факультета, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Захаров Н.С., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса автомобилей и технологических машин, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Кузьмин Н.А., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия

Кулаков А.Т., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой эксплуатации автомобильного транспорта, Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета, Набережные Челны, Россия

Псарианос Василь, д-р техн. наук, профессор, Национальный технический университет Афин, Афины, Греция

Пашкевич Антон, д-р техн. наук, доцент, профессор департамента транспортных систем, Краковский политехнический университет имени Тадеуша Костюшко, Краков, Польша

Редакционная коллегия

Экономические науки

Балтина А.М., д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой финансов, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Боброва В.В., д-р экон. наук, доцент, директор Института менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Борисюк Н.К., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Ермакова Ж.А., чл.-кор. РАН, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Корабейников И.Н., д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Леонтьева Л.С., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры регионального и муниципального управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Мусина А.А., д-р экон. наук, профессор, директор Центра социально-экономических исследований, Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, Астана, Республика Казахстан

Сабитова Н.М., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры финансовых рынков и финансовых институтов, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Черненко В.А., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики, организации и управления производством, Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия

Шепель В.Н., д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры управления и информатики в технических системах, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Юматов А.С., канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента организации, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Оренбург, Россия

Философские науки

Аполлонов И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и психологии, Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Беляев И.А., д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Максимов А.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Оренбургский государственный аграрный университет, Оренбург, Россия

Федяев Д.М., д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры философии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Транспорт

Ларин О.Н., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры логистических транспортных систем и технологий, Российский университет транспорта, Москва, Россия

Рассоха В.И., д-р техн. наук, доцент, декан транспортного факультета, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Родионов Ю.В., д-р техн. наук, профессор, декан автомобильно-дорожного института, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия

Султанов Н.З., д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры систем автоматизации производства, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

Трофименко Ю.В., заслуженный деятель науки РФ, д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой технологической безопасности, директор НИИ Энергоэкологических проблем, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия

Якунин Н.Н., д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой автомобильного транспорта, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

EDITORIAL TEAM

Chief Editor

S.A. Miroshnikov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences,
Doctor of Biological Sciences, Professor of Russian Academy of Sciences,
Acting Rector, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Executive Secretary

T.P. Petukhova, Ph.D., Associate Professor,
Orenburg State University, Orenburg, Russia

Editorial Council

Economic Sciences

Alina G.B., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Astana, Republic of Kazakhstan

Arkhipova M.Yu., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Statistics and Data Analysis, Faculty of Economic Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Wegera S.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, First Vice-Rector, Polotsk State University, Republic of Belarus

Eliseeva I.I., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Esengeldin B.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and International Relations, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

Korzeb Zbigniew, Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Management, Economy and Finance, Bialystok University of Technology, Bialystok, Poland

Nosov V.V., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Finance, Accounting and Economic Security, Moscow State University of Technology and Management named after G.K. Razumovsky, Moscow, Russia

Nurlanova N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Regional Economics and Innovative Development, Advisor of the Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Institute of Economics, Almaty, Republic of Kazakhstan

Osipov V.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of World Economy and Management of Foreign Economic Activity, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Pankov D.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit in the Sectors of the National Economy, Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus

Popova E.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Banks, Financial Markets and Insurance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Christauskas Ceslovas, Professor, Kaunas University of Applied Sciences, Kaunas, Lithuania

Tsvetkov V.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Market Problems Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Shelomentsev A.G., Doctor of Economic Sciences, Professor, Rectors Counsellor, Professor of the Department of Economics and Management, Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Shirov A.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute for National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Head of the Laboratory for Analysis and Forecasting of Production Potential and Intersectoral Interactions, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Scelles Nicols, PhD, Business School, Manchester Metropolitan University, Manchester, United Kingdom

Philosophical Sciences

Bazhanov V.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

Markov B.V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophical Anthropology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Olimov Karamatullo, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Academician of the International Academy of Higher Schools, Ph.D., Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bakhovaddinov, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Smirnov A.V., Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Director of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tulchinsky G.L., Ph.D., Professor, Professor of the Department of public administration, St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Transport

Volodkin P.P., Doctor of Technical Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Transport and Energy, Head of the Department of Road Transport Operation, Pacific State University, Khabarovsk, Russia

Zakharov N.S., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Service and Technological Machines, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Kuzmin N.A., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev, Nizhny Novgorod, Russia

Kulakov A.T., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automotive Transport Operation, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia

Basil Psarianos, Dr. – Ing., Professor, National Technical University of Athens, Athens, Greece

Pashkevich Anton, Ph. D., Assistant Professor, Professor of the Department of Transportation Systems, Politechnika Krakowska, Krakow, Poland

Editorial team

Economic Sciences

Baltina A.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Bobrova V.V., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Borisyuk N.K., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Ermakova J.A., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Banking and Insurance, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Korabeynikov I.N., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management,

Orenburg State University, Orenburg, Russia

Leontieva L.S., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional and Municipal Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Musina A.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Center for Socio-Economic Research, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Astana, Republic of Kazakhstan

Sabitova N.M., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial Markets and Financial Institutions, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chernenko V.A., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics, Organization and Production Management, Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov, St. Petersburg, Russia

Shepel V.N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management and Computer Science, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Yumatov A.S., Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Organizational Management, Orenburg Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orenburg, Russia

Philosophical Sciences

Apollonov I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Philosophy and Psychology, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Belyaev I.A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of philosophy, culturology and sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Maksimov A.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russia

Fedyaev D.M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Transport

Larin O.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Logistic Transport Systems and Technologies, Russian University of Transport, Moscow, Russia

Rassoha V.I., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Rodionov Yu.V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Dean of the Automobile and Road Institute, Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia

Sultanov N.Z., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Production Automation Systems, Orenburg State University, Orenburg, Russia

Trofimenko Yu.V., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Technosphere Safety Department, Director of the Research Institute of Energy Ecological Problems, Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI), Moscow, Russia

Yakunin N.N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Automobile Transport, Orenburg State University, Orenburg, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСТЬ НОМЕРА

V. V. Akberdina

Efficiency of digital transition in industry: Russian experience10

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л. А. Свиридова, Т. А. Терентьева

Источники финансирования деятельности в отчетности экономических субъектов различных групп ..
.....19

А. С. Хворостяная

Корпоративный акселератор как стратегический инструмент развития трансфера технологий для предприятий легкой промышленности и индустрии моды32

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ж. Е. Вавилова

Эпистемическая несправедливость: эпифеномен рекламной коммуникации45

М. Ю. Замаренков

Контент-анализ в религиозно-философских исследованиях: к постановке проблемы55

Г. Г. Коломиец, Я. В. Парусимова

Об актуальности антропосоциоэкологического подхода в философской антропологии и философии цивилизационных процессов64

П. Н. Кондрашов

Экология Карла Маркса: тотализация социального метаболизма73

Ю. Г. Седов

Экологическое исследование феномена субъективного пространства84

Ю. А. Уймина

«Западная психотерапия» и «восточная медитация» в учении Ошо о духовном совершенствовании человека93

Д. А. Щербаков

Концепции универсального времени и множественности времён в осмыслении бытия прошлой реальности102

ТРАНСПОРТ

Е. Е. Терентьев, И. М. Блянкинштейн

Методика выбора типа аккумулятора для эксплуатации электромобилей в регионах с холодным климатом112

CONTENTS

GUEST OF THE VOLUME

V. V. Akberdina

Efficiency of digital transition in industry: Russian experience10

ECONOMICAL SCIENCES

L. A. Sviridova, T. A. Terentyeva

Sources of financing activities in the reporting of economic entities of various groups19

A. S. Khvorostyanaya

Corporate accelerator as a strategic tool for the technology transfer development for light and fashion enterprises32

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Zh. E. Vavilova

Epistemic injustice: an epiphenomenon of advertising communication45

M. Yu. Zamarenkov

Content analysis in religious studies: to the problem statement55

G. G. Kolomiets, Ya. V. Parusimova

On the relevance of anthroposocioecological approach in philosophical anthropology and philosophy of civilizational processes64

P. N. Kondrashov

Karl Marx' ecology: totalization of social metabolism ..
.....73

Yu. G. Sedov

Egological study of the phenomenon of subjective space84

Yu. A. Uymina

«Western psychotherapy» and «Eastern meditation» in Osho's teaching of man's spiritual perfection93

D. A. Shcherbakov

Concepts of universal time and multiplicity of times in understanding the existence of past reality102

TRANSPORT

E. E. Terentiev, I. M. Blyankinshtein

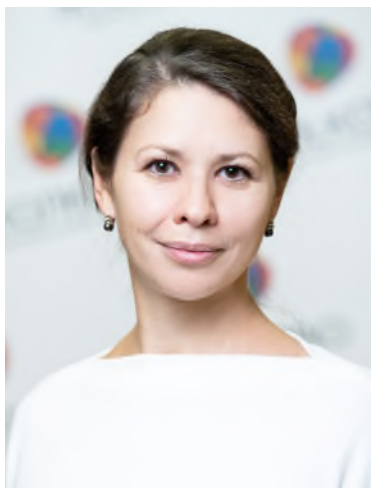
Methology for selecting the type of battery for operation of electric vehicles in cold regions112

ГОСТЬ НОМЕРА

UDC 332.14

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-10>

EFFICIENCY OF DIGITAL TRANSITION IN INDUSTRY: RUSSIAN EXPERIENCE

V. V. Akberdina

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: akberdina.vv@uiec.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the digital transition's effectiveness in Russian industry. The purpose of the study is an in-depth analysis of budgets for digital transformation in industrial sectors, as well as their relationship with the effectiveness of production. The study has the following theoretical frameworks: the concept of the fourth industrial revolution, the theory of innovation management and the concepts of digital maturity. The main research methods are structural and comparative analysis. The author obtained the following results: the structure of budgets for digitalization is investigated, the main cost items are highlighted; individual characteristics of each industry are shown. The analysis of «digital» budgets in the Russian industry showed a significant differentiation of industries both in terms of the amount of costs and their structure. The scientific novelty of the article

is the matrix of the «digital» budget efficiency and the production growth index. The matrix shows that a number of industries with large absolute values of «digital» budgets are characterized by a rather low relative value and medium growth rates. These industries turned out to be raw materials industries such as oil and gas extraction and processing, metallurgy and the food industry. The study also confirmed the conclusion that the amount of financing for the digitalization of industrial enterprises is not always the main factor in the digital transition. If these costs do not work to increase efficiency (production volumes, growth rates), then the problems may lie deeper; for example, the discrepancy between the goals of digitalization and business goals, the lack of involvement of management in digitalization and organizational weakness of business processes, low digital culture at the enterprise, etc.

Key words: digital transition, industry, efficiency, digitalization costs.

Acknowledgements: The article is funded by the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, the project «Forecasting the transformation of industry in industrially developed regions in the conditions of the industrial ecosystems' creation and new institutions of regional industrial development».

Cite as: Akberdina, V. V. (2023) [Efficiency of digital transition in industry: Russian experience]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 10–18, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-10>.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЦИФРОВОГО ПЕРЕХОДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ОПЫТ РОССИИ

В. В. Акбердина

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: akberdina.vv@uiec.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию эффективности цифрового перехода в российской промышленности. Целью исследования является углубленный анализ бюджетов на цифровую трансформацию в промышленных секторах, а также их взаимосвязи с эффективностью производства. Исследование опирается на следующие теоретические основы: концепцию четвертой промышленной революции, теорию управления инновациями и концепции цифровой зрелости. Основными методами исследования являются структурный и сравнительный анализы. Автором получены следующие результаты: исследована

структура бюджетов на цифровизацию, выделены основные статьи затрат; показаны индивидуальные характеристики каждой отрасли. Анализ «цифровых» бюджетов в российской промышленности показал значительную дифференциацию отраслей как по объему затрат, так и по их структуре. Научная новизна статьи заключается в матрице соотношения эффективности «цифрового» бюджета и индекса роста производства. Матрица показывает, что ряд отраслей с большими абсолютными значениями «цифровых» бюджетов характеризуется довольно низкой относительной величиной эффективности и средними темпами роста. Эти отрасли оказались сырьевыми, такими как добыча и переработка нефти и газа, металлургия и пищевая промышленность. Исследование также подтвердило вывод о том, что объем финансирования цифровизации промышленных предприятий не всегда является основным фактором цифрового перехода. Если эти затраты не работают на повышение эффективности (объемов производства, темпов роста), то проблемы могут лежать глубже, например, несоответствие между целями цифровизации и бизнес-целями, недостаточная вовлеченность руководства в цифровизацию и организационная слабость бизнес-процессов, низкая цифровая культура на предприятии и т. д.

Ключевые слова: цифровой переход, промышленность, эффективность, затраты на цифровизацию.

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, тема НИР «Прогнозирование трансформации промышленности индустриально развитых регионов в условиях формирования промышленных экосистем и новых институтов регионального промышленного развития».

Для цитирования: Акбердина В. В. Эффективность цифрового перехода в промышленности: опыт России // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 10–18, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-10>.

Introduction

The use of digital technologies in industry is a process that has serious expectations of efficiency. However, in order for expectations not to be overstated and unrealized, it is necessary to distinguish the details of this process. Let's say that our subject area is no longer considered as a simple process of introducing ICT into production. We clearly distinguish between the concepts of «digitalization» and «digital transformation». By digitalization, we mean the use of digital technologies in companies' business models to create additional value. At the same time, we define digital transformation as a process of system transition of industry from one technological paradigm to another through the large-scale use of digital technologies and ICT in order to significantly increase its efficiency and competitiveness. Digital transformation is a more holistic concept of change. Moreover, today we are talking about such a the paradigm shift of the business model. And we argue that the digital transition is based not only on significant technological changes, but also on structural, organizational, financial changes, as well as on the transformation of the value created in the industry itself.

While the growth of economic efficiency from computerization and primary digitalization is gradually slowing down and reaching a plateau, it is the digital transition as a system transformation of industry that is becoming the driver of efficiency.

It is obvious that the processes of digital transformation in industries are not proceeding uniformly. In many ways, this is due to the prerequisites for the digitalization of industries, the readiness of the industry for a digital transition and, of course, the financial capabilities of enterprises. Thus, Dolganova and Deeva investigated in detail the problems of insufficiently large-scale digitalization of business and the problems

hindering digital transformation [8]. The expert survey conducted by the authors showed that one of the main barriers to digitalization is the insufficient maturity of the company's business processes, the low level of digital competencies and the inconsistency of the business strategy and digital transformation strategy. The lack of necessary financing as a barrier to digitalization is only in the middle of the rating of all problems [8]. Studies by other authors also show that the financial capabilities of industrial enterprises play an important, but not a leading role in the digital transition of industries [5; 10; 11; 13; 14; 18; 20].

The purpose of this article is a detailed study of budgets for digital transformation in industries and their relationship with the effectiveness of production. We will look at the structure of the «digital» budget in the industry as a whole, highlight the most significant articles and articles for which insufficient funds are allocated. Next, we will analyze the cross-industrial cost structure for the digital transformation of industry and reveal some industry features. Finally, we will determine the sufficiency and effectiveness of the costs incurred for the digital transition in the industries and group the industries from the efficiency assessment.

Literature review

Our research is within the following theoretical framework.

The first theoretical framework of the study is the concept of the fourth industrial revolution and the concept of Industry 4.0 meaningfully embedded in it [7; 12; 17]. As we have already noted earlier [2], the concept of «Industry 4.0» meaningfully corresponds to the concept of «digital transformation of industry». Therefore, in the context of this study, in order to correctly understand «digital» budgets, we will adhere to

the following understanding of the digital transformation of industry – these are the processes of a system «transition of industry from one technological mode to another through the large-scale use of digital and ICT in order to increase its efficiency and competitiveness» [2]. Accordingly, the costs of digital transformation are the costs of the introduction and use of digital technologies, leading to significant changes in the technological structure and ensuring an increase in production efficiency and competitiveness.

The second theoretical framework is the theory of innovation management related to the assessment of the impact of technological changes on the effectiveness of industrial enterprises. In the last decade, management and organizational scientists have been paying increasing attention to the relationship between digital transformation and innovation management [3; 9; 15; 16; 21]. In our opinion, technological and organizational changes associated with the use of digital technologies differ significantly from traditional innovations, since digital technologies have the character of «end-to-end» technologies, and the process of their implementation is complex, multilevel, nonlinear. It is particularly difficult to assess the cost effectiveness of conducting «end-to-end» digital technologies.

The concepts of digital maturity and digital strategies form the third theoretical framework of the study. Since the «digital» budget is the key to the implementation of digital transformation strategies, it will be important for us to understand its structure and impact on the effectiveness of not only the digitalization strategy itself, but also on the effectiveness of business strate-

gies of enterprises and the development strategy of the industry. These concepts have not yet developed into a separate theoretical direction, but there are separate prerequisites for systematization [4; 6; 19].

Data and methods

The study uses data from the Federal State Statistics Service of the Russian Federation - digitalization costs by type of costs for 2021, as well as data on industrial production and indices. In the study, the data are summarized (mining, manufacturing and electric power) and detailed (types of manufacturing industries). The main research methods are structural and comparative analysis.

Results and discussion

1. The structure of the budget for digital transformation in 2021.

In 2021, the budgets aimed at digital transformation in the Russian industry amounted to 478.7 million rubles, of which 72% are internal costs associated with the purchase of equipment, software, personnel training, etc. External costs of digitalization, which include the rental of digital equipment and software, technical support and access to databases, account for 28% of the total budget for digitalization of the industry.

In 2021, 138.2 million rubles (40.2%) was directed to the purchase of machinery and equipment related to digital technologies, of which almost half were computer equipment and office equipment (Fig. 1). The actual digital production equipment was purchased only for the amount of 31.1 million rubles.

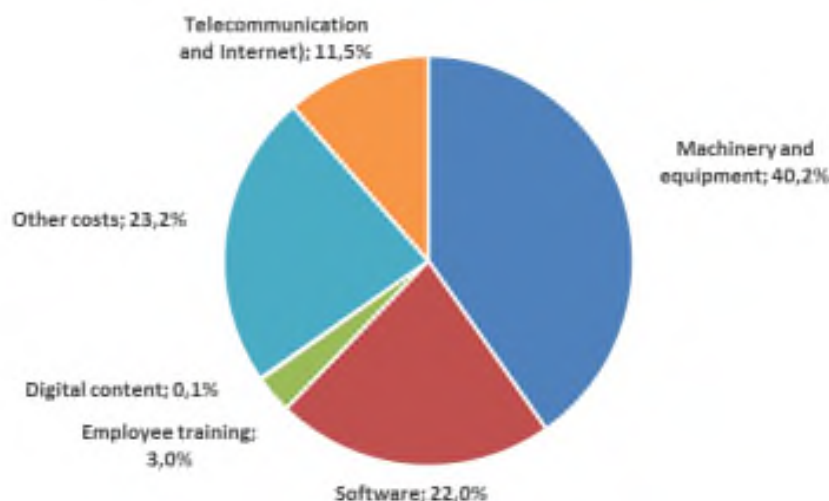

Figure 1. Structure of internal costs for digital transformation in the industry of the Russian Federation, 2021

Source: author's design on data source: Federal State Statistics Service of the Russian Federation, <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 14.12.2022)

The share of software purchases in 2021 amounted to 22% of the total budget of internal costs for digitalization, which is 75.4 million rubles. It should be noted

that the share of Russian software amounted to 40.5% of the cost of software purchases. At present, the costs of employee training are seen to be quite insignificant

- 3% of all internal expenses for digital transformation. Such expenses as the acquisition of a digital context are practically not found in industry.

2. Cross-industrial structure of costs for digital transformation of industry in 2021.

The budget for digital transformation is unevenly distributed among the regions. Thus, 75% of the digitalization budget falls on 10 industries (more than 30 in total) (Fig. 2). The industry leaders in terms of the absolute value of digitalization costs are energy, production of petroleum products, gas and oil production, metallurgy, electronics and tool industry.

At the same time, certain types of digital transformation costs have pronounced industry features.

Thus, the enterprises transport engineering, production of rubber and plastic products, woodworking and furniture production have the cost of purchasing digi-

tal equipment in the amount of more than 10% of the total budget for digital transformation. Moreover, the highest expenses for digital equipment are noted in the automotive industry (58.3%), furniture manufacturing (54.7%), general mechanical engineering (35.3%). In these industries, the main focus is on digital equipment, not on software.

The emphasis on software (the share of purchase or development costs is more than 20%) is made in such industries as oil, gas, coal, metal ores, petroleum products, metallurgy, the production of medicines and electronics, as well as the production of beverages and tobacco. The leaders in the share of expenses for the software are the production of petroleum products (61.4%), the production of tobacco products (41.5%) and the production of medicines (39.8%).

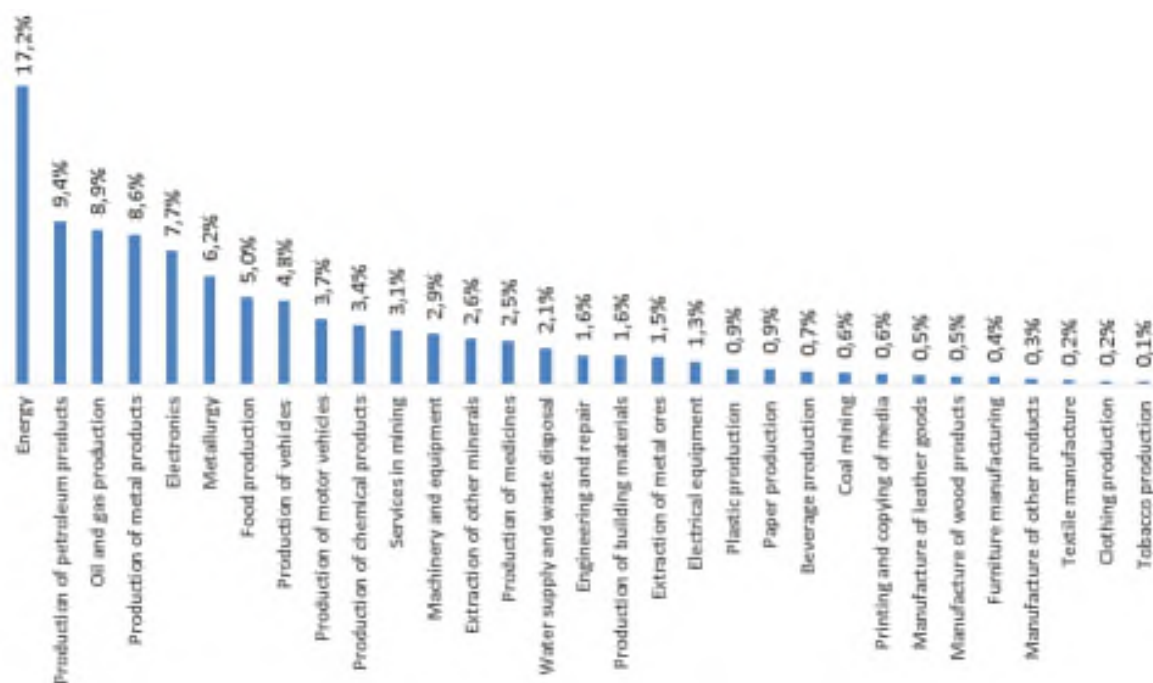

Figure 2. Industry structure of the digital budget, 2021

Source: author's design on data source: Federal State Statistics Service of the Russian Federation, <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (accessed: 14.12.2022)

Adherents of import substitution (the share of Russian software costs in the amount of software costs is more than 50%) are coal enterprises (65.2%), clothing enterprises (56.7%), textile enterprises (69.6%), printing (95.5%), enterprises producing finished metal products (92.4%), electronics companies (54.1%). Oil refining enterprises (6.9%) and tobacco production enterprises (9.4%) are less focused on Russian software.

The costs of personnel training associated with the introduction of digital technologies in the industry as a whole occupy a small share, but a number of industries pay increased attention to this – these are energy

enterprises, automotive and chemical industries. The costs of acquiring access to external databases are quite specific. These costs are typical for the food and textile industries, woodworking and printing houses, as well as utilities.

Earlier studies noted that metallurgical enterprises, as well as enterprises producing electrical equipment, electronics and chemical products, are the most ready for digital business transformation, since in these industries the level of primary digitalization and automation is quite high [21]. Today we observe that it is these enterprises that have a significant share of the «digital»

budget, directed not to the purchase of digital equipment, but to the purchase and development of software. Further, it can be predicted that these industries will increase the share of the “digital” budget, which is aimed at increasing the digital competencies of employees and the growth of the human capital of companies.

3. Effectiveness of digital transformation budgets in 2021.

The analysis of «digital» budgets will not be complete if it is not supplemented with an analysis of relative indicators. Let's calculate the value of the indicator «digitalization costs per 1 million rubles of industrial output» and compare them with the index of industrial production. These indicators are shown in Figure 3. The size of the circle in Figure 3 corresponds to the

volume of the «digital» budget of the industry for digital transformation in 2021.

In 2021, the leaders were leather production enterprises, electronics enterprises, as well as mining enterprises (except for the extraction of hydrocarbons and metal ores) (Fig. 3). At the same time, these same industries showed a significant (more than 110%) increase in output in 2021.

Coal mining, woodworking, tobacco production, and rubber and plastics production have the lowest values (Fig. 3). At the same time, in 2021, the woodworking and rubber-plastic industry showed fairly high growth rates (more than 110%). For these industries, growth was largely restorative.

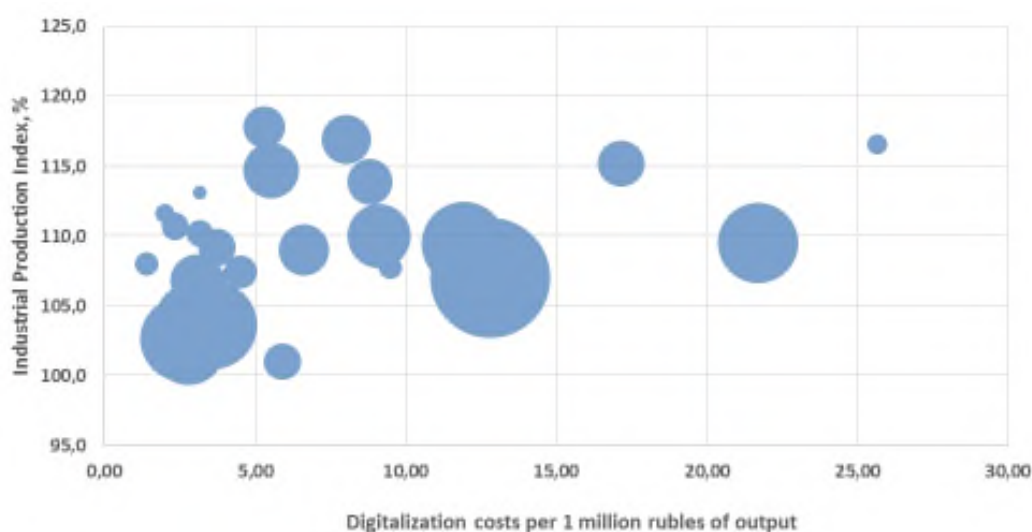

Figure 3. Effectiveness of digital transformation budgets in 2021¹

Source: prepared by the author

Figure 4 shows a matrix that takes into account the ratio of the cost effectiveness of digitalization and the growth rate of production in 2021. The figure shows that a number of industries with large absolute values of «digital» budgets are characterized by a rather low relative value and moderate growth rates. These industries turned out to be raw materials industries such as oil and gas extraction and processing, metallurgy and the food industry.

Against the background of these industries, digital transformation in the production of medicines, the automotive industry, the production of machinery and equipment, transport engineering, electric power and

utilities looks quite effective.

Conclusion

The analysis of «digital» budgets in the Russian industry showed a significant differentiation of industries both in terms of the amount of costs and their structure. Cross-industry analysis showed individual characteristics of industries that are associated with the level of digital readiness and sufficiency of the “digital” budget for a full-scale digital transition. The study also confirmed the following conclusion. If the costs of digitalization do not work to increase efficiency (output volumes, growth rates), then the problems may lie deeper, for example,

¹ Figure 3 shows: 1 – manufacture of leather goods; 2 – manufacture of computers and electronics; 3 – extraction of other minerals; 4 – electricity; 5 – manufacture of finished metal products; 6 – printing houses; 7 – manufacture of vehicles; 8 – manufacture of medicines; 9 – manufacture of machinery and equipment; 10 – mining services; 11 – engineering and repair; 12 – automobile production; 13 – water supply and waste disposal; 14 – furniture production; 15 – electrical equipment production; 16 – manufacture of other products; 17 – production of construction products; 18 – production of beverages; 19 – production of petroleum products; 20 – extraction of metal ores; 21 – production of paper products; 22 – textile production; 23 – production of clothing; 24 – production of chemical products; 25 – food production; 26 – metallurgy; 27 – oil and gas production; 28 – mass production; 29 – tobacco production; 30 – manufacture of wood products; 31 – coal mining.

the discrepancy between the goals of digitalization and business goals, the lack of involvement of management

in digitalization and organizational weakness of business processes, low digital culture at the enterprise, etc.

Industrial Production Index, %	high rate (over 110%)	metal ore mining (2.3 million rubles) pulp and paper industry (4.1 million rubles) textile industry (1 million rubles) rubber and plastics production (4.2 million rubles) woodworking (2.2 million rubles)	medical products industry (11.9 million rubles) production of machinery and equipment (13.8 million rubles) automotive industry (17.8 million rubles) utilities (2.3 million rubles) leather goods industry (9.9 million rubles) furniture industry (2.0 million rubles) mining of other minerals (12.4 million rubles)
	medium rate (100–110%)	coal mining (2.9 million rubles) oil and gas production (42.5 million rubles) oil refining (44.8 million rubles) metal ore mining (7.4 million rubles) metallurgy (29.8 million rubles) chemical industry (16.2 million rubles) building materials industry (7.8 million rubles) light industry (0.7 million rubles) food industry (23.9 million rubles) beverage production (3.5 million rubles) tobacco industry (0.6 million rubles)	electronics (36.7 million rubles) electrical industry (6.1 million rubles) transport engineering (22.9 million rubles) electric power industry (82.4 million rubles) metal industry (41.3 million rubles) printing industry (2.9 million rubles) mining services (14.9 million rubles) engineering and repair (7.8 million rubles) production of other finished products (1.3 million rubles)
	decrease	–	–
		low value (less than median)	high value (more than median)
Digitalization costs per 1 million rubles of output			

Figure 4. Matrix of the «digital» budget efficiency and the growth rate of production in 2021 (in parentheses the absolute value of the budget for digitalization in 2021)

Source: prepared by the author

References

1. Akberdina, V. V. (2018) Digitalization of Industrial Markets: Regional characteristics. *The Manager*. Vol. 9. – No 6, – pp. 78–87, <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2018-9-6-8> (In Eng.).
2. Akberdina, V. V., Romanova, O. A. (2021) [Regional Aspects of Industrial Development: A Review of Approaches to the Formation of Priorities and Regulatory Mechanisms]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions]. Vol. 17, – No. 3, – pp. 714–736, <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-1> (In Russ.).
3. Appio, F. P., et al. (2021) Digital transformation and innovation management: A synthesis of existing research and an agenda for future studies. *Journal of Product Innovation Management*. Vol. 38. – No. 1, – pp. 4–20, <https://doi.org/10.1111/jpim.12562> (In Eng.).
4. Boev, A. G. (2019) [Theoretical Basis of the Strategy of Institutional Transformations of Industrial Complexes in the Digital Economy]. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve* [Models, Systems, Networks in Economics, Technology, Nature and Society]. Vol. 3, – pp. 49–61. (In Russ.).
5. Carolis, A. D., et al. (2017) A maturity model for assessing the digital readiness of manufacturing companies. In *IFIP International Conference on Advances in Production Management Systems*, September. Springer, Cham, pp. 13–20, https://doi.org/10.1007/978-3-319-66923-6_2 (In Eng.).
6. Correani, A., et al. (2020) Implementing a digital strategy: Learning from the experience of three digital transformation projects. *California Management Review*. Vol. 62. – No. 4, – pp. 37–56, <https://doi.org/10.1177/0008125620934864> (In Eng.).
7. Digital transformation in industry: trends, management, strategies. *Lectures Notes in Information Systems and Organization*. Springer's Book Series / Ed. V. Kumar, J. Rezaei, V. Akberdina, E. Kuzmin. 2021. – Vol. 44. – 290 p, <https://doi.org/10.1007/978-3-030-73261-5> (In Eng.).
8. Dolganova, O. I., Deeva, E. A. (2019) [The Company's Readiness for Digital Transformations: Problems and Diagnostics]. *Biznes-informatika* [Business Informatics]. Vol. 13. – No. 2, – pp. 59–72, <https://doi.org/10.17323/1998-0663.2019.2.59.72> (In Russ.).
9. Efimova, E. I., et al. (2021) [The Impact of Digitalization on the Development of Innovation Management]. *Upravlenie innovatsionnymi i investitsionnymi processami i izmeneniyami v usloviyah cifrovoy ekonomiki: sbornik nauchnykh trudov po itogam IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii* [Management of Innovation and Investment Processes and Changes in the Digital Economy: a Collection of Scientific Papers on the

Results of the IV International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 28–29, Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics, pp. 457–462. (In Russ.).

10. Evdokimova, E. N. et al. (2020) *Cifrovaya transformatsiya promyshlennosti: problemy upravleniya, metodologiya ocenki* [Digital Transformation of Industry: Management Problems, Evaluation Methodology]. Ryazan: Ryazan Institute of Education Development, 117 p., <https://doi.org/10.5281/zenodo.4312719> (In Russ.).

11. Galimova, M. P. (2019) [Readiness of Russian Enterprises for Digital Transformation: Organizational Drivers and Barriers]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [USNTU Bulletin. Science, Education, Economics. Series: Economics]. Vol. 1 (27), – pp. 27–37, <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2019-1-27-27-37> (In Russ.).

12. Kagermann, H. (2015) Change through digitization – value creation in the age of industry 4.0., *Management of Permanent Change*. Springer Fachmedien Wiesbaden: Wiesbaden, pp. 23–45, https://doi.org/10.1007/9783-65805014-6_2 (In Eng.).

13. Kozlov, A. V., Teslya, A. B. (2019) Digital Potential of Industrial Enterprises: Essence, Definition and Calculation Methods]. *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Trans-Baikal State University]. Vol. 25. – No. 6, – pp. 101–110, <https://doi.org/10.21209/222792452019256101110> (In Russ.).

14. Lapidus, L. V., Leontieva, L. S., Gostilovich, A. O. (2019) Minimal Digital Basket of Russian Regions for Industrial Transformation]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [Public Administration. Electronic Bulletin]. Vol. 77, – pp. 212–228, <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10025> (In Russ.).

15. Miterev, I. V. (2018) [Digitalization as an External Factor of Innovation Activity at the Enterprise]. *Intellektual'nye resursy – regional'nomu razvitiyu* [Intellectual Resources for Regional Development]. Vol. 1, – pp. 41–45. (In Russ.).

16. Nambisan, S., Lyytinen, K., Majchrzak, A., Song, M. (2017) Digital Innovation Management: Reinventing innovation management research in a digital world. *MIS quarterly*. Vol. 41. – No. 1, – pp. 1–18. (In Eng.).

17. Oztemel, E., Gursev, S. (2020) Literature review of Industry 4.0 and related technologies. *Journal of Intelligent Manufacturing*. No 31, – pp. 127–182, <https://doi.org/10.1007/s10845-018-1433-8> (In Eng.).

18. Panfilova, E. E. (2019) [Analysis of Industrial Enterprises' Readiness for Digital Business Transformation]. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Economic Journal]. Vol. 10, – pp. 98, <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-10086> (In Russ.).

19. Schallmo, D., Williams, C. A., Lohse, J. (2018) Clarifying digital strategy – Detailed literature review of existing Approaches. *ISPM Conference Proceedings. The International Society for Professional Innovation Management (ISPM)*, Stockholm, Sweden on 17–20 June, pp. 1–21. (In Eng.).

20. Soomro, M. A., Hizam-Hanafiah, M., Abdullah, N. L. (2020) Digital readiness models: A systematic literature review. *Compusoft*. Vol. 9. – No. 3, – pp. 3596–3605. (In Eng.).

21. Zakharova, E. V., Mityakova, O. I. (2020) Assessment of the Innovative Potential of an Enterprise Taking into Account the Digitalization of the Economy]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of Innovative Economy]. Vol. 10. – No. 3, – pp. 1653–1666, <https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110601> (In Russ.).

Information about the author:

Victoria Viktorovna Akberdina, Doctor of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Regional Industrial Policy and Economic Security, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6463-4008, **Researcher ID:** ABB-2687-2020, **Scopus Author ID:** 35723892400

e-mail: akberdina.vv@uiecr.ru

Victoria Victorovna Akberdina, Russian economist, specialist in the field of economic, technological and regional development – Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Regional Industrial Policy and Economic Security, Professor of the Department of Regional Economics, Innovative Entrepreneurship and Security, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (UrFU).

In 2002 Victoria Victorovna defended her candidate thesis «Development of a mechanism for forecasting and preparing management decisions at industrial enterprises». In 2011 the doctoral thesis «Methodology for studying the processes of formation and development of economic and technological reality in industry» was defended.

Akberdina V. V. is the author and co-author of more than 200 papers, 45 publications are included in the core of the RSCI.

The scope of scientific interests:

- studies of the structural proportions of the economic development of the state, territories and industries; research on the technological, structural and institutional transformation of the industrial complex and industrial markets in the context of the development of Industry 4.0;

- development of theoretical and methodological foundations for the formation of industrial policy in the conditions of the fourth industrial revolution, substantiation of models of innovative dynamics of the technological development of the regional economy based on the economic and mathematical approach.

Main scientific results:

- theoretical provisions in the field of studying economic and technological development in industry at the regional level are developed, a methodology for studying economic and technological development in the industry of the region is developed, including the principles and algorithm for nonlinear modeling of the innovative dynamics of the region, a mathematical complex for the phenomenon of «innovation resonance» of the industrial system is developed;

- developed and substantiated the theoretical concept of multi-subject industrial policy at the regional level based on resonant effects in the conditions of new industrialization, formalized the interaction between the state and business based on game theory, formalized the motivational potentials of the main subjects of the groups;

- substantiated the methodology for studying structural changes in regional industry markets in the context of the formation of a network industrial complex, developed a system of control actions on the structural parameters of the development of regional industry, developed a methodology for determining the stages of structural changes in industry markets in a digital economy.

Akberdina V. V. is the chairman of the dissertation council 24.1.156.02 at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences in the specialties 5.2.3 «Regional and sectoral economics (industrial economics)» and 5.2.5 «World economy», a member of the dissertation councils of UrFU and PSNIU, deputy chairman Public Council under the Ministry of Industry and Science of the Sverdlovsk Region, member of the Energy Committee of the Sverdlovsk Regional Union of Industrialists and Entrepreneurs.

Main prizes and awards:

- medal «For contribution to the implementation of state policy in the field of education, scientific and technological development» (2021);

- Letter of thanks from the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Urals Federal District (2020);

- Letter of thanks from the Governor of the Sverdlovsk region (2020);

- Letter of thanks from the Minister of Industry and Science of the Sverdlovsk Region (2015);

- Award named after A.M. Sergeev on regional economics (2013);

- Gold medal of the Russian Academy of Sciences for young scientists (2011).

Victoria Viktorovna is the Deputy Editor-in-Chief of the scientific journal Economics of the Region and a member of the editorial board of the journal Digital Models and Solutions.

The paper was submitted: 02.02.2023.

Accepted for publication: 08.02.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация об авторе:

Виктория Викторовна Акбердина, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом региональной промышленной политики и экономической безопасности, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6463-4008, **Researcher ID:** ABB-2687-2020, **Scopus Author ID:** 35723892400

e-mail: akberdina.vv@uiec.ru

Виктория Викторовна Акбердина, российский экономист, специалист в области экономико-технологического и регионального развития – доктор экономических наук, профессор Российской академии наук (РАН), член-корреспондент РАН, заместитель директора Института экономики УрО РАН, заведующий отделом региональной промышленной политики и экономической безопасности, профессор кафедры региональной экономики, инновационного предпринимательства и безопасности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ).

В 2002 году она защитила кандидатскую диссертацию «Разработка механизма прогнозирования и подготовки управленческих решений на промышленных предприятиях», в 2011 году докторскую диссертацию «Методология исследования процессов формирования и развития экономико-технологической реальности в промышленности».

Акбердина В. В. является автором и соавтором более чем 200 работ, из которых 45 публикаций входят в ядро РИНЦ.

Сфера ее научных интересов:

- исследования структурных пропорций экономического развития государства, территорий и отраслей; исследования технологической, структурной и институциональной трансформации промышленного комплекса и индустриальных рынков в условиях развития Индустрии 4.0;

- разработка теоретико-методологических основ формирования промышленной политики в условиях четвертой промышленной революции, обоснование моделей инновационной динамики технологического развития региональной экономики на основе экономико-математического подхода.

Основные научные результаты:

- развиты теоретические положения в области исследования экономико-технологического развития в промышленности на региональном уровне, разработана методология исследования экономико-технологического развития в промышленности региона, включая принципы и алгоритм нелинейного моделирования инновационной динамики региона, разработан математический комплекс явления «инновационный резонанс» промышленной системы;

- разработана и обоснована теоретическая концепция мультисубъектной промышленной политики на уровне региона на основе резонансных эффектов в условиях новой индустриализации, формализовано взаимодействие между государством и бизнесом на основе теории игр, формализованы мотивационные потенциалы основных субъектов групп;

- обоснована методология исследования структурных изменений региональных отраслевых рынков в условиях формирования сетевого промышленного комплекса, разработана система управляющих воздействий на структурные параметры развития региональной промышленности, разработана методика определения стадий структурных изменений отраслевых рынков в условиях цифровой экономики.

Акбердина В. В. является председателем диссертационного совета 24.1.156.02 при Институте экономики УрО РАН по специальностям 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономика промышленности)» и 5.2.5 «Мировая экономика», членом диссертационных советов УрФУ и ПГНИУ, заместителем председателя общественного совета при Министерстве промышленности и науки Свердловской области, членом комитета по энергетике Свердловского областного Союза промышленников и предпринимателей.

Основные премии и награды:

- медаль «За вклад в реализацию государственной политики в области образования и научно-технологического развития» (2021);

- Благодарственное письмо Полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе (2020);

- Благодарственное письмо Губернатора Свердловской области (2020);

- Благодарственное письмо министра промышленности и науки Свердловской области (2015);

- Премия им. А. М. Сергеева по региональной экономике (2013);

- Золотая медаль РАН для молодых ученых (2011).

Виктория Викторовна является заместителем главного редактора научного журнала «Экономика региона» и членом редакционной коллегии журнала «Цифровые модели и решения».

Статья поступила в редакцию: 02.02.2023; принята в печать: 08.02.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 657.6

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-19>

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТЧЕТНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Л. А. Свиридова¹, Т. А. Терентьева²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹ e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

² e-mail: teraudit56@mail.ru

Аннотация. В работе исследованы вопросы составления форм бухгалтерской отчетности по группам экономических субъектов: коммерческие организации реального сектора; некоммерческие организации реального и общественного сектора; организации бюджетной сферы; с учетом особенностей раскрытия информации об источниках финансирования их деятельности в целях внешнего и внутреннего контроля достоверности сведений. Дана оценка содержания современного состояния нормативно-правовой базы по составлению бухгалтерской отчетности различными группами экономических субъектов в части отражения в ней источников финансирования, с целью контроля достоверности информации. Методологической основой работы явились общенаучные принципы и методы исследования: анализ и синтез, логическая увязка, систематизация. Представлена авторская систематизация нормативного регулирования в отношении требований к информации об источниках финансирования, раскрываемой в бухгалтерском балансе с учетом особенностей субъектов коммерческого, общественного и государственного секторов экономики, и проведена классификация их отчетных форм. Выявлены недостатки нормативного регулирования составления отчетности и выработаны предложения по их устранению. Приведена группировка форм бухгалтерской отчетности в зависимости от групп экономических субъектов, имеющих различные по существу источники финансирования деятельности. Дана критическая оценка порядка составления баланса и отражения в нем информации об источниках финансирования деятельности некоммерческих организаций и организаций бюджетной сферы. Необходимо сменить концептуальные подходы к раскрытию информации об источнике финансирования деятельности организаций бюджетной сферы в целях усиления внешнего финансового контроля. Предлагаемый авторский подход к идентификации источников финансирования деятельности различных групп экономических субъектов, и отражение информации об этом объекте в их балансе, может быть реализован как в процессе совершенствования нормативно-правового регулирования, так и в процессе составления отчетности экономическими субъектами, особенно для организаций бюджетной сферы. Основные результаты, полученные авторами, позволяют профессиональному бухгалтеру адекватно реализовывать требования федеральных стандартов в отношении отражения информации об источниках финансирования в отчетности экономических субъектов различных групп и контролировать достоверность этой информации.

Ключевые слова: группы экономических субъектов, реальный сектор, бюджетная сфера, общественный сектор, источник финансирования деятельности, контроль достоверности информации.

Для цитирования: Свиридова Л. А., Терентьева Т. А. Источники финансирования деятельности в отчетности экономических субъектов различных групп // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 19–31, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-19>.

SOURCES OF FINANCING ACTIVITIES IN THE REPORTING OF ECONOMIC ENTITIES OF VARIOUS GROUPS

L. A. Sviridova¹, T. A. Terentyeva²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹ e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

² e-mail: teraudit56@mail.ru

Abstract. The paper studies the issues of compiling accounting forms for groups of economic entities (commercial organizations of the real sector, non-profit organizations of the real and public sector, organizations of the public sector), taking into account the peculiarities of disclosing information about the sources of financing of their activities for the purpose of external and internal control of the reliability of information. An assessment is made of the content of the current state of the regulatory framework for the preparation of financial statements by various groups of economic entities in terms of reflecting sources of financing in it, in order to control the reliability of information. The methodological basis of the work was the general scientific principles and methods of research: analysis and synthesis, logical linking, systematization. The author's systematization of regulatory regulation in relation to the requirements for information on sources of financing disclosed in the balance sheet is presented, taking into account the characteristics of subjects of the commercial, public and public sectors of the economy, and a classification of their reporting forms is carried out. The shortcomings of the normative regulation of reporting were identified and proposals were developed for their elimination. The grouping of forms of financial statements depending on the groups of economic entities that have essentially different sources of financing activities is given. A critical assessment of the procedure for compiling the balance sheet and reflecting in it information about the sources of financing for the activities of non-profit organizations and public sector organizations is given. It is necessary to change the conceptual approaches to the disclosure of information about the source of funding for the activities of public sector organizations in order to strengthen external financial control. The proposed author's approach to identifying sources of financing for the activities of various groups of economic entities, and reflecting information about this object in their balance sheet, can be implemented both in the process of improving legal regulation and in the process of reporting by economic entities, especially for public sector organizations. The main results obtained by the authors allow a professional accountant to adequately implement the requirements of federal standards regarding the reflection of information about sources of financing in the reports of economic entities of various groups and control the reliability of this information.

Key words: groups of economic entities, the real sector, the budgetary sphere, the public sector, the source of financing activities, control of the reliability of information.

Cite as: Sviridova, L. A., Terentyeva, T. A. (2023) [Sources of financing activities in the reporting of economic entities of various groups]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 19–31, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-19>.

Введение

Общеизвестно, что конечным результатом профессиональной деятельности бухгалтера является отчетность, которую ему необходимо составить с учетом установленных регулятором требований. Общие требования к бухгалтерской (финансовой) отчетности и её состав приведены в законе «О бухгалтерском учете»¹. В законе указан перечень годовых отчетных форм для коммерческих и некоммерческих организаций, а именно бухгалтерский баланс, отчет о финансовых результатах, отчет о целевом использовании средств и приложения к ним. Для организаций бюджетной сферы приводится порядок определения состава отчетных форм с учетом требований действующего бюджетного законодательства, для Центрального банка России – с учетом его регламента. Формирование информации в отчетности регламентируется соответствующими федеральными стандартами, которые играют в этом процессе первостепенную роль. Существует достаточно много источников финансирования деятельности экономических субъектов, в зависимости от сферы их функционирования [7], что

обуславливает специфику группировки соответствующих статей бухгалтерской (финансовой) отчетности, в которых отражается информация об этих источниках. В связи с этим авторы статьи ставят перед собой задачу классифицировать состав бухгалтерской (финансовой) отчетности в зависимости от соответствующих групп экономических субъектов: коммерческие организации реального сектора, некоммерческие организации реального и общественного сектора, организации бюджетной сферы, и описать специфику отражения информации в ней об источниках финансирования их деятельности. Для этого, в свою очередь, необходимо систематизировать нормативно-правовые акты, устанавливающие требования по формированию информации об источниках финансирования в бухгалтерском балансе с учетом особенностей субъектов коммерческого, общественного и государственного секторов экономики. При анализе нормативно-правового регулирования применен критический подход, позволяющий выявлять те аспекты, которые значимы для целей контроля достоверности информации об источниках финансирования в отчетности.

¹ Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 26.07.2019 г.) «О бухгалтерском учете» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020 г.) – URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 12.09.2021).

Требования к формированию информации в отчетности экономического субъекта

Формирование информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности экономического субъекта регламентировано федеральными стандартами бухгалтерского учета. Основным стандартом, которым необходимо руководствоваться бухгалтеру при составлении бухгалтерской (финансовой) отчетности о результатах деятельности коммерческой организации, является ПБУ 4/99 «Бухгалтерская отчетность организаций»².

В указанном стандарте приводится состав бухгалтерской отчетности и общие требования к ней, раскрывается содержание отчетных форм по статьям отражения информации. Описываются правила оценки статей бухгалтерской отчетности, что обеспечивает связь ПБУ 4/99 с другими стандартами, в которых раскрываются требования к оценке соответствующих объектов бухгалтерского учета и раскрытию информации о них в отчетности.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что указанный выше стандарт содержит ряд норм и терминов, которые в настоящий момент не применяются в связи с принятием новых документов. В ПБУ 4/99 приводятся устаревшие названия отчетных форм, и наблюдается разночтение с содержа-

нием закона «О бухгалтерском учете», что придает федеральному стандарту ПБУ 4/99 неактуальный статус.

Для актуализации требований федерального стандарта «Бухгалтерская отчетность организаций» Минфин России разместил на своем сайте новый его проект, который в настоящее время находится на стадии публичного обсуждения. Текст нового федерального стандарта не лишен определенных недостатков, о которых указывается в публикациях таких авторов, как Т. Ю. Дружиловская, Э. С. Дружиловская [1]. В данной статье нами тоже будет дана оценка текста проекта данного стандарта в нижеследующих разделах.

Для систематизации требований к формированию и раскрытию в бухгалтерском балансе информации в разрезе каждой его статьи, целесообразно провести соответствующую группировку стандартов учета в разрезе каждой группы экономических субъектов (коммерческие организации реального сектора экономики, некоммерческие организации реального и общественного сектора, организации бюджетной сферы).

Группировка нормативных требований по отражению в отчетности информации о соответствующих объектах бухгалтерского учета коммерческой организации представлена в таблице 1.

Таблица 1. Группировка нормативных требований по отражению информации о соответствующих объектах бухгалтерского учета в бухгалтерской (финансовой) отчетности коммерческих организаций реального сектора экономики

Наименование отчетной формы	Раздел отчетной формы	Нормативный документ, предъявляющий требования по содержанию и раскрытию информации в статье отчетности
Бухгалтерский баланс	Внеоборотные активы	ПБУ 2/2008 «Учет договоров строительного подряда» ФСБУ 6/2020 «Учет основных средств» ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи» ПБУ 14/2007 «Учет НМА» (ФСБУ 14/2022 с отчетности за 2024 г.) ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» ПБУ 17/02 «Учет расходов на НИОКТР» ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций» ПБУ 19/02 «Учет финансовых вложений» ПБУ 20/03 «Информация об участии в совместной деятельности» ПБУ 24/2011 «Учет затрат на освоение природных ресурсов»
	Оборотные активы	ПБУ 2/2008 «Учет договоров строительного подряда» ПБУ 3/2006 «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» ФСБУ 5/2019 «Запасы» ПБУ 11/2008 «Информация о связанных сторонах» ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи» ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» ПБУ 19/02 «Учет финансовых вложений» ПБУ 20/03 «Информация об участии в совместной деятельности»

² Приказ Минфина РФ от 06.07.1999 г. № 43н (ред. от 08.11.2010 г., с изм. от 29.01.2018 г.) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Бухгалтерская отчетность организации» (ПБУ 4/99)» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18609/ (дата обращения: 21.09.2021).

Продолжение таблицы 1

Наименование отчетной формы	Раздел отчетной формы	Нормативный документ, предъявляющий требования по содержанию и раскрытию информации в статье отчетности
Бухгалтерский баланс	Капитал и резервы	Приказ Минфина России от 29.07.1998 г. № 34н (ред. от 11.04.2018 г.) «Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации» ПБУ 11/2008 «Информация о связанных сторонах»
	Долгосрочные обязательства	ПБУ 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» ПБУ 15/2008 «Учет расходов по займам и кредитам» ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций» ПБУ 21/2008 «Изменения оценочных значений»
	Краткосрочные обязательства	ПБУ 2/2008 «Учет договоров строительного подряда» ПБУ 3/2006 «Учет активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» ПБУ 8/2010 «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» ПБУ 11/2008 «Информация о связанных сторонах» ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи» ПБУ 15/2008 «Учет расходов по займам и кредитам» ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» ПБУ 20/03 «Информация об участии в совместной деятельности» ПБУ 21/2008 «Изменения оценочных значений»
Отчет о финансовых результатах	Доходы и расходы по обычным видам деятельности	ПБУ 2/2008 «Учет договоров строительного подряда» ПБУ 9/99 «Доходы организации» ПБУ 10/99 «Расходы организации» ПБУ 12/2010 «Информация по сегментам» ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности» ПБУ 20/03 «Информация об участии в совместной деятельности»
	Прочие доходы и расходы	ПБУ 2/2008 «Учет договоров строительного подряда» ПБУ 9/99 «Доходы организации», ПБУ 10/99 «Расходы организации»

Источник: разработано авторами

Каждый перечисленный в таблице 1 федеральный стандарт определяет требования к раскрытию информации о результатах деятельности в бухгалтерской (финансовой) отчетности экономического субъекта реального сектора экономики и о состоянии его активов, обязательств, доходов, расходов

и источников финансирования деятельности.

Группировка нормативных требований по отражению в отчетности информации о соответствующих объектах бухгалтерского учета организаций бюджетной сферы представлена в таблице 2.

Таблица 2. Группировка нормативных требований по отражению информации о соответствующих объектах бухгалтерского учета в бухгалтерской (финансовой) отчетности организаций бюджетной сферы

Наименование отчетной формы	Раздел отчетной формы	Ссылка на нормативный документ
Баланс главного распорядителя, распорядителя, получателя бюджетных средств	Нефинансовые активы	ФСБУ «Биологические активы» ФСБУ «Финансовые инструменты» ФСБУ «Нематериальные активы» ФСБУ «Запасы» ФСБУ «Непроизведенные активы» ФСБУ «Обесценение активов» ФСБУ «Основные средства» ФСБУ «Аренда» ФСБУ «Совместная деятельность» ФСБУ «Концессионные соглашения»

Продолжение таблицы 2

Наименование отчетной формы	Раздел отчетной формы	Ссылка на нормативный документ
	Финансовые активы	ФСБУ «Государственная (муниципальная) казна» ФСБУ «Учет операций системы казначейских платежей» ФСБУ «Финансовые инструменты» ФСБУ «Влияние изменений курсов иностранных валют» ФСБУ «Совместная деятельность» ФСБУ «Метод долевого участия»
	Обязательства	ФСБУ «Затраты по заимствованиям» ФСБУ «Выплаты персоналу» ФСБУ «Долгосрочные договоры» ФСБУ «Резервы. Раскрытие информации об условных обязательствах и условных активах» ФСБУ «Совместная деятельность» ФСБУ «Концессионные соглашения» ФСБУ «Метод долевого участия»
	Финансовый результат	ФСБУ «Доходы» ФСБУ «Концептуальные основы бухгалтерского учета и отчетности организаций государственного сектора»
Отчет о финансовых результатах деятельности	Доходы	ФСБУ «Доходы» ФСБУ «Концептуальные основы бухгалтерского учета и отчетности организаций государственного сектора»
	Расходы	ФСБУ «Концептуальные основы бухгалтерского учета и отчетности организаций государственного сектора» ФСБУ «Затраты по заимствованиям» ФСБУ «Выплаты персоналу» ФСБУ «Долгосрочные договоры» ФСБУ «Резервы. Раскрытие информации об условных обязательствах и условных активах» и др. стандарты, имеющие отношение к формированию расходов, связанных с использованием активов государственного учреждения

Источник: разработано авторами

Перечисленные в таблице 2 федеральные стандарты определяют требования к раскрытию в бухгалтерской (финансовой) отчетности информации о результатах функционирования экономического субъекта бюджетной сферы.

Для некоммерческих организаций отдельных стандартов в настоящее время не разработано, поэтому организации данной группы руководствуются правилами бухгалтерского учета и составления отчетности, установленными для коммерческого сектора экономики. Однако в проекте стандарта «Бухгалтерская отчетность организаций» предпринята попытка выделить особенности для форм отчетности этой группы экономических субъектов.

Особенности форм бухгалтерской отчетности в зависимости от групп экономических субъектов

Вопросам раскрытия информации об источниках финансирования деятельности экономи-

ческих субъектов в их бухгалтерской отчетности посвящены публикации зарубежных и отечественных специалистов. В частности, порядок отражения в отчетности информации о капитале раскрыт в работах Орловой Е. [5], Туяковой З. С. [9], Бассиуни А. (Bassiouny A.) [12], Чахеда Ю. (Chahed Y.) [13], Элкинса Х. (Elkins H.), Энтвистла Г. (Entwistle G.), Шмидта Р. Н. (Schmidt R. N.) [14] Хадсона Р. (Hudson R) [15] и др.

Первостепенное значение для классификации отчетности в зависимости от выделенных групп экономических субъектов и источников их финансирования имеет приказ Минфина России № 66н³. Именно из содержания данного нормативного документа следует, что существует различие в отражении информации по разделу «Капитал и резервы» бухгалтерского баланса, так как такое название раздела приемлемо для коммерческих организаций реального сектора. В данном нормативном документе регулятор приводит отчетные формы для

³ Приказ Минфина России от 02.07.2010 г. № 66н (ред. от 19.04.2019 г.) «О формах бухгалтерской отчетности организаций» (с изм. и доп., вступ. в силу с отчетности за 2020 год) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103394/ (дата обращения: 12.09.2021).

коммерческих организаций в полном и упрощенном варианте их составления. В то время как структура бухгалтерского баланса некоммерческих организаций не приводится в вышеуказанном приказе. В связи с этим Минфин России ввел в действие изменения в соответствии с приказом № 124н.⁴ Добавил в приказ об отчетности следующие примечания для некоммерческих организаций:

- вместо строки «Уставный капитал (складочный капитал, уставный фонд, вклады товарищей)» по коду 1310 включать строку «Паевой фонд»;
- вместо строки «Собственные акции, выкупленные у акционеров» по коду 1320 включать строку «Целевой капитал»;
- вместо строки «Добавочный капитал (без переоценки)» по коду 1350 включать строку «Целевые средства»;

– вместо строки «Резервный капитал» по коду 1360 включать строку «Фонд недвижимого и особо ценного движимого имущества»;

– вместо строки «Нераспределенная прибыль (непокрытый убыток)» по коду 1370 включать строку «Резервный и иные целевые фонды». Сам раздел некоммерческие организации должны именовать «Целевое финансирование». Применительно к предлагаемой нами группировке экономических субъектов данными примечаниями должны руководствоваться некоммерческие организации реального (потребительские кооперативы, товарищества собственников недвижимости, государственные корпорации, фонд модернизации ЖКХ и т. п.) и общественного секторов экономики. В таблице 3 показан состав статей 3 раздела бухгалтерского баланса некоммерческих организаций⁵.

Таблица 3. Раздел «Целевое финансирование» бухгалтерского баланса некоммерческой организации

Код строки бухгалтерского баланса	Наименование статьи бухгалтерского баланса	Порядок отражения информации
Пассив		
III. Целевое финансирование		
1310	Паевой фонд	Данная строка заполняется потребительскими кооперативами. По ней отражается сумма паевых взносов членов кооператива (обособленно от других источников финансирования потребительского кооператива) (п. 13 Информации Минфина России ПЗ-1/2015 ⁶)
1320	Целевой капитал	По данной строке отражается информация о величине сформированного на отчетную дату целевого капитала (п. 14 Информации Минфина России ПЗ-1/2015)
1350	Целевые средства	По данной строке отражается остаток неиспользованных средств целевого финансирования, предназначенных для целей, ради которых создана НКО. Данный показатель включает величину чистой прибыли/убытка за отчетный год от приносящей доход деятельности НКО (п. 15 Информации Минфина России ПЗ-1/2015)
1360	Фонд недвижимого и особо ценного движимого имущества	По данной строке может отражаться сумма средств целевого финансирования, полученного и использованного НКО в качестве инвестиционных средств на приобретение или создание основных средств и других внеоборотных активов (п. 16 Информации Минфина России ПЗ-1/2015)
1370	Резервный и иные целевые фонды	По данной строке отражается величина резервного фонда и иных целевых, специальных фондов НКО, образованных в соответствии с уставом или законодательством, например компенсационный фонд СРО, специальный фонд в ТСЖ (п. 17 Информации Минфина России ПЗ-1/2015)
1300	Итого по разд. III	

Источник: заимствовано из Информации Минфина России «Об особенностях формирования бухгалтерской (финансовой) отчетности некоммерческих организаций (ПЗ-1/2015)⁶

⁴ Приказ Минфина РФ от 05.10.2011 г. № 124н «О внесении изменений в формы бухгалтерской отчетности организаций, утвержденные Приказом Министерства финансов Российской Федерации от 2 июля 2010 г. № 66н» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122050/ (дата обращения: 12.09.2022).

⁵ Бухгалтерская отчетность некоммерческих организаций. КонсультантПлюс | Готовое решение – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=PBI&n=297550&dst=100020&demo=1> (дата обращения: 21.09.2022).

⁶ Информация Минфина России "Об особенностях формирования бухгалтерской (финансовой) отчетности некоммерческих организаций (ПЗ-1/2015)" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191033/7327668c04c0470317b26d354e36cb828a4af319/ (дата обращения: 21.09.2022).

Таким образом, источником финансирования деятельности, то есть целевым финансированием некоммерческой организации признается паевой фонд, целевой капитал, целевые средства и фонды.

Для формирования отчетных форм организациями бюджетной сферы необходимо руководствоваться нормативными документами, разработанными Советом по стандартам бухгалтерского учета государственных финансов и утвержденными Минфином России инструкциями^{7, 8}. В силу различной роли государственных учреждений в бюджетном процессе их отчетность разделяется

на несколько комплектов, а именно:

- для главных распорядителей, распорядителей, получателей бюджетных средств, главных администраторов, администраторов доходов бюджетов, главных администраторов, администраторов источников финансирования дефицита бюджетов;
- для финансовых органов;
- для бюджетных и автономных учреждений.

Таким образом, очевидно, что разграничение форм бухгалтерской отчетности в зависимости от групп экономических субъектов можно представить следующим образом (рисунок 1).

Рисунок 1. Разграничение форм бухгалтерской отчетности в зависимости от групп экономических субъектов

Источник: разработано авторами на основе приказа Минфина России от 02.07.2010 г. № 66н (ред. от 19.04.2019 г.) «О формах бухгалтерской отчетности организаций»³, Информации Минфина России «Об особенностях формирования бухгалтерской (финансовой) отчетности некоммерческих организаций (ПЗ-1/2015)⁶, приказа Минфина РФ от 28 декабря 2010 г. № 191н «Об утверждении Инструкции о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»⁷

Состав отчетных форм некоммерческих организаций установлен в Информации Минфина России⁹. Из содержания документа следует, что некоммерческие организации должны включать в годовую бухгалтерскую (финансовую) отчетность бухгалтерский баланс, отчет о целевом использо-

вании средств и приложения к ним. Также некоммерческие организации приводят в бухгалтерской (финансовой) отчетности показатели об отдельных доходах и расходах (финансовых результатах) обособленно применительно к форме и порядку составления отчета о финансовых результатах в случае,

⁷ Приказ Минфина РФ от 28 декабря 2010 г. № 191н «Об утверждении Инструкции о порядке составления и представления годовой, квартальной и месячной отчетности об исполнении бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108797/bd7c1c968b90ca529378c9ac17cba21bd6be7266/ (дата обращения: 12.09.2022).

⁸ Приказ Минфина РФ от 25 марта 2011 г. № 33н «Об утверждении Инструкции о порядке составления, представления годовой, квартальной бухгалтерской отчетности государственных (муниципальных) бюджетных и автономных учреждений» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112540/ (дата обращения: 12.09.2022).

⁹ Информация Минфина России № ПЗ-10/2012 «О вступлении в силу с 1 января 2013 г. Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138570/45c59f2b53222a02eba7a57c9ae21c597041e1ca/ (дата обращения: 04.11.2022).

получения дохода от предпринимательской и (или) иной приносящей доход деятельности.

Особенности идентификации источников финансирования деятельности некоммерческих организаций реального и общественного сектора экономики

Для системного понимания различий между источниками финансирования деятельности коммерческих и некоммерческих организаций обратимся к рассмотрению этих источников более подробно, с привязкой к содержанию законодательных актов и нормативных документов.

Для некоммерческой организации определение целевого капитала приведено в законе¹⁰, он представляет собой часть имущества, формируемого и пополняемого за счет пожертвований, и (или) за счет имущества, полученного по завещанию. Также за счет неиспользованного дохода от доверительного управления имуществом, полученным по завещанию и переданного некоммерческой организацией в доверительное управление управляющей компании в целях получения дохода, используемого для финансирования уставной деятельности такой некоммерческой организации.

Целевые средства некоммерческой организации формируются от членских взносов, добровольных пожертвований, грантов и т. п.

Членский взнос (англ. membership fees) представляет собой денежные средства, вносимые членами какого-либо объединения в кассу объединения или на его расчетный счет¹¹. При вступлении членов в организацию взносы могут быть вступительные (разовый платеж), регулярными (ежемесячный платеж) и эпизодическими (добровольный взнос).

Добровольные пожертвования регламентированы Гражданским кодексом РФ (п. 1 статья 582) и законами¹², представляя собой передачу в собственность имущества, в том числе денежных средств.

Гранты – денежные и иные средства, передаваемые безвозмездно и безвозвратно гражданами и юридическими лицами, получившими право на предоставление грантов на территории Российской Федерации в установленном Правительством

Российской Федерации порядке, на осуществление конкретных научных, научно-технических программ и проектов, инновационных проектов, проведение конкретных научных исследований на условиях, предусмотренных грантодателями¹³.

Фонд недвижимого и особо ценного движимого имущества представляет собой использование целевых средств на приобретение или создание основных средств некоммерческой организации.

Резервный фонд некоммерческой организации представляет собой образование финансовых резервов для покрытия расходов, не предусмотренных в смете на текущий финансовый год, а также на случай нехватки денежных средств на содержание всей инфраструктуры в период неактивной оплаты членских и целевых взносов и других обязательных платежей в соответствии с Уставом НКО.

Таким образом, «целевое финансирование» деятельности некоммерческих организаций имеет принципиальное отличие от источников финансирования деятельности коммерческих организаций, которым в основном является доход от основной и прочей деятельности, т. е. выручка и прочий доход.

Доход может быть получен и некоммерческой организацией от приносящей доход деятельности, в этом случае его учет и отражение в отчетности будут происходить по правилам для коммерческих организаций.

Кроме того, сведения о финансировании своей деятельности некоммерческие организации отражают в бухгалтерской (финансовой) отчетности в соответствии с рекомендациями Бухгалтерского методологического центра¹⁴. Основу требований в соответствии с данными рекомендациями к раскрытию информации представляют сведения по видам поступлений. При этом в бухгалтерской (финансовой) отчетности некоммерческих организаций должно быть обеспечено отдельное представление:

- поступлений от обменных и необменных операций;
- поступлений средств с ограничениями и без ограничений;
- поступлений денежных средств и поступлений неденежного имущества (имущественных прав).

¹⁰ Федеральный закон от 30.12.2006 г. № 275-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939/ (дата обращения: 12.09.2022).

¹¹ Членский взнос // Википедия. – 2021. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Членский_взнос#:~:text=Членский%20взнос%20\(англ.%20membership%20fees\),или%20эпизодически%20\(эпизодические%20членские%20взносы\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Членский_взнос#:~:text=Членский%20взнос%20(англ.%20membership%20fees),или%20эпизодически%20(эпизодические%20членские%20взносы)) (дата обращения: 28.10.2022).

¹² Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 28.10.2022).

¹³ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике // КонсультантПлюс. – 1997 – 2022. – URL: Статья 2. Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе / КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 28.10.2022).

¹⁴ Рекомендация Р-103/2019-ОК НКО «Представление в бухгалтерской отчетности информации о финансировании» // Бухгалтерский методологический центр: официальный сайт. 2021. – URL: http://new.bmcenter.ru/Files/OCIS_v_FSBUNKO (дата обращения: 28.01.2022).

В проекте нового стандарта «Бухгалтерская отчетность организации»¹⁵ Минфин России определяет, что основной формой отчетности для некоммерческих организаций является «Отчет о целевом использовании средств», в котором порядок формирования показателей устанавливается федеральным стандартом бухгалтерского учета по учету некоммерческой деятельности. Однако стандарт «Некоммерческая деятельность» также находится на стадии обсуждения и в настоящее время порядок предоставления сведений о целевом использовании средств четко не регламентирован.

Учитывая мнение авторов, которые посвятили свои труды изучению вопросов по составлению отчетности и её представлению заинтересованным пользователям, а именно Э. С. Дружиловой [2], И. В. Зенкиной [3], Е. Ю. Макушиной [4], М. Л. Пятова [6], Т. В. Спицыной [8], Л. И. Хоружий и Р. А. Алборова [11], необходимо отметить, что в проекте стандарта «Некоммерческая деятельность» структура отчета о целевом использовании средств представлена в принципиально новом формате. Применяется формулировка «капитал» некоммерческой организации вместо «целевого финансирования», что требует дополнительного исследования этого принципиально важного момента в идентификации источников финансирования деятельности НКО.

Источники финансирования деятельности в отчетности организаций бюджетной сферы

Формулировка «организации бюджетной сферы» появилась в законе «О бухгалтерском учете» после внесения изменений от 26.07.2019 г. № 247-ФЗ. С момента принятия закона 06.12.2011 г. и вступления его в действие с 01.01.2013 г. применялась формулировка «организации государственного сектора». Рассмотрению вопросов отличия понятия «бюджетная сфера» от «государственного сектора», и необходимости у регулятора смены терминологии в законе, будут посвящены следующие публикации. Независимо от формулировок нам понятно, что речь идет об организациях, которые созданы по решению государственных органов власти различного уровня бюджетной системы страны, т.е. о государственных учреждениях. А основным источником финансирования их деятельности был и остается государственный бюджет Российской Федерации.

Представляет интерес для целей настоящего исследования процесс трансформации бухгалтерской отчетности государственных учреждений в рамках бюджетной реформы, которая началась в 2005 году. До её реализации источник финансирования деятельности государственных учреждений достоверно и структурно отражался в разделе 1 «Финансирование из бюджета» пассива баланса исполнения сметы доходов и расходов ф. 1 (ОКУД 0503001). Информация данного раздела расшифровывалась по строкам, наглядно представляя пользователю, администратору или контролеру источники финансирования и направления использования государственных финансов:

- 0630 «Расчеты по финансированию из бюджета на расходы учреждения и другие мероприятия (субсчет 140)»;
- 0640 «Расчеты по дополнительным источникам бюджетного финансирования на расходы учреждения (субсчет 141)»;
- 0650 «Финансирование из бюджета для перевода учреждениям, находящимся в ведении главного распорядителя (распорядителя), и на другие мероприятия (субсчет 230)»;
- 0660 «Дополнительные источники бюджетного финансирования (субсчет 231)»¹⁶.

В разделе 5 пассива баланса исполнения сметы доходов и расходов по строке 1010 отражались расчеты по финансированию из бюджета на капитальное строительство.

Из содержания данной формы баланса государственного учреждения заинтересованному пользователю было понятно, сколько средств было выделено учреждению из бюджета для его функционирования. Кроме того, к форме прилагалась «Справка о движении сумм финансирования из бюджета», где подробно раскрывались составные части источника финансирования деятельности государственного учреждения. В справке были представлены сведения по субсчетам: 230 «Финансирование из бюджета для перевода учреждениям, находящимся в ведении главного распорядителя (распорядителя) и на другие мероприятия»; 231 «Дополнительные источники бюджетного финансирования»; 140 «Расчеты по финансированию из бюджета на расходы и другие мероприятия»; 141 «Расчеты по дополнительным источникам бюджетного финансирования на расходы учреждения»; 143 «Расходы по финансированию из бюджета на капитальное строительство».

¹⁵ Проект федерального стандарта бухгалтерского учета «Бухгалтерская отчетность организации» // МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/accounting/development/project/?id_38=127657-proekt_federalnogo_standarta_bukhgalterskogo_ucheta_bukhgalterskaya_otchetnost_organizatsii (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁶ Приказ Минфина РФ от 15.06.2000 г. № 54н (ред. от 31.12.2004 г.) «Об утверждении Инструкции о годовой, квартальной и месячной бухгалтерской отчетности бюджетных учреждений и иных организаций, получающих финансирование из бюджета в соответствии с бюджетной росписью» – URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minfina-rf-ot-15062000-n-54n/> (дата обращения: 30.10.2022).

В настоящее время баланс, который составляют организации бюджетной сферы, содержит в пассиве только раздел 4 «Финансовый результат», где приводятся в строке 570 сведения от сопоставления полученных доходов с произведенными расходами за отчетный финансовый год. Принимая во внимание тот факт, что некоммерческие организации создаются не для целей извлечения прибыли, необоснованным представляется наличие только такого источника финансирования деятельности, как финансовый результат, в бухгалтерской отчетности государственного учреждения. В результате такого реформирования организации бюджетной сферы, осуществляющие свою деятельность по выполнению государственного задания за счет бюджетных средств, отчитываясь о результатах функционирования, освобождаются от обязанности предоставлять прозрачную и сопоставимую информацию о своем основном источнике финансирования деятельности. Кроме того, при этом сокращается информационная база для анализа эффективности общественных финансов, что делает невозможным применение современных методик анализа (например, методика С. Ю. Ильина и др. [10]) и инструментария контроля достоверности отчетности без дополнительных расшифровок и пояснений к формам отчетности. Тем самым нарушается требование статьи 13 ФЗ «О бухгалтерском учете» в части достоверного представления сведений о финансовом положении экономического субъекта и стандартов бухгалтерского учета, требующих раскрытия информации об объектах учета (в данном случае о структуре и величине источников финансирования).

Таким образом, сложившаяся ситуация требует корректировки стандартов учета и отчетности в направлении совершенствования раскрытия информации об источниках финансирования организаций бюджетной сферы, устанавливающих требования по обеспечению достоверности такой информации. В частности, в первоочередной корректировке, по нашему мнению, нуждаются такие стандарты, как:

- ФСБУ «Концептуальные основы бухгалтерского учета и отчетности организаций государственного сектора» в части определения понятия источника финансирования деятельности;

- ФСБУ «Представление бухгалтерской (финансовой) отчетности» в части состава отчетных форм государственных учреждений и структуры баланса.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие выводы:

- исследование современного состояния нормативно-правовой базы в отношении регули-

рования вопросов составления бухгалтерской отчетности различными группами экономических субъектов в части источников финансирования показало, что действующие нормы законов и стандартов учета противоречивы и не обеспечивают выполнения требований достоверного представления информации заинтересованным пользователям. В статье рассматривается структура основной формы бухгалтерской отчетности «баланс», как источника информации об имущественном положении организации, следовательно, наличие в нем статей об источниках финансирования деятельности экономического субъекта делает эту форму более информативной для аналитических процедур;

- на основе исследования нормативно-правовой базы разработана авторская систематизация нормативного регулирования в отношении информации об источниках финансирования, раскрываемой в бухгалтерском балансе с учетом особенностей субъектов коммерческого, общественного и государственного секторов экономики. Проведена классификация источников финансирования и отчетных форм в соответствии с этими тремя группами экономических субъектов. Требования к формированию информации в отчетности экономического субъекта устанавливаются федеральными стандартами бухгалтерского учета, которые в настоящее время приняты для коммерческого и государственного сектора экономики, стандарты для некоммерческих организаций находятся на стадии рассмотрения, что повышает объективную необходимость рассмотрения вопросов об особенностях раскрытия информации об источниках финансирования их деятельности;

- в связи с недостатками нормативно-правового регулирования, разработаны направления совершенствования методики раскрытия в отчетности и контроля достоверности информации об источниках финансирования деятельности. Бухгалтерскую отчетность экономических субъектов можно объединить в три основные группы: для коммерческих организаций реального сектора; для некоммерческих организаций реального и общественного секторов; для организаций бюджетной сферы. Данная группировка важна для объективного понимания источников финансирования их деятельности заинтересованными пользователями, в том числе и для осуществления внешнего контроля;

- дана критическая оценка порядка составления баланса и отражения в нем информации об источниках финансирования деятельности некоммерческих организаций и организаций бюджетной сферы. Источник финансирования деятельности организаций бюджетной сферы не находит достоверного отражения в их балансе, что свидетельствует о недостатках нормативного регулирования

и нивелировании этих сведений в отчетности об исполнении бюджета. Такое состояние информации не позволяет проконтролировать реальные объемы бюджетного финансирования, выделенного на содержание государственных учреждений, и как следствие затрудняет при консолидации данных на

федеральном уровне последующий контроль исполнения бюджета;

– исследование предполагает продолжение изучения источника финансирования деятельности, как объекта внешнего и внутреннего контроля, особенно в части государственных финансов.

Литература

1. Дружиловская Т. Ю., Дружиловская Э. С. Совершенствование правил формирования промежуточной финансовой отчетности коммерческих и некоммерческих организаций негосударственного сектора // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2020. – № 10. – С. 2–12. EDN: OKKXGY.
2. Дружиловская Э. С. Финансовая отчетность коммерческих и некоммерческих организаций: новые российские подходы к формированию и их соотношение с регламентациями МСФО // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2019. – № 23. – С. 2–14. EDN: UCBLKC.
3. Зенкина И. В. Тенденции и новации отчетности об устойчивом развитии экономических субъектов // Международный бухгалтерский учет. – 2022. – № 1. – С. 4–28, <https://doi.org/10.24891/ia.25.1.4>, EDN: VURKLV.
4. Макушина Е. Ю. Совершенствование организационно-правового обеспечения деятельности венчурных фондов, созданных по договору инвестиционного товарищества, в Российской Федерации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 5. – С. 47–57, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-47>.
5. Орлова Е. Прибыль коммерческой организации // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. – 2019. – № 2. – С. 32–42.
6. Пятов М. Л. Доходы организации как элемент ее бухгалтерской отчетности // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2019. – № 4. – С. 2–5. EDN: RKMMNK.
7. Свиридова Л. А., Саталкина Е. В., Терентьева Т. А. Идентификация источников финансирования деятельности: профессиональное суждение бухгалтера // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 48–60, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-3-48>. EDN: BYBHJA.
8. Спицына Т. В. Годовая бухгалтерская отчетность организаций за 2021 год: Рекомендации Минфина // Актуальные вопросы бухгалтерского учета и налогообложения. – 2022. – № 3. – С. 36–48.
9. Туякова З. С. Стоимостная оценка капитала и его кругооборота в бухгалтерском учете: теория, методология и практика: монография. – Москва: Экономика. – 2007. – 367 с. EDN: QSINAT.
10. Управленческий учет и анализ эффективности Общественных финансов / С. Ю. Ильин [и др.] // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2022. – № 3. – С. 23–29, https://doi.org/10.51760/2308-9407_2022_3_23. EDN: USKVVI.
11. Хоружий Л. И., Алборов Р. А. Методика контроля достоверности показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности организации // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2019. – № 4. – С. 6–14. EDN: WBOIB.
12. Bassiouny A., Toma E., Dawood F., et al. (2021) Dice manufacturing company: the acquisition decision. *Emerald Emerging Markets Case Studies*. Vol. 11, – No. 1, – pp. 1–26, <https://doi.org/10.1108/EEMCS-11-2019-0296>.
13. Chahed Y. (2021) Words and Numbers: Financialization and Accounting Standard Setting in the United Kingdom, *Contemporary Accounting Research*. Vol. 38, – No. 1, – pp. 302–337, <https://doi.org/10.1111/1911-3846.12614>.
14. Elkins H., Entwistle G., Schmidt R. N. (2021) The influence of opportunistic capital structure disclosure in international financial reporting on nonprofessional investors, *Journal of International Accounting, Auditing and Taxation*. Vol. 42, – Is. C, – pp. 100378, <https://doi.org/10.1016/j.intaccaudtax.2021.100378>.
15. Hudson R. (2021) Capitalism, contradictions, crises: pushing back the limits to capital or breaching the capacity of the planetary ecosystem? *Area Development and Policy*, Vol. 6. – Is. 2. – pp. 123–142, <https://doi.org/10.1080/23792949.2020.1854615>.

References

1. Druzhilovskaya, T. Yu., Druzhilovskaya, E. S. (2020) [Improving the rules for the formation of interim financial statements of commercial and non-profit organizations of the non-governmental sector]. *Buhgalterskij uchët v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. Vol. 10, pp. 2–12. EDN: OKKXGY (In Russ.).
2. Druzhilovskaya, E. S. (2019) [Financial reporting of commercial and non-profit organizations: new

Russian approaches to the formation and their relationship with the regulations of IFRS]. *Buhgalterskij uchet v byudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah* [Accounting in budgetary and non-profit organizations]. Vol. 23, pp. 2–14. EDN: UCBLKC (In Russ.).

3. Zenkina, I. V. (2022) [Trends and innovations in reporting on the sustainable development of economic entities]. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet* [International accounting]. Vol. 1, pp. 4–28, <https://doi.org/10.24891/ia.25.1.4>, EDN: VURKLV (In Russ.).

4. Makushina, E. Yu. (2022) [Improvement of organizational and legal support for the activities of venture funds established under an investment partnership agreement in the Russian Federation]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 47–57, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-5-47>. (In Russ.).

5. Orlova, E. (2019) [Profit of a commercial organization]. *Nalogovyj vestnik – Konsul'tacii. Raz'yasneniya. Mneniya* [Tax bulletin – Consultations. Clarifications. Opinions]. Vol. 2, pp. 32–42. (In Russ.).

6. Pyatov, M. L. (2019) [The income of an organization as an element of its accounting statements]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nyh buhgalterov)* [Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 4, pp. 2–5. EDN: RKMMNK (In Russ.).

7. Sviridova, L. A., Satalkina, E. V., Terent'eva, T. A. (2021) [Identification of sources of financing activities: professional judgment of an accountant]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 48–60, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-3-48>. EDN: BYBHJA (In Russ.).

8. Spicyna, T. V. (2022) [Annual accounting statements of organizations for 2021: Recommendations of the Ministry of Finance]. *Aktual'nye voprosy buhgalterskogo ucheta i nalogooblozheniya* [Actual issues of accounting and taxation]. Vol. 3, pp. 36–48. (In Russ.).

9. Tuyakova, Z. S. (2007) *Stoimostnaya ocenka kapitala i ego krugoborota v buhgalterskom uchete: teoriya, metodologiya i praktika: monografiya* [Valuation of capital and its circulation in accounting: theory, methodology and practice: monograph]. Moscow: Economics, 367 p. EDN: QSINAT.

10. Il'in, S. Yu. (2022) [Managerial accounting and analysis of the effectiveness of Public finance]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nyh buhgalterov)* [Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 3, pp. 23–29, https://doi.org/10.51760/2308-9407_2022_3_23. EDN: USKVVI (In Russ.).

11. Horuzhij, L. I., Alborov, R. A. (2019) [Methodology for controlling the reliability of indicators of accounting (financial) statements of an organization]. *Vestnik IPB (Vestnik professional'nyh buhgalterov)* [Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants)]. Vol. 4, pp. 6–14. EDN: WBOIIB (In Russ.).

12. Bassiouny, A., Toma, E., Dawood, F., et al. (2021) Dice manufacturing company: the acquisition decision. *Emerald Emerging Markets Case Studies*. Vol. 11, Vol. 1, pp. 1–26, <https://doi.org/10.1108/EEMCS-11-2019-0296> (In Eng.).

13. Chahed, Y. (2021) Words and Numbers: Financialization and Accounting Standard Setting in the United Kingdom, *Contemporary Accounting Research*. Vol. 38, No. 1, pp. 302–337, <https://doi.org/10.1111/1911-3846.12614> (In Eng.).

14. Elkins, H., Entwistle, G., Schmidt, R. N. (2021) The influence of opportunistic capital structure disclosure in international financial reporting on nonprofessional investors. *Journal of International Accounting, Auditing and Taxation*. Vol. 42 Is. C, 100378, <https://doi.org/10.1016/j.intaccaudtax.2021.100378> (In Eng.).

15. Hudson, R. (2021) Capitalism, contradictions, crises: pushing back the limits to capital or breaching the capacity of the planetary ecosystem? *Area Development and Policy*, Vol. 6. Is. 2, pp. 123–142, <https://doi.org/10.1080/23792949.2020.1854615> (In Eng.).

Информация об авторах:

Лариса Александровна Свиридова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1164-5173

e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

Терентьева Татьяна Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

e-mail: teraudit56@mail.ru

Вклад соавторов:

Свиридова Л. А. – 80%,

Терентьева Т. А. – 20%.

Статья поступила в редакцию: 11.11.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Larisa Aleksandrovna Sviridova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1164-5173

e-mail: lara.sviridova.1971@mail.ru

Terentyeva Tatyana Alexandrovna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Orenburg State University, Orenburg, Russia

e-mail: teraudit56@mail.ru

Contribution of the authors:

Sviridova L. A. – 80%,

Terentyeva T. A. – 20%.

The paper was submitted: 11.11.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

КОРПОРАТИВНЫЙ АКСЕЛЕРАТОР КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ИНДУСТРИИ МОДЫ

А. С. Хворостяная

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

Аннотация. Корпоративный акселератор позволяет компании реализовать стратегический приоритет в области трансфера технологий, найти наилучшее решение имеющихся задач, сократить расходы или повысить эффективность бизнес-процессов. Доступ к трудовым, инфраструктурным, финансовым ресурсам хозяйствующего субъекта позволяет пилотным проектам обеспечить все условия для формирования технологического суверенитета компании. Цель данной научной работы состоит в выявлении теоретических основ инструмента корпоративного акселератора, а также рассмотрения и анализа лучших стратегических отечественных и зарубежных практик. В научной статье проанализированы разные типы акселераторов и их стратегические цели. Корпоративные венчурные акселераторы направлены на развитие проектов как независимых бизнес-направлений. Корпоративные технологические акселераторы имеют стратегическую цель создания поставщиков продуктов и услуг. Внутренние акселераторы активизируют результаты интеллектуальной деятельности внутри компании. Процессные акселераторы позволяют повысить внутреннюю эффективность процессов и облегчить взаимодействие с внешними акторами. Акселераторы по модели венчурного клиента позволяют оперативнее реализовывать пилотные проекты с заказчиком. Стратегические цели и ожидаемые результаты акселерационной программы должны точно соответствовать стратегии развития компании, в интересах которой проводится акселерационная программа. Стратегическое целеполагание акселерационных программ может быть самым различным и зависит от стратегии. Проведенный анализ позволил сформулировать ключевые стратегические принципы для использования этого инструмента в легкой промышленности и индустрии моды. Автором сформулировано, что акселерационная программа должна быть определена конкретными интересами и стратегическими приоритетами компании легкой промышленности и индустрии моды. Такими интересами может быть выход на новый рынок сбыта, технологическое перевооружение, цифровизация процессов и прочее. Финансовые приоритеты компании должны подразумевать достаточность объема ресурсов для обеспечения развития инновационного направления путем использования механизма трансфера технологий. Для повышения экономической и общественной эффективности трудовые ресурсы отраслевой компании должны быть вовлечены в запуск, реализацию и совершенствование таких программ. Предложена стратегическая целевая карта акселераторов в зависимости от их типов. Профессионалам в области креативной экономики результаты данной работы позволят долгосрочно самостоятельно разрабатывать технологические приоритеты развития своей инновационной экосистемы. В данном исследовании используется следующий методологический инструментарий: изучение, анализ, синтез, формализация, стратегический бенчмаркинг. Стратегические принципы создания и работы корпоративного акселератора в индустрии моды базируются на теории и методологии стратегирования академика В. Л. Квинта. Дальнейшие исследования могут быть посвящены вопросам анализа общественной и экономической эффективности в разрезе корпоративной акселерации.

Ключевые слова: индустрия моды, легкая промышленность, цифровые платформы, трансфер технологий, корпоративный акселератор, стратегия, стратегирование.

Для цитирования: Хворостяная А. С. Корпоративный акселератор как стратегический инструмент развития трансфера технологий для предприятий легкой промышленности и индустрии моды // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 32–44, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-32>.

CORPORATE ACCELERATOR AS A STRATEGIC TOOL FOR THE TECHNOLOGY TRANSFER DEVELOPMENT FOR LIGHT AND FASHION INTERPRISES

A. S. Khvorostyanaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

Abstract. A corporate accelerator allows a company to realize its strategic priority in the field of technology transfer, find the best solution to existing problems, reduce costs or increase the efficiency of business processes. Access to labor, infrastructure, financial resources of an economic entity allows pilot projects to provide all the conditions for the formation of the company's technological sovereignty. The purpose of this scientific work is to identify the theoretical foundations of the corporate accelerator tool, as well as review and analyze the best strategic domestic and foreign practices. The scientific article analyzes different types of accelerators and their strategic goals. Corporate venture accelerators are aimed at developing projects as independent business areas. Enterprise technology accelerators have the strategic goal of creating product and service providers. Internal accelerators activate the results of intellectual activity within the company. Process accelerators allow you to increase the internal efficiency of processes and facilitate interaction with external actors. Accelerators based on the venture client model allow you to quickly implement pilot projects with the customer. The strategic goals and expected results of the acceleration program must exactly match the development strategy of the company in whose interests the acceleration program is being carried out. The strategic goal-setting of acceleration programs can be very different and depends on the strategy. The analysis made it possible to formulate the key strategic principles for the use of this tool in the light industry and the fashion industry. The author formulated that the acceleration program should be determined by the specific interests and strategic priorities of the light industry and fashion industry companies. Such interests may be entering a new sales market, technological re-equipment, digitalization of processes, and so on. The company's financial priorities should imply the sufficiency of resources to ensure the development of an innovative direction through the use of a technology transfer mechanism. To increase economic and social efficiency, the labor resources of an industry company should be involved in the launch, implementation and improvement of such programs. A strategic target map of accelerators is proposed depending on their types. The results of this work will allow professionals in the field of creative economy to independently develop technological priorities for the development of their innovation ecosystem in the long term. This study uses the following methodological tools: study, analysis, synthesis, formalization, strategic benchmarking. The strategic principles for the creation and operation of a corporate accelerator in the fashion industry are based on the theory and methodology of strategizing by Academician V. L. Kvint. Further research may be devoted to the analysis of social and economic efficiency in the context of corporate acceleration.

Key words: fashion industry, light industry, digital platforms, technology transfer, corporate accelerator, strategy, strategizing.

Cite as: Khvorostyanaya, A. S. (2023) [Corporate accelerator as a strategic tool for the technology transfer development for light and fashion enterprises]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 32–44, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-32>.

Введение

Трансфер технологий позволяет долгосрочно развивать интеллектуальный потенциал и научный задел субъектов экономической деятельности. Интерес к нему как к процессу, а также к его инструментам возрастает с каждым годом [4, с. 88; 8, с. 15–17]. В условиях смены геополитической реальности, а также новых вызовов возрастает роль новых технологических решений, инновационных проектов и идей. В связи с этим многие компании совершенно разных секторов экономики, определяя для себя новые технологические приоритеты, связанные с инновационным развитием, активно развивают инструменты и механизмы, способные долгосрочно поддерживать конкурентоспособность. Корпоративный акселератор является эффективным механизмом развития инноваций [7; 9; 12], который способен решить имеющиеся стратегические задачи в области технологического суве-

ренитета и импортоопережения. Всего в мире насчитывается около 774 акселераторов, из них 100 приходится на Россию¹. Большая их часть ориентирована на IT-сферу, реальный сектор экономики и сферу услуг.

Легкая промышленность в России переживает свой период стратегической трансформации. Успешная государственная политика в области развития инструментов поддержки позволила отрасли переоснастить промышленное оборудование. Председатель Правительства Российской Федерации М. Мишустин утвердил Стратегию развития обрабатывающей промышленности до 2024 года и на период до 2035 года (распоряжением от 6 июня 2020 года № 1512-р). Приоритетные направления легкой промышленности как одного из важных промышленных комплексов определены в развитии производства готовой продукции, национальных брендов, а также развитии интегрированной

¹ Ускоренное развитие. 7 фактов об акселераторах, которые вы могли не знать // СБЕРПро. – URL: <https://sber.pro/publication/uskorennoe-razvitiye-7-faktov-ob-akseleratorakh-kotorye-vy-mogli-ne-znat> (дата обращения: 19.10.2022).

производственной цепочки синтетических и натуральных материалов². В связи с новыми геополитическими вызовами многие иностранные акторы отрасли ушли с отечественного рынка, поэтому есть необходимость создания новых долгосрочных кооперационных цепочек – корпоративный акселератор может быть базисом для ускорения технологического развития. Учитывая небольшое количество крупных акселераторов во всем мире (FTA, EFA) и в России (Fashion Futurum Accelerator), имеющих целенаправленную привязку именно к отрасли легкой промышленности и индустрии моды, на основании обобщенной изученной практики, предложены стратегические принципы организации такого корпоративного акселератора на основе теории и методологии стратегирования академика В. Л. Квинта [14]. Целью данного исследования является изучение зарубежных и отечественных лучших практик организации корпоративных акселераторов в разных сферах для дальнейшего формирования стратегического целеполагания такого инструмента для предприятий легкой промышленности и индустрии моды с учетом отраслевых особенностей. Стратегирование корпоративного акселератора необходимо для четкой реализации отраслевого трансфера технологий, который, в свою очередь, должен интеллектуальные результаты и имеющийся научно-технический задел переструктурировать и преобразовать в коммерциализуемый актив.

Теоретические и практические основы понятия корпоративного акселератора

Все субъекты экономической деятельности заинтересованы в инновациях, они являются долгосрочными конкурентными преимуществами, открывающими неограниченные стратегические возможности. Крупные промышленные компании на передовой технологической базе выстраивают свое стратегическое лидерство, а малый и средний

бизнес автоматизирует производство и повышает зрелость своих бизнес-процессов. В связи с этим возрастает роль различных инструментов по развитию трансфера технологий.

Корпоративные акселераторы представляют собой распространенный инструмент работы корпораций и корпоративных венчурных фондов с инновационными разработками как во внутренней, так и во внешней среде компании [8; 10; 11; 13]. Если бизнес-инкубаторы являются необходимой инфраструктурой поддержки трансфера технологий, то корпоративный акселератор – это стратегическая программа ускоренного развития научно-технологических команд в определенном заданном корпорацией стратегическом технологическом направлении [15]. Стратегическое целеполагание акселерационных программ может быть самым различным и зависит от стратегии. Корпоративные акселераторы могут организовываться компанией самостоятельно или с помощью других организаций (реализация через аутсорсинг). Собственные акселерационные программы компании обычно формируют как инструменты поддержки решений для реализации стратегических приоритетов и задач компании [17; 18; 19]. Внешние акселерационные программы корпорация реализуют, когда у них еще недостаточно опыта для самостоятельного развития инновационных проектов в режиме открытых инноваций [20; 21] или они пробуют свои силы в новом направлении развития трансфера технологий. Внешние акселераторы отличаются профессиональной и опытной организацией, имеют серьезную деловую репутацию и стратегический бренд, обладают качественной экспертизой, однако они могут быть менее сфокусированы на интересах конкретной корпорации. Длительность программ акселерации может быть разной и составляет от нескольких недель до года (таблица 1).

Таблица 1. Стратегический бенчмаркинг зарубежных корпоративных акселераторов

Название акселератора	Описание	Отрасль
Citi Ventures Accelerator (Citibank)	Масштабная акселерация за счет стратегического партнерства и комплексного набора программ	Банки и финансы
Advance Technology Development Center (ATDC) – Georgia Tech	Программа предоставляет рабочие места, капитал, доступ к лидерам отрасли и консультационные услуги	Финансы
TechnoGym Wellness Accelerator	Четырехмесячная программа, дающая возможность стартапам работать со стратегическими лидерами отрасли	Здравоохранение
Google Launchpad Accelerator	Полугодовая программа для технологических стартапов, позволяющая пользоваться инфраструктурными, интеллектуальными и финансовыми сервисами Google	Информационные технологии

² Михаил Мишустин утвердил Стратегию развития обрабатывающей промышленности – URL: <http://government.ru/docs/39844/> (дата обращения: 19.11.2022).

Продолжение таблицы 1

Название акселератора	Описание	Отрасль
YLE Media Accelerator	Трехмесячная программа, которая дает профильным стартапам возможность работать с экспертами над внедрением инновационных технологий или бизнес-решений для медиа-услуг	Культурные и креативные индустрии
IBM Alpha Zone Accelerator	Программа, помогающая технологическим стартапам создавать передовые решения для корпоративного рынка	Культурные и креативные индустрии
Disney Accelerator	Программа предоставляет участникам инвестиционный и интеллектуальный капитал, рабочее место	Культурные и креативные индустрии
Jefferson Lab	Программа предоставляет рабочие места, капитал, доступ к лидерам отрасли и консультационные услуги	Ритейл
Fashion Technology Accelerator	Программа способствует развитию цифровых и технологических инноваций в индустрии моды, предметов роскоши и розничной торговли. Программа предоставляет доступ к экспертизе и различные консультационные услуги	Индустрия моды

Источник: составлено автором по открытым данным³

В процессе акселерационной программы проходят образовательные мероприятия, менторские, наставнические, инвестиционные и консультационные сессии. Но ключевым элементом акселератора является трекинг (от англ. tracking «отслеживание, сопровождение»), то есть мониторинг проекта с целью достижения поставленных в начале акселерационной программы конкретных и измеримых задач. Инструментами трека являются стратегические сессии, стратегические планы (которые часто вырабатываются совместно со стратегическими экспертами-лидерами отрасли), дорожные карты, необходимые для контроля и мониторинга развития. Результатом акселерационной программы для проекта обычно является повышение его уровня зрелости: организационной, цифровой, технологической и прочее. Для корпорации основным результатом программы является выбор и реализация стратегических возможностей (приобретение концепта, приобретение технологии, приобретение производственного оборудования, заключение сделки, договора

о сотрудничестве и иные). Все акселераторы имеют свои конкурентные преимущества, четкие критерии, правила, механизмы отбора пилотных проектов.

Стратегическая типологизация корпоративных акселераторов

Согласно отчету об инновационной политике и экономике Чикагского университета (University of Chicago) корпоративные акселераторы можно типологизировать следующим образом⁴:

- Участие корпораций в существующих акселераторах. Трудовые ресурсы корпорации могут присоединиться к существующим акселераторам в качестве наставников и менторов, а также экспертов и стратегических инвесторов.
- Совместное стратегическое партнерство и коллаборация. Корпорации могут сотрудничать с другими партнерами и организациями для создания совместных отраслевых акселераторов.
- Инициация внешнего акселератора. Корпорация может заключить коммерческий договор

³ Citi Ventures aims to catalyze innovation and accelerate growth // Citi Ventures: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://www.citi.com/ventures/> (дата обращения: 25.10.2022).

Technogym Wellness Accelerator // Technogym Wellness Accelerator: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://www.wellnessaccelerator.com> (дата обращения: 25.10.2022).

Google for Startups Accelerators // Google: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://startup.google.com/accelerator/> (дата обращения: 25.10.2022).

Yle Media Startup Accelerator // F6s: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://www.f6s.com/yle-media-startup-accelerator> (дата обращения: 25.10.2022).

IBM Alpha Zone Accelerator // IBM Alpha Zone Accelerator: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://www.ibmalphazone.com> (дата обращения: 25.10.2022).

ACCELERATING INNOVATIVE COLLABORATIONS WITH THE WALT DISNEY COMPANY // Disney: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://sites.disney.com/accelerator/> (дата обращения: 25.10.2022).

Jefferson Lab ACCELERATOR SCIENCE // Jefferson Lab: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://www.jlab.org/accelerator> (дата обращения: 25.10.2022).

The leading accelerator for fashion technology startups // FTA: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://www.ftaccelerator.it> (дата обращения: 26.10.2022).

⁴ Innovation Policy and the Economy 2015 // Chicago. The University of Chicago Press. – URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/distributed/I/bo24397820.html> (дата обращения: 19.10.2022).

о создании акселератора с внешним партнером.

- Инициация собственного корпоративного акселератора. Корпорации могут создавать свои собственные внутренние акселераторы.

Выбор модели зависит от интересов и потребностей компании, а также от имеющихся ресурсов: интеллектуальных, инфраструктурных, финансовых, информационных. Например, для внутреннего акселератора требуется больше финансовых ресурсов, может не оказаться требуемых экспертов в компании, однако его легче сфокусировать на стратегические приоритеты компании. В связи с этим на начальных этапах развития данного направления в компании имеет смысл использовать внешние услуги по акселерации с участием собственных экспертов, а, впоследствии, разрабатывать собственные программы. Такой формат работы будет позволять повышать навыки и компетенции собственных трудовых ресурсов.

Стратегическое целеполагание акселераторов также может быть различным, поэтому можно выделить следующие основные типы.

Корпоративный венчурный акселератор. В этом случае корпорация выступает венчурным инвестором и заинтересована в развитии акселерируемых проектов в качестве независимых бизнесов, которые в будущем будут приносить доход. Успешная программа в этом случае должна быть стратегически

нацелена на развитие проекта как отдельного бизнеса (с долей или иным механизмом контроля корпорацией), который в будущем сможет генерировать доход для корпорации либо в результате продажи доли другим инвесторам или поглощения стратегическим инвестором. Венчурные акселераторы обычно работают через создание корпоративного венчурного фонда, либо в интересах такого фонда. Корпорация гарантирует себе либо долю в проекте, либо опцион, а также вкладывает большой объем ресурсов в развитие проекта – финансирование программы акселерации, пилотные проекты, проверку гипотез, экспертизу. Создание венчурного фонда при корпорации является одним из наиболее эффективных инструментов реализации инновационной политики, поэтому актуальность венчурных инвестиций для предприятий высока. Он является действительным стратегическим инструментом поддержки и развития реального сектора, в первую очередь.

В России акселератор GenerationS является одним из наиболее известных корпоративных акселераторов, который основан и реализуется АО «РВК» в партнерстве с промышленными заказчиками. Начинаясь этот акселератор как конкурс технологических стартапов, на который подали заявку на участие 1593 команды, большое внимание уделялось узко профилированному обучению технологическому предпринимательству (таблица 2).

Таблица 2. Этапы развития отечественного акселератора GenerationS

Год	Описание
2013	Становление. Проведение первого конкурса технологических стартапов.
2014	Появление отраслевых направлений в конкурсе: Industrial, BiotechMed, Cleantech и IT. Технологические приоритеты согласовываются с приоритетами экономического развития России
2015	Появление корпоративных акселераторов. Интеграция в работу акселераторов крупных промышленных партнеров. Организация пилотных проектов
2016	Продвижение среди акторов рынка инноваций и закрепление стратегического бренда акселератора. Организация и проведение предакселератора
2017	Акселератор становится инструментом рабочих групп НТИ в рамках реализации дорожных карт. Рабочие группы рынков также выбрали проекты в рамках отраслевых треков. Многие стартапы получили инвестиции, а 73 стартапа осуществляют международную экспансию
2018	Усиление работы с корпорациями. Возникновение корпоративных акселераторов по индивидуальному запросу партнеров, в том числе и для международных корпораций

Источник: составлено автором по открытым данным⁵

Корпоративный технологический акселератор. В этом случае целью программы является более плотная интеграция успешных проектов с корпорацией, то есть создание поставщиков продуктов и услуг. Стратегическая цель: добиться максималь-

ного соответствия продукта и услуги от сторонних разработчиков интересам и стратегическим приоритетам корпорации с точки зрения технологий, нормативных или локальных регламентов, а также имеющихся практик бизнес-процессов. Обычным

⁵ Generation S. // Jefferson Lab: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://generation-startup.ru> (дата обращения: 10.10.2022).
Generation S map // RB: офиц. сайт. – 2022. – URL: <https://rb.ru/gens-map/> (дата обращения: 10.10.2022).

стратегическим сценарием реализации интереса корпорации в акселерируемых проектах является его поглощение. Однако в ряде случаев формального поглощения может и не происходить. Как показывает зарубежная практика, корпорация становится главным клиентом компании, реализующей проект. Возможен также такой сценарий коммерциализации трансфера технологий как лицензирование технологии из пилотного проекта.

Ярким примером такого акселератора может быть Startup Hub МТС. В рамках акселерационной программы Startup Hub МТС технологические стартапы смогут интегрировать свои решения и продукты в компанию-оператора. Через акселерационное направление компания работает над увеличением количества внедрения инноваций, она ориентирует отбор инновационных проектов и идей по принципу соответствия своим стратегическим технологическим приоритетам:

- “FinTech – продукты и решения для «МТС Банка» и «МТС Кошелька»;
- Digital-сервисы для B2B – цифровые решения для корпоративных клиентов МТС;
- HR Tech – цифровые решения для полного цикла управления персоналом;
- Esports – цифровые решения в области гейминга и киберспорта для увеличения клиентской базы”⁶.

Акселератор работает на определенных критериях отбора участников:

- “Наличие готового продукта или решения;
- Прогноз по обороту через 3–5 лет должен превышать 300 млн рублей;
- В стартапе должны работать не меньше двух ключевых участников команды, готовых переехать в Москву на время программы”⁷.

“Акселерационная программа длится два месяца. Стартапы вместе с бизнес-заказчиками из МТС проводят работу по подготовке к пилотному проекту. Программа также включает профессиональную экспертную и менторскую помощь. По результатам отбора запускается 10–20 пилотных проектов длительностью 3–4 месяца, каждый из которых получает финансирование до 500 тыс. рублей”⁸.

Корпоративный акселератор рынка. Исходя из названия, стратегическая цель данного акселератора заключается в том, чтобы развивать рынок своих сервисов и коммерческих продуктов. Стратегическое целеполагание заключается в том, чтобы со-

здать и вывести на рынок как можно больше компаний, которые в своей деятельности используют продукты корпорации. Например, программа Microsoft BizSpark запущена как общий инструмент поддержки стартапов. При этом компании получают поддержку в виде льготного доступа к облачным сервисам Microsoft Azure и другим продуктам Microsoft на ограниченный период времени и, в дальнейшем остаются клиентами этого сервиса. Акселератор Pricewaterhouse Coopers является другим примером – эта модель позволяет создавать новые услуги для клиентов консалтинговой компании PwC. Результатом работы акселератора являются проекты, которые развиваются в интересах не собственно PwC, а их клиентов, которые потом ими поглощаются или инвестируются. PwC Russia Accelerator является примером акселератора для технологических компаний в стратегическом партнерстве с фондом YellowRockets.vc. Программа дает участникам возможность получить доступ к клиентам и партнерам PwC, а также ускорить развитие своего бизнеса через расширение клиентской базы⁹.

Ключевыми конкурентными преимуществами акселератора являются:

- “PwCNetwork. В процессе акселерации PwC помогает стартапам наладить сотрудничество с российскими и иностранными компаниями – клиентами PwC.
- Uplift. Грант на прохождение акселерации и создание пилотного проекта, оплата проезда и проживания для сфокусированной работы в период акселерации в Москве.
- GoGlobal. Помощь в наращивании клиентской базы и выходе на мировой рынок.
- TopMentors. Экспертная поддержка от топовых российских и международных инвесторов, а также от одного из мировых лидеров рынка консалтинга и аудита – PwC.
- Partnership. Отдельные команды стартапов при условии выполнения KPI могут получить от PwC предложение о партнерстве.
- Investment. Возможность привлечь инвестиции до 20 млн руб. от фонда YellowRockets.vc”¹⁰.

Акселератор работает на определенных критериях отбора участников:

- “Сильная команда. Не менее двух человек, готовых участвовать в программе в Москве: разработчик (инженер) и специалист по продажам. Ответственность наличие релевантного опыта.

⁶ MTS Startup Hub. – URL: <https://rb.ru/news/mts-startup-hub/>. (дата обращения: 22.10.2022).

⁷ См. 3.

⁸ Startup.mts. – URL: <https://startup.mts.ru/> (дата обращения: 22.10.2022).

⁹ PwC. – URL: <https://www.pwc.ru/ru/services/pwc-russia-accelerator.html> (дата обращения: 12.10.2022).

¹⁰ См. 6.

• Стадия MVP и выше. Работающий продукт на уровне не ниже зрелого MVP – то, что можно вывести на рынок уже сейчас. Приоритет отдается стартапам с первыми продажами.

• Готовность сотрудничать. Мы ищем стартапы, которые помогут нам создать новые сервисы для клиентов и сотрудников РwС, а также повысить эффективность основного бизнеса»¹¹.

Корпоративный собственный (внутренний) акселератор. Внутренние акселераторы предназначены для того, чтобы ускорять процессы разработки внутри компании. В этом случае заявителями являются внутренние коллективы разработчиков, которые получают финансирование на конкурсной основе. Примером таких акселераторов является система акселерации внутренних НИОКР-проектов, которая есть в компаниях с государственным участием, например, в ГК «Росатом».

Корпоративный процессный акселератор. Крупные корпорации имеют сложный процесс согласований и закупок, что негативно влияет на компетентных разработчиков, которые стремятся работать в комфортной деловой среде. Процессная акселерация направлена на выстраивание эффективной и быстрой работы и заключения сделок со сторонними разработчиками с учетом корпоративных нормативов, регламентов, положений и правил. Примером такого акселератора является программа, разработанная Центром цифровой трансформации ПАО «Газпромнефть». Процесс акселерации состоит в том, что внешние разработчики последовательно курируются на всех этапах заключения договоров и контрактации, на каждом из которых им предоставляются необходимые методические инструкции, регламенты и шаблоны. Весь процесс проходит под наблюдением трекеров. Итогом успешной акселерации является НИОКР-контракт данного разработчика и, например, центра трансфера технологий.

Корпоративный акселератор по модели венчурного клиента. Суть модели состоит в следующем: стартап знакомится с компанией-заказчиком, в рамках знакомства в компании идентифицируется заинтересованное лицо – бизнес-заказчик. Стратегическая цель акселерационной программы состоит в том, чтобы выйти на стадию пилотного проекта с компанией-заказчиком. Результатами пилотной программы являются инвестиции и/

или реализация коммерческого инновационного проекта. Впервые такую модель предложила корпорация BMW в своем акселераторе BMW Startup Garage¹².

В России ярким примером может служить акселератор Кировского завода для промышленных стартапов¹³. У компании есть венчурный фонд для инвестиций, а также акселератор для пилотирования и внедрения новых решений и технологий. В процессе создания акселератора корпорация начала с того, что привлекала сторонние команды акторов рынка инноваций к проведению как отдельных частей программ, так и программ в целом. На основе накопленного опыта корпорация впоследствии запустила собственный акселератор. Стратегическая цель собственной акселерационной программы – пилотное внедрение разработок¹⁴.

Состав акселерационной программы состоит из 3-х ключевых блоков:

- Пилот: реальное внедрение на промышленном объекте, организация наставничества от производства, заключение коммерческого контракта по результатам.

- Инвестиции: индивидуальное деловое предложение после успешного окончания пилота.

- Развитие пилота, оснащение требуемыми компетенциями: 3 месяца работы в акселераторе, проживание и работа (коливинг и коворкинг) в Санкт-Петербурге, компенсация транспортных расходов и затрат на изготовление прототипа.

Тематические направления акселератора включают в себя: сельскохозяйственные технологии, индустриальный интернет вещей, сельскохозяйственное машиностроение, энергетические технологии, большие данные.

Акселератор работает на определенных критериях отбора участников:

- «Соответствие технологическому приоритету акселератора

- Стадия готового продукта или MVP (малый жизнеспособный продукт)

- Успешные первые продажи.

- Не менее 2 основателей, готовых участвовать в очной акселерационной программе в Санкт-Петербурге.

- Желание и готовность масштабироваться на международный рынок в партнерстве с «Промышленным акселератором»¹⁵.

¹¹ См. 6.

¹² Bmwstartupgarage. – URL: <https://www.bmwstartupgarage.com> (дата обращения: 12.10.2022).

¹³ Kirov group. – URL: https://www.gotech.vc/novosti/novosti_gotech/kirovgroup/ (дата обращения: 12.10.2022).

¹⁴ Кировский завод продолжает отбор промышленных стартапов. – URL: <http://novostimb.ru/news/2019/03/22/kirovskij-zavod-prodolzhaet-otbor-promyshlennyx-startapov.html>. (дата обращения: 12.10.2022).
См. 6.

¹⁵ Kirov group. – URL: <https://kirovgroup.vc/>. (дата обращения: 12.10.2022).

В 2018 году на акселерационную программу было выделено 100 млн руб., тогда было получено 150 заявок, 70 из которых полностью соответствовали критериям. Лучшие 24 проекта были приглашены на презентационные дни, 8 из них получили гранты, экспертную и менторскую поддержку от команды топ-менеджеров и экспертов Кировского завода. В 2022 году было выделено уже 200 млн руб.: стартапы продолжили внедрять свои разработки на производственной площадке компании. С теми стартапами, которые закончили внедрение, завод заключил соглашения о дальнейшем сотрудничестве¹⁶.

Стратегические принципы корпоративного акселератора предприятия легкой промышленности и индустрии моды

Исходя из проведенного анализа лучших практик организации акселерационных программ и используя теорию и методологию стратегирования академика В.Л. Квинта [2; 8], правильно организованная акселерационная программа должна обладать следующими ключевыми принципами:

- Акселерационная программа должна быть определена конкретными интересами и стратегическими приоритетами компании легкой промышленности и индустрии моды. В условиях смены геополитической реальности, и учитывая определенные приоритеты в Стратегии развития отечественной обрабатывающей промышленности, такими стратегическими приоритетами для предприятий легкой промышленности и индустрии моды могут быть нетканые и иные материалы, технологические решения в области цепочек поставок, цифровые решения управления запасами и так далее. Запуску акселерационной программы предшествует большая аналитическая работа по:

- сканированию внешней среды компании. Особое внимание следует уделить серьезному анализу трендов – технологических, потребительских, рыночных и прочее. Для анализа технологических трендов следует обратить внимание на прогнозы консалтинговой компании Gartner, специализирующейся на научно-технологическом форсайте. Одним из источников специализированной информации о трендах в индустрии моды может послужить регулярный совместный отчет “The State of fashion” независимого издания The Business of fashion (BOF) и консалтинговой компании McKinsey & Company.

- сканированию внутренней среды компании, т.е. требуется учесть зрелость корпоративной культуры; делового имиджа и бренда; финансовых и инфраструктурных ресурсов, а также навыков и компетенций трудовых ресурсов. Для индустрии

моды последние особо важны – в команде должны быть специалисты разных компетенций, включая тех, кто отвечает за креативное видение и тех, кто отвечает за администрирование бизнес-процессов.

Результаты анализа внешней и внутренней среды позволят сформировать объективную оценку реальности для успешной разработки стратегии.

- Касательно трудовых ресурсов [3], должна быть проведена разъяснительная предварительная работа – сотрудники должны разделять единые теоретические и методологические подходы к стратегированию. Ответственные за акселерацию сотрудники из числа управленцев должны быть глубоко вовлечены в процесс. В этом случае они не только будут совершенствовать свои навыки, но и формировать новые компетенции в области трансфера технологий.

- Финансовые приоритеты компании в области корпоративной акселерации должны подразумевать достаточность объема ресурсов [1]. Это необходимо для обеспечения развития инновационного направления путем использования механизма трансфера технологий. Учитывая долгий цикл возврата средств в оборотные активы в отрасли, целесообразно трансфер технологий выделять в отдельный стратегический приоритет. Стратегические цели и ожидаемые результаты акселерационной программы должны точно соответствовать стратегии развития компании, в интересах которой проводится акселерационная программа. В каждом случае правильное стратегическое целеполагание определяет структуру и наполнение акселерационной программы. Приведены основные стратегические цели акселерационной программы (таблица 3).

Для совершенствования своих управленческих процессов стратегические лидеры отрасли – LVMH, Kering, Richemont – могут организовывать внешнюю корпоративную или процессную акселерацию. LVMH занимаются корпоративным акселерированием более 50 стартапов в год. Целеполагание LVMH идентично стратегическим приоритетам корпоративного акселератора.

Трудовые ресурсы акселератора формируются в соответствии со стратегическим целеполаганием. Команда акселерационной программы предприятия легкой промышленности и индустрии моды должна быть мультифункциональной, то есть в команде должны присутствовать:

- Операционные менеджеры, отвечающие за организацию процесса акселерации;
- Менеджеры по трекингу проектов;
- Фэшн-стратеги, менторы, наставники и консультанты, помогающие разработать стратеги-

¹⁶ См. 12.

ческие планы, дающие рекомендации по стратегическому развитию проектов;

- Методисты, создающие образовательные треки акселерационной программы.

Для венчурной акселерации сотрудники компании выступают в роли экспертов, которые:

- Анализируют предложенное решение с позиции удовлетворения интересов и стратегических

приоритетов, а также соответствия корпоративной стратегии;

- Оценивают стратегические возможности проекта;

- Помогают разработать стратегический план проекта;

- Оказывают содействие в ресурсном обеспечении стратегических приоритетов.

Таблица 3. Стратегическое целеполагание корпоративного акселератора для предприятия индустрии моды и легкой промышленности

Тип акселерационной программы	Стратегическая цель акселерации для корпорации	Объект	Основная задача программы	Роль внутренних трудовых ресурсов
Внешняя корпоративная акселерация	Поглощение компаний с наилучшими решениями	Стартапы различной степени зрелости	Разработка технических заданий на пилотные проекты внутри корпорации	Потенциальные заказчики
Внутренняя акселерация	Быстрое развитие внутренних НИОКР/НИР/ОКР-проектов	Индивидуальные разработчики, коллективы и команды внутри корпорации	Стратегический анализ, сканирование, аудит, акселерация развития проектов	Потенциальные заказчики, разработчики
Венчурная акселерация	Создание новых инновационных бизнесов и ниш	Стартапы различной степени зрелости. Индивидуальные разработчики, коллективы и команды внутри корпорации	Определение бизнес-моделей, географии рынков (а также создание и развитие инновационного направления деятельности); Фандрайзинг	Наставничество, трекинг, экспертиза и консультации
Процессная акселерация	Повышение экономической и общественной эффективности, оптимизация процессов работы внешнего исполнителя с корпорацией	Организации и команды, осуществляющие поставку инновационных коммерческих продуктов и услуг корпорации, включая услуги НИОКР/НИР/ОКР	Выстраивание максимально эффективных механизмов, регламентов взаимодействия, обучение процессам заключения договоров (контрактов), а также выполнения обязательств по договорам	Руководители проектов, трекаеры

Источник: составлено автором

Качество как важная категория стратегирования также играет большую роль при развитии акселератора. Большая воронка проектов, попадающих под стратегический фокус акселератора, будет способствовать повышению его качества. Программа акселерации позволяет проектам верифицировать ценностные предложения и подтвердить гипотезы (customer discovery – поиск правильной целевой аудитории). Через применение OTSW-анализа предприятие в индустрии моды может выявить свои конкурентные преимущества [3]. С точки зрения развития трансфера технологий необходим максимальный охват всех возможных источников инноваций: центров трансфера технологий [4], цифровых платформ [5, с. 40–47; 6, с. 109–112], исследовательских центров, технопарков, бизнес-инкубаторов, венчурных фондов и другие. Цифровые технологии будут оказывать сильное влияние на все процессы в промышленных предприятиях, отсюда возрастает роль центров компетенций и поставщиков инноваций по данным технологиям, например,

по искусственному интеллекту или машинному обучению [16]. Стратегический поиск, ранжирование и отбор проектов также определяется стратегическим целеполаганием, включая:

- Технологические приоритеты компании (омниканальные впечатления, цифровизация, 3d принтинг, виртуальная реальность, блокчейн, метавселенная, предиктивная аналитика и другие);
- Зрелость развития проекта (идея, концепция проекта, минимально жизнеспособный продукт MVP и другие);
- Географические приоритеты компании (национальный рынок, ШОС, БРИКС, АТР и другие);
- Стратегические приоритеты компании (повышение качества сервисов, укрупнение доли рынка и другие).

Для многих корпоративных акселерационных программ ключевой целью является использование акселерируемых проектов в корпорации. Пилотным проектам предприятий легкой промышленности и индустрии моды благодаря акселерации оказы-

вадается помощь по тестированию каналов спроса и стратегического продвижения. Сотрудники компании – топ-менеджмент, мидл-менеджмент, наставники, фэшн-стратеги – делятся своей внутренней экспертизой и опытом, что позволяет минимизировать ошибки. Они подчеркивают и помогают имплементировать специфику отрасли в инновационные проекты. Например, ускорение сезонности (52 ежегодных микро сезона против 6 классических), развитие системы стратегических коммуникаций (уход в цифровые формы социального взаимодействия) и прочее. Пилотные проекты должны реализовываться в структурах, которые не связаны с основными процессами производства с целью не допустить незрелые технологии и коммерческие продукты на рынок, а также не допустить репутационных ошибок, которые в отрасли играют решающую роль при реализации коммуникационной стратегии.

После успешного завершения пилотного проекта, следующим этапом для проекта является заключение сделки. Форматы сделок могут быть различными и зависеть от стратегии коммерциализации трансфера технологий.

Заключение

Корпоративный акселератор позволяет формировать долгосрочные конкурентные преимущества отрасли и ее участников. Типы акселерационных программ зависят от стратегического целеполагания компании и от стадий зрелости организации. Внешние акселерационные программы корпорации реализуют, когда у них еще недостаточно опыта для самостоятельного развития инновационных проектов, нет внутренних экспертов и опыта. Внутренние акселерационные программы наиболее полно отражают стратегические приоритеты компании,

так как могут быть инициированы исходя из интересов и потребностей. Изученный опыт корпоративных акселераторов позволил определить, что каждый тип акселератора имеет свои особенности и критерии.

Стратегическое целеполагание корпоративных акселерационных программ является ключевым фактором успеха в индустрии моды и легкой промышленности – от него зависит не только отбор проектов для акселерации, но и само содержание программы, а также стратегическая роль и мотивация сотрудников корпорации. Чем более точно определены стратегические цели, тем качественнее можно определить формат, содержание и состав программы. Если компания в индустрии моды заинтересована в технологическом перевооружении, то ее акселерационная программа должна быть синхронизирована с соответствующими технологическими треками. Стратегическое целеполагание также должно определять сценарии коммерциализации акселерируемых проектов для предприятий легкой промышленности и индустрии моды.

Трудовые ресурсы предприятия креативной экономики – еще один залог успеха корпоративного акселератора, они оперируют уникальной отраслевой экспертизой. Навыки, опыт и компетенции позволяют повысить стадию зрелости пилотного проекта и позволить компании его использовать в своих стратегических целях, создавая новые виды технологического предпринимательства и бизнес-ниш.

Научная тема данной статьи может быть изучена в дальнейшем в контексте анализа корпоративных акселераторов и их стратегического влияния на трансфер технологий с применением эконометрического инструментария. Полученные результаты могут быть имплементированы в практику развития трансфера технологий в отрасли.

Литература

1. Алимуратов М. К. Методика формулирования стратегических финансовых целей и задач // Куда идти? Проблемы реформирования институтов и экономической политики в России: Сборник докладов научной конференции, посвященной 15-летию Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 25–29 апреля 2019 года. – Москва: Знание-М, 2020. – С. 168–175. <https://doi.org/10.38006/907345-19-5.2020.168.175>. EDN: TCBDWL.
2. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. I. – СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 132 с.
3. Новикова И. В. Стратегический лидер в цифровой экономике: роль, качества и характеристики // Социально-трудовые исследования. – 2021. – № 4(45). – С. 150–160. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-150-160>.
4. Хворостяная А. С. Стратегирование индустрии моды: теория и практика. – Санкт-Петербург: Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, – 2021. – 272 с. EDN: UHEOKL.
5. Хворостяная А. С. Стратегическая архитектура цифровой промышленной платформы // Теория и практика стратегирования: Сборник избранных научных статей и материалов IV Международной научно-практической конференции, Москва, 20 февраля 2021 года / Под научной редакцией В. Л. Квинта. – Москва: Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», 2022. – С. 109–113. EDN: FSTAFO.
6. Хворостяная А. С., Рождественский И. В., Филимонов А. В. Стратегические возможности цифровых платформ для развития промышленной акселерации и венчурных инвестиций // Интеллект. Иннова-

ции. Инвестиции. – 2022. – № 3. – С. 38–47, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-38>. EDN: FXRKHI.

7. Яковлев Е. О. Корпоративные венчурные фонды – источник финансирования инноваций // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 9(110). – С. 1228–1230. EDN: PKQCUX.

8. Bauer S., Obwegeser N., Avdagic Z. (2016). Corporate Accelerators: Transferring Technology Innovation to Incumbent Companies. MCIS 2016 Proceedings. 57. – URL: <https://aisel.aisnet.org/mcis2016/57> (accessed: 25.10.2022).

9. Gupta V. et al. (2021). Innovation Through Startup Collaboration: Build a Relationship With Your Peer Startups. IEEE Engineering Management Review. – Vol. 49, – № 3, – pp. 126–135, <https://doi.org/10.1109/EMR.2021.3101116>.

10. Gutmann T., Kanbach D., Seltman S. (2019). Exploring the benefits of corporate accelerators: investigating the SAP Industry 4.0 Startup Program. Problems and Perspectives in Management. Vol. 17, – Is. 3, – pp. 218–232, [https://doi.org/10.21511/ppm.17\(3\).2019.18](https://doi.org/10.21511/ppm.17(3).2019.18).

11. Heshmati S., Shafiee M. (2021). Pathology of acceleration programs in corporate accelerators of Iran. *World Journal of Science Technology and Sustainable Development*. Vol. 18, – № 4, – pp. 405–416(12), <https://doi.org/10.1108/WJSTSD-03-2021-0033>.

12. Kanbach D., Stubner S. (2016). Corporate Accelerators As Recent Form Of Startup Engagement: The What The Why And The How. Journal of Applied Business Research (JABR). Vol. 32(6), – pp. 1761–1776, <https://doi.org/10.19030/jabr.v32i6.9822>.

13. Kupp M., Marval M., Borchers P. (2017). Corporate accelerators: fostering innovation while bringing together startups and large firms. Journal of Business Strategy. Vol. 38, – No. 6, – pp. 47–53, <https://doi.org/10.1108/JBS-12-2016-0145>.

14. Kvint V. L. (2016). Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. Routledge Taylor and Francis Group. 519 p, <https://doi.org/10.4324/9781315709314>.

15. Moschner S.-L. et al. (2019). Toward a better understanding of corporate accelerator models. Business Horizons. Vol. 62, – Is. 5, – pp. 637–647, <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.05.006>.

16. Pyataeva O., Ustinova L., Evdokimova M. et al. (2022) Digitalization of Technology Transfer for High-Technology Products. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 432 LNNS, – pp. 15–26. – https://doi.org/10.1007/978-3-030-97730-6_2. – EDN: MDKRKM.

17. Richter N., Jackson P., Schildhauer T. (2017). Outsourcing creativity: An abductive study of open innovation using corporate accelerators. Creativity and Innovation Management. Vol. 27, – Is. 1, – pp. 69–78, <https://doi.org/27.10.1111/caim.12252>.

18. Rocha C. et al. (2017). Corporate Acceleration Programs: analysis of three initiatives in Brazil. *26th International Association for Management of Technology Conference – IAMOT*, – 2017, – pp. 1–19.

19. Stubner S. et al. (2020). Startups in a corporate accelerator: what is satisfying, what is relevant and what can corporates improve? International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management. Vol. 24, – No. 6, – pp. 413–442, <https://doi.org/10.1504/IJEIM.2020.110098>.

20. Süß P. (2018). Conceptualizing Corporate Accelerator Identities: Program and Batch Cycle Archetypes of Active German Corporate Accelerator Programs. Researchgate, – URL: https://www.researchgate.net/publication/313822424_Conceptualizing_Corporate_Accelerator_Identities_Program_and_Batch_Cycle_Archetypes_of_Active_German_Corporate_Accelerator_Programs (accessed: 25.10.2022).

21. Urbaniec M., Zur A. (2021). Business model innovation in corporate entrepreneurship: exploratory insights from corporate accelerators. *International Entrepreneurship and Management Journal*. Vol. 17, – pp. 865–888, <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00646-1>.

References

1. Alimuradov, M. K. (2020) [Methodology of formulation of strategic financial goals and objectives]. Kuda idti? Problemy reformirovaniya institutov i ekonomicheskoy politiki v Rossii. [Where to go? Problems of reforming institutions and economic policy in Russia: Collection of reports of the scientific conference dedicated to the 15th anniversary of the Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, April 25–29, 2019]. Moscow: Knowledge-M, 2020, pp. 168–175, <https://doi.org/10.38006/907345-19-5.2020.168.175>. EDN: TCBDWL.

2. Kvint, V. L. (2019) Koncepciya strategirovaniya [The concept of strategizing]. Saint Petersburg: North-Western Institute of Management – Branch of RANEPa Business-Atlas, 132 p. (Strategist Library). (In Russ.).

3. Novikova, I. V. (2021) Strategicheskij lider v cifrovoj ekonomike: rol', kachestva i harakteristiki [Strategic leader in the digital economy: role, qualities and characteristics]. Vol. 4., No 45, pp. 150–160, <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-45-4-150-160>.

4. Khvorostyanaya, A. S. (2021) Strategirovanie industrii mody: teoriya i praktika [Strategizing the fashion

industry: theory and practice]. Saint Petersburg: North-Western Institute of Management. Branch of RANEPa, 272 p. (Strategist Library).

5. Khvorostyanaya, A. S., Rozhdestvensky, I. V., Filimonov, A. V. (2022) [Strategic potential of digital platforms for the development of industrial acceleration and venture investments]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 38–47, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-38>. (In Russ.).

6. Khvorostyanaya, A. S. (2022) [Strategic architecture of a digital industrial platform]. *Teoriya i praktika strategirovaniya: Sbornik izbrannykh nauchnykh statej i materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*, Moskva, 20 fevralya 2021 goda / Pod nauchnoj redakciej V. L. Kvinta [Theory and practice of strategizing: A collection of selected scientific articles and materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Moscow, February 20, 2021 / Under the scientific editorship of V. L. Kvint.]. Moscow: National Research Technological University “MISIS”, pp. 109–113. EDN: FSTAFO. (In Russ.).

7. Yakovlev, E. O. (2019) [Corporate venture funds – a source of innovation financing]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship]. Vol. 110, No. 9, pp. 1228–1230. (In Russ.).

8. Bauer, S., Obwegeser, N., Avdagic, Z. (2016) Corporate Accelerators: Transferring Technology Innovation to Incumbent Companies. *MCIS 2016 Proceedings*. 57. – URL: <https://aisel.aisnet.org/mcis2016/57> (accessed: 25.10.2022).

9. Gupta, V. et al. (2021) Innovation Through Startup Collaboration: Build a Relationship With Your Peer Startups. *IEEE Engineering Management Review*, Vol. 49, No. 3, pp. 126–135, <https://doi.org/10.1109/EMR.2021.3101116>.

10. Gutmann, T., Kanbach, D., Seltman, S. (2019) Exploring the benefits of corporate accelerators: investigating the SAP Industry 4.0 Startup Program. *Problems and Perspectives in Management*. Vol. 17, Is. 3, pp. 218–232, [https://doi.org/10.21511/ppm.17\(3\).2019.18](https://doi.org/10.21511/ppm.17(3).2019.18). (In Engl.).

11. Heshmati, S., Shafiee, M. (2021) Pathology of acceleration programs in corporate accelerators of Iran. *World Journal of Science Technology and Sustainable Development*, Vol. 18, No. 4, pp. 405–416(12), <https://doi.org/10.1108/WJSTD-03-2021-0033>. (In Engl.).

12. Kanbach, D., Stubner, S. (2016) Corporate Accelerators As Recent Form Of Startup Engagement: The What The Why And The How. *Journal of Applied Business Research (JABR)*, Vol. 32(6), pp. 1761–1776, <https://doi.org/10.19030/jabr.v32i6.9822>. (In Engl.).

13. Kupp, M., Marval, M., Borchers, P. (2017) Corporate accelerators: fostering innovation while bringing together startups and large firms. *Journal of Business Strategy*, Vol. 38. No. 6, pp. 47–53, <https://doi.org/10.1108/JBS-12-2016-0145> (In Engl.).

14. Kvint, V. L. (2016) *Strategy for the Global Market: Theory and practical applications*. Routledge Taylor and Francis Group, 519 p, <https://doi.org/10.4324/9781315709314>.

15. Moschner, S.-L. et al. (2019) Toward a better understanding of corporate accelerator models. *Business Horizons*, Vol. 62, Is. 5, pp. 637–647, <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2019.05.006>.

16. Pyataeva, O., Ustinova, L., Evdokimova, M. et al. (2022) Digitalization of Technology Transfer for High-Technology Products. *Lecture Notes in Networks and Systems*, Vol. 432 LNNS, pp. 15–26, https://doi.org/10.1007/978-3-030-97730-6_2. – EDN: MDKRKM.

17. Richter, N., Jackson, P., Schildhauer, T. (2017) Outsourcing creativity: An abductive study of open innovation using corporate accelerators. *Creativity and Innovation Management*, Vol. 27. Is. 1, pp. 69–78, <https://doi.org/10.1111/caim.12252>.

18. Rocha, C. et al. (2017) Corporate Acceleration Programs: analysis of three initiatives in Brazil. 26th International Association for Management of Technology Conference – IAMOT, 2017, pp. 1–19. (In Engl.).

19. Stubner, S. et al. (2020) Startups in a corporate accelerator: what is satisfying, what is relevant and what can corporates improve. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation Management*. Vol. 24, – No. 6, – pp. 413–442, <https://doi.org/10.1504/IJEIM.2020.10028701>.

20. Süß, P. (2018) *Conceptualizing Corporate Accelerator Identities: Program and Batch Cycle Archetypes of Active German Corporate Accelerator Programs*. Researchgate. Available at: https://www.researchgate.net/publication/313822424_Conceptualizing_Corporate_Accelerator_Identities_Program_and_Batch_Cycle_Archetypes_of_Active_German_Corporate_Accelerator_Programs (accessed: 25.10.2022).

21. Urbaniec, M., Żur, A. (2021) Business model innovation in corporate entrepreneurship: exploratory insights from corporate accelerators. *International Entrepreneurship and Management Journal*, Vol. 17, pp. 865–888, <https://doi.org/10.1007/s11365-020-00646-1>.

Информация об авторе:

Анна Сергеевна Хворостяная, кандидат экономических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем; преподава-

тель кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики (факультет), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4421-3705, **Researcher ID:** N-4385-2018

e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 22.11.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Anna Sergeevna Khvorostyanaya, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the Center for Strategic Studies of the Institute for Mathematical Research of Complex Systems; Lecturer at the Department of Economic and Financial Strategy of the Moscow School of Economics (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4421-3705, **Researcher ID:** N-4385-2018

e-mail: khvorostyanayaas@gmail.com

The paper was submitted: 22.11.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 165.0: 659.12

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-45>

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ: ЭПИФЕНОМЕН РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ж. Е. Вавилова

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия
e-mail: zhannavavilova@mail.ru

Аннотация. Реклама как симулякр, как артефакт современного мифологизированного общества часто выступает объектом философских исследований, однако феномен эпистемической несправедливости, порожденный рекламной коммуникацией, требует осмысления. В статье раскрывается роль рекламных механизмов в формировании эпистемической несправедливости в современном социальном ландшафте; определяется взаимосвязь между доверием к рекламе, ее достоверностью и развитием эпистемической добродетели у участников коммуникационного процесса; дополняется классическая типология видов эпистемической несправедливости, выдвинутая английским философом М. Фрикер. Автор приходит к выводу, что современная рекламная коммуникация порождает особый тип эпистемической несправедливости, затрагивающей как реципиента сообщения, попадающего в ситуацию потенциального обмана при контакте с рекламой, так и информанта, страдающего от предрассудков идентичности и связанной с ними свидетельской несправедливости. Вопрос эпистемологического статуса рекламы сегодня становится вопросом эпистемической добродетели потребителя, который должен уметь правильно оценить контекст и взять на себя ответственность за экономический выбор, поскольку реклама как коммуникативный феномен «по умолчанию» обладает правом на искажение реальности во имя выживания одного из элементов бизнес-системы и продолжения процесса потребления в обществе в целом. Текущее законодательство, которое призвано способствовать реализации прав граждан на получение достоверной информации о продуктах или услугах, не гарантирует истинности рекламных заявлений, поскольку нацелено на поддержание доминирующего дискурса, так же как и реклама. Выходом из ситуации эпистемической несправедливости представляется переключение с опыта потребления рекламных сообщений на опыт потребления продукта, культивирование приобретенной эпистемической добродетели и введение неинституционализированной формы социального контроля, предполагающего мониторинг с целью детекции недостоверной рекламы и распространение этой информации в коммуникативном пространстве общества эпохи пост-знания.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемическая несправедливость, эпистемическая добродетель, проблема Геттиера, реклама, коммуникация, креативные технологии, гипербола.

Для цитирования: Вавилова Ж. Е. Эпистемическая несправедливость: эпифеномен рекламной коммуникации // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 45–54, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-45>.

EPISTEMIC INJUSTICE: AN EPIPHENOMEN OF ADVERTISING COMMUNICATION

Zh. E. Vavilova

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia
e-mail: zhannavavilova@mail.ru

Abstract. Advertising as a simulacrum, an artifact of modern mythologized society has for a while been in the focus of philosophical research, but the phenomenon of epistemic injustice generated by advertising communication still requires reflection. The article reveals the role of advertising mechanisms in forming epistemic injustice in modern social landscape; the relationship between trust in advertising, its reliability and the development of epistemic virtue among the participants in the communication process is determined; the classical typology of epistemic injustice put forward by M. Fricker is further elaborated. The author comes to the conclusion that modern advertising generates a special type of epistemic injustice, affecting both the recipient of the message, who is always potentially deceived when in contact with advertising, and the informant, who suffers from identity

prejudices and related testimonial injustice. The problem of the epistemological status of advertising becomes one of the epistemic virtue of the consumer, who must be able to correctly assess the context and take responsibility for the economic choice, since advertising as a communicative phenomenon a priori has the right to distort reality for the sake of survival of one of the elements of the business system and consumption in society as a whole. Current legislation which is designed to promote the rights of citizens to receive reliable information about products or services, does not guarantee the truth of advertising claims, as it is aimed at maintaining the dominant discourse, just like advertising. The way out of the situation of epistemic injustice seems to be switching from the experience of consuming advertising messages to the experience of consuming the product itself, cultivating acquired epistemic virtue and introducing a non-institutionalized form of social control that involves monitoring in order to detect false advertising and disseminating this information in the communicative space of the society of the post-knowledge era.

Key words: epistemology, epistemic injustice, epistemic virtue, Gettier problem, advertising, communication, creative technologies, hyperbole.

Cite as: Vavilova, Zh. E. (2023) [Epistemic injustice: an epiphenomenon of advertising communication]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 45–54, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-45>.

Введение

Если верить исследователям бизнес-коммуникаций, иллюзорность, обманчивость имманентна рекламе – это изначально скандальный феномен, призванный эпатировать, привлекать внимание к товару любыми средствами, «хайпить»¹ [20]. Хайп всегда связывают с обманом, информационным шумом, возбуждением толпы [9, с. 100]. В менее категоричной трактовке рекламный трюк – это неожиданный ход, часто розыгрыш, основанный на дезориентации, искажении информации в той или иной мере, мисрепрезентации: не настолько явной, чтобы быть названной обманом или беззаконием, но достаточной, чтобы заинтересовать потребителя, вырвать его из потока привычных действий, заставить испытать новый опыт. Это работало на заре рекламной деятельности, когда клиент был настолько наивен, что мог поверить в растущих карликов и русалок, а все, что показывалось по телевизору, безоговорочно принималось как факт реальности. Но какова ситуация сегодня, когда реклама «приручена и одомашнена»: интегрирована в повседневность общества, институционализована, ограничена законодательно, когда ее смысл и цель общеизвестны, а информационная ценность часто ставится под сомнение искушенным потребителем?

Как известно, современная социальная эпистемология анализирует не только истинное знание, но и его превращенные или измененные формы как феномены, с помощью которых так или иначе транслируется информация, поэтому есть основания утверждать, что реклама может выступать объектом гносеологического анализа: «...поскольку информативная функция, состоящая в сообщении потенциальным потребителям о существовании определенного товара или услуги, о его свойствах и возможностях его приобретения..., является необходимой стороной рекламы, гносеологическая составляющая в ней

присутствует» [7]. В связи с этим мы рассматриваем рекламу как эпистемический социально-коммуникативный феномен, который потенциально может быть проводником правды или лжи. В более ранних статьях автора предпринимались попытки зафиксировать трансформации рекламных коммуникаций в современном обществе – такие, как проникновение рекламы в повседневность, сближение мифологических конструктов с информационными, появление инклюзивной рекламы [2; 3]. В настоящей статье анализируется роль рекламных механизмов в формировании эпистемической несправедливости в современном социальном ландшафте и определяется взаимосвязь между доверием к рекламе, ее достоверностью и развитием эпистемической добродетели у участников коммуникационного процесса. Благодаря «Системе вещей» Ж. Бодрийяра [13] реклама как симулякр неоднократно выступала объектом философских исследований [5; 10], однако ситуация эпистемической несправедливости, порожденная рекламной коммуникацией, все еще требует философского осмысления.

Доверие к рекламе

Эпистемологически реклама – такой источник информации, который относится к свидетельствованию, как и многое другое в жизни современного человека. Тем не менее, она является одним из наиболее сомнительных ресурсов в поисках знания. По данным Nielsen, одной из крупнейших компаний, занимающихся маркетинговыми исследованиями в глобальном масштабе, в 2021 г. самый низкий в мире уровень доверия к рекламным сообщениям был зафиксирован в Северной Америке и Европе; следом со значительным отрывом шли страны Тихоокеанского региона, Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Согласно этому отчету, Россия входит в число стран с самым низким уровнем

¹ От англ. hype – навязчивая реклама.

доверия к рекламе в Восточной Европе (всего 53% респондентов доверяют рекламе полностью или в какой-то мере)². Недоверие к рекламе в России отмечают и аналитики ВЦИОМ в более ранних исследованиях: «рекламу большинство россиян пока воспринимает как навязанную и не вполне соответствующую действительности информацию»³. По данным исследований, процент частично не доверяющих и в основном не доверяющих рекламным сообщениям вырос с 2012 г. по 2017 г., в то время как количество доверяющих и совершенно не доверяющих рекламе сократилось. На 2017 г. 57% респондентов склонны выражать недоверие к рекламе, и лишь 3% ей в основном верят.

В философском словаре доверие определяется как «отношение между людьми, основанное на понятиях правды и лжи, позволяющее им взаимодействовать, образуя систему более высокого порядка»⁴. Разрыв этого отношения ведет к потере доверия, что, в свою очередь, способствует разрушению общности. Так гносеологический феномен выводит нас на социальный уровень, где для сохранения общности требуется поддерживать доверительные отношения – иногда с помощью органов власти. Доверие как явление психологическое, субъективное, имеет и более объективный эквивалент – оба связаны с верой, но достоверность вписывается в определенные юридические рамки. Если говорить о российской рекламе, то согласно действующему рекламному законодательству, недостоверной является реклама, содержащая не соответствующие действительности сведения: например, о преимуществах продукта перед прочими; о его характеристиках; об ассортименте, комплектации, сроках и местах продаж; о стоимости; об условиях сервиса и т. д.⁵ Недостоверная реклама также может транслировать ложную информацию об общественном признании в виде получения наград, о рекомендациях относительно продукта (ст. 5.3). В российской рекламе не допускается использование иноязычных слов и выражений, поскольку отсутствие перевода часто приводит к искажению смысла сообщения (ст. 5.5). Законом запрещается рекламирование то-

вара, при котором часть существенной информации о продукте, условиях его приобретения или использования отсутствует, а также если при этом потребители вводятся в заблуждение (ст. 5.7). Подобные случаи рассматриваются в статье Н. И. Мартишиной, посвященной анализу рекламы как когнитивного феномена [8]. Чтобы определить место рекламы в системе видов знания, автор выделяет ее логико-гносеологические характеристики и приводит примеры нарушения логических схем в рекламе, такие, как квазидилемма, когда на выбор предлагается неисчерпывающий перечень торговых предложений (например, продукт X или гипотетический менее качественный аналог), что создает у потребителя иллюзию ограниченности выбора, иными словами – вводит его в заблуждение, обманывает.

Недостоверная реклама

Какая конкретно реклама является недостоверной – решает Федеральная антимонопольная служба (ФАС), реагируя на жалобы потребителей, конкурентов рекламодателя или иных лиц, считающих, что реклама нарушает законодательство. Одно из недавних дел, рассмотренных ФАС, – реклама лекарственного препарата «Мирамистин». Фармакотерапия – одна из тех сфер, в которых практика, т.е. излечение, представляется наиболее очевидным критерием истины, но которая, тем не менее, часто оказывается под влиянием побочных феноменов: эффекта плацебо⁶, эффекта гормезиса⁷, ятрогении⁸, вероятным самоисцелением организма и т. д.

Из слогана в рекламном ролике («Мирамистин» – первое правило безопасности⁹) следует, что средство нужно использовать при симптомах ОРВИ в первую очередь, а это выражает преимущество данного препарата перед другими, говорится в постановлении о наложении штрафа ФАС в отношении рекламы препарата «Мирамистин». При этом в постановлении упоминается, что средство не обладает профилактическими свойствами для предотвращения развития отоларингологических заболеваний, а значит, реклама содержит не соответствующие действительности сведения о преимуществах продукта перед

² Nielsen Beyond Martech [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nielsen.com/insights/2021/beyond-martech-building-trust-with-consumers-and-engaging-where-sentiment-is-high/> (дата обращения: 01.09.2022).

³ Реклама дней наших суровых// ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/mass-media/tv/article/reklama-dnei-nashikh-surovykh.html> (дата обращения: 01.11.2022).

⁴ Философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://gufo.me/dict/philosophy_dict/%D0%94%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 13.11.2022).

⁵ О рекламе: федер. закон (действие редакции с 1 сентября 2022 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901971356> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Улучшение состояния пациента благодаря тому, что он верит в целительный эффект принимаемого лекарства.

⁷ Зд.: отсутствие побочных эффектов при приеме препарата в связи с тем, что организм ранее подвергался его малым дозам.

⁸ Зд.: искажение результатов лечения из-за психологической установки пациента по отношению к врачу.

⁹ ТелеРеклама Первое правило безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nxi4MNf8h0U> (дата обращения: 01.11.2022).

аналогичными лекарственными препаратами, используемыми при лечении болезней ЛОР-органов¹⁰.

«Мирамистин» – одно из средств, используемых в комплексном лечении заболеваний ЛОР-органов. Вероятно, такое сообщение не противоречило бы законодательству, но его уже нельзя назвать рекламой¹¹. Семиотически реклама, предписываемая законом, выступает как знаковый поток, в котором знак тождественен, полностью (или максимально) соответствует денотату. Однако возможно ли это? Будет ли правдивая информация привлекать внимание потенциальных потребителей, стимулировать продажи? Только при условии, что товар действительно обладает всеми описываемыми качествами; в таком случае он станет продаваться исключительно при наличии уникального торгового предложения, что достаточно сложно сформулировать сегодня, в условиях глобальной гомогенизации продуктов. С этой точки зрения производителю логично было бы вкладывать средства в совершенствование свойств товара, а не в коммуникации. При этом если верить мемуарам, реклама Финеаса Барнума никогда не разочаровывала – его шоу были настолько увлекательными, что оправдывали любые скандалы, связанные с их продвижением [20]. Отсюда следует, однако, что провайдер уникальной услуги

так же нуждается в рекламе, как и поставщик ординарного, среднестатистического товара.

Креатив или обман?

Один из вариантов отстройки от конкурентов в рамках закона – креатив, использование выразительных средств в рекламе, как вербальных, так и визуальных, в частности, гиперболизации. Это одна из стилистических фигур, часто используемых для привлечения внимания или выделения конкретного качества рекламируемого объекта путем его намеренного преувеличения, акцентирования. Вопрос заключается в том, в какой степени допустима гиперболизация, чтобы реклама оставалась достоверной. Где грань между креативом и недопустимым искажением реальности? Исследование [14] показало, что люди в основном хорошо понимают, что рекламные образы гиперболизированы, однако такая реклама неизменно формирует ожидания, отличные от того, что может предложить продукт. Искажая реальность и преувеличивая достоинства продукта, гиперболы могут оказывать негативное влияние на потребителей: некоторые респонденты подчеркивали, что трансформированный образ создает впечатление чего-то агрессивного и искусственного (пример на рисунке 1).

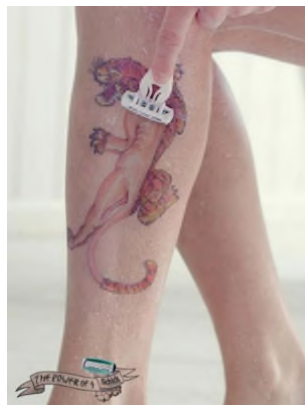

Рисунок 1. Пример использования гиперболы в рекламе бритвы

Источник: заимствовано из S. M. Bradby¹²

¹⁰ Постановление о наложении штрафа по делу № 08/04/14.3-68/2021 об административном правонарушении 22 июля 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-kontrolya-reklamy-i-nedobrosovestnoy-konkurentsii/aae291d1-d943-45ac-94a3-1cd31eb6eddf/> (дата обращения: 01.11.2022).

¹¹ Можно сравнить эту формулировку со следующим реальным слоганом: «Граммидин. Лечит больное горло». С одной стороны, производитель не сулит магического эффекта, лечить – не значит вылечить: лечить – «применять медицинские средства для восстановления здоровья, принимать меры к прекращению болезни» (Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13148#:~:text=%D0%9B%D0%95%D0%A7%D0%98%D0%A2%D0%AC%2C%20%D0%BB%D0%B5%D1%87%D1%83%2C%20%D0%BB%D0%B5%D1%87%D0%B8%D1%88%D1%8C%3B%20%D0%BB%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9,%D0%9B> (дата обращения: 01.11.2022)). Во втором значении, «обладать целительными свойствами» (там же), этот глагол имеет явно положительные коннотации. В справедливости этого, однако, можно усомниться: автор статьи на аналитическом портале Indicator.Ru приводит данные ряда научных исследований в пользу того, что препарат помогает от боли в той же степени, что и мятный леденец (Мищенко Е. Чем нас лечат: Граммидин. Лекарство из аптеки или обычные леденцы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.com/amp/s/indicator.ru/amp/medicine/pomogaet-li-grammidin.htm> (дата обращения: 01.11.2022)).

¹² S. M. Bradby 15 ingenious advertising campaigns that have caused rocket sales WT Video [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wtvideo.com/video/15938/15-ingenuous-advertising-campaigns-that-have-caused-rocket-sales> (дата обращения: 01.11.2022).

Какими бы средствами выразительности ни оперировала реклама в попытке дифференцировать товар на рынке аналогов, можно констатировать, что современный потребитель при контакте с ней всегда оказывается в ситуации потенциального обмана. Ему приходится гадать, в чем же заключается этот обман, если он присутствует, искать примечания мелким шрифтом, сопоставлять «ослепительную»

рекламную белизну с известной ему белизной белья после стирки, оценивать искренность известного актера, снятого в ролике... Это часто травматичный процесс, особенно для пожилых людей, привыкших к фиксированным ценам советской экономики на ограниченный ассортимент товара и к более сдержанной (см. рисунок 2) и менее вездесущей рекламе.

Рисунок 2. Реклама парфюма «Сирень»: скромный женский образ и единственное, кажущееся вполне достоверным обещание – сильного запаха

Источник: заимствовано из *By the Way*¹³

Ограниченность товаров, цен, точек продаж и рекламных сообщений – комфортная обзорность маркетингового микса, облегчающая потребителю бремя выбора. Большой ассортимент, волатильность цен, информационный шум вокруг товаров одного функционала, напротив, могут стать основой фрустрации, затрудняя экономический выбор тем, кто привык к упрощенным паттернам покупки и потребления. Отечественный специалист по рекламе О. А. Феофанов также отмечает, что «массовое сознание, воспитанное многими десятилетиями в духе «равных возможностей», которые определялись ... равенством в распределении, когда «всем сестрам по серьгам», – воспринимает с особой болезненностью пощечину от рекламы...»¹⁴. Вне зависимости от возрастных характеристик российские потребители – это еще во многом маргинализованное сообщество, обладающее меньшей властью, чем доминирующие группы (производители, регулирующие органы), поэтому чаще оказывающееся в ситуации эпистемической несправедливости.

Реклама и эпистемическая несправедливость

Как пишет Миранда Фрикер, автор знакового для социальной эпистемологии труда «Эпистеми-

ческая несправедливость: власть и этика знания», справедливость – одна из старейших, центральных тем философии, но иногда ученым лучше сосредоточиться на несправедливости. У Аристотеля в «Никомаховой этике» несправедливость тесно связана с противозаконностью, вместе они составляют суть «неправосудности», и все несправедливое он называет противозаконным [1, с. 146–149], т. е. утверждение справедливости как этической добродетели по Аристотелю – задача правосудия. Однако как говорилось ранее, сегодня оно только реагирует на требования прекратить противозаконные практики отдельных рекламодателей. Если мы обратимся к современному толкованию несправедливости в познавательном, а не в этическом ракурсе, то обнаружим, что далеко не все несправедливое признается противозаконным. Так, М. Фрикер определяет эпистемическую несправедливость как предвзятое отношение к человеку как к субъекту познания [17, с. 44] – часто не высказанное вслух, но мощное измерение дискриминации. Фрикер говорит о двух типах эпистемической несправедливости: свидетельской, т. е. дефиците доверия к субъекту как к надежному свидетелю, и герменевтической, основанной на когнитивных лакунах в дискурсивных практиках социума (например, на отсутствии такого понятия,

¹³ By the Way Одеколон «Сирень» и поющая кукуруза: что и как рекламировали в СССР? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://btw.by/pro-obzor/15929-odekolon-siren-i-poyushhaya-kukuruza-cto-i-kak-reklamirovali-v-sssr.html> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁴ Феофанов О. А. Реклама: Новые технологии в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.koob.ru/feofanov_o_a/reklama_v_rossii (дата обращения: 01.11.2022).

как «харассмент»¹⁵, в обществе при наличии всех присущих ему симптомов – что однозначно выводит его из контекста «законное – противозаконное») [17]. Однако разновидностей эпистемической несправедливости гораздо больше; сегодня специалисты говорят о таких ее формах, как эпистемическое присвоение [16], эпистемическая эксплуатация [15], эпистемическое вторжение [12] и т.д. Важным элементом эпистемической несправедливости во всех этих случаях является отсутствие равноправия субъектов познавательного процесса.

Потребитель рекламы в ситуации эпистемической несправедливости как минимум сталкивается с ограниченностью, получаемой посредством рекламы информации (по сравнению с производителем и рекламодателем). Можно также утверждать, что современные механизмы таргетирования¹⁶ в рекламе препятствуют эпистемическому равноправию: принудительное классифицирование получателей информации по ряду критериев маркетинговой сегментации держит одних в «информационном

пузыре», а других отрезает от коммуникационного потока. В принципе любое вмешательство рекламы в свободный экономический выбор субъекта может стать основанием для заявления об эпистемической несправедливости.

Один из способов действия в подобной ситуации – переход от получения знания об объекте через рекламу к проверке этой информации опытным путем. Сравнение априорных представлений о товаре с опытом его использования или покупки легло в основу такого сетевого феномена, как мем «ожидание – реальность»: потребители реагируют на недостоверную рекламу, выкладывая фото в социальных сетях (см. рисунок 3). Подобным образом рекламные обещания проверяются на уровне СМИ, например, как это делает редакция популярного портала Adme¹⁷. Так на межсубъектном уровне создается некий реестр «эпистемических загрязнителей» или нечестных информантов – мера, о необходимости которой говорят отечественные специалисты по эпистемологии [6, с. 345].

Рисунок 3. Ожидание / реальность: странные вещи с AliExpress в честь Дня Шопинга

Источник: заимствовано из World Fashion Channel¹⁸

Доверие к рекламе – частный вариант проблемы Геттиера: потребитель может поверить рекламе, купленное средство случайно поможет (например, сработает эффект плацебо), и он будет убежден, что рекламное сообщение было истинным. Во всех же иных случаях средство было бы бесполезным против проблемы потребителя, но он об этом не узнает¹⁹. Более того, в случае с рекламой запускается механизм вирусного маркетинга:

убежденный в правдивости рекламы, такой потребитель будет транслировать информацию о рекламируемом средстве, которое ему «помогло», порождая схожие реакции у своего окружения. Доверяя авторитету «инфлюэнсера», новые потребители будут прибегать к этому средству. Реклама как бы делегирует потенциал доверия, когда ее сообщение начинает распространяться вне сферы ее доступа.

¹⁵ Случаи притеснения разного свойства, в т. ч. сексуального характера.

¹⁶ Сегментация потребителей по тем или иным принципам (пол, возраст, уровень дохода, интересы и т.д.).

¹⁷ Adme Мы проверили 9 самых громких обещаний из рекламы косметики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://adme.media/svoboda-sdelaj-sam/my-proveli-kontrolnuyu-zakupku-i-uznali-kak-chasto-nam-vret-reklama-kosmetiki-1868765/> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁸ Ожидание/реальность: странные вещи с AliExpress в честь Дня Шопинга// World Fashion Channel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/@wffchannel-ozhidanierealnost-strannye-veschi-s-aliexpress-v-chest-dnya> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁹ Гипотетическую ситуацию можно еще точнее подогнать под классическую проблему Геттиера: допустим, средство помогло в этот раз, поскольку случайно совпал тип возбудителя, хотя обычно этот человек страдает от болезни со сходными симптомами, но вызванной совершенно другим возбудителем и т.д.

Если вновь обратиться к отчету Nielsen, можно выяснить, что 88% респондентов со всего мира доверяют рекомендациям знакомых больше, чем любому другому каналу; 66% людей в возрасте 35–49 лет и 62% людей в возрасте 18–34 лет заявили, что обращают внимание на бренды, используемые видеоблогерами, чей контент они просматривают. Более того, 52% потребителей в возрасте 35–49 лет и 49% людей в возрасте 18–34 лет отметили, что в прошлом приобретали продукты, которые демонстрировались в потоковом видеоконтенте²⁰. Согласно Nielsen, низкое доверие к рекламе может послужить формированию у потребителей неприязни к бренду, если он слишком активно старается привлечь их внимание. Этого не случается, если коммуникация протекает через знакомых или людей с высоким свидетельским статусом. Современные исследования SMM часто разделяют вирусный и рекламный трафик [7, с. 34], но в условиях конвергенции каналов, появления гибридных форм наподобие нативной рекламы²¹ или эмбиент медиа²² реципиенту бывает проблематично отделить оплаченный контент от некоммерческой рекомендации, поэтому сегодня любые положительные отзывы о товаре могут восприниматься скептически.

Реклама и эпистемическая добродетель

Потребительский скептицизм и подозрительность в вопросах экономического выбора – своего рода эпистемическая добродетель, крайний случай рассудительности. Рассудительность, или фронесис (греч. φρόνησις), выступает важной дианоэтической добродетелью (или добродетелью ума) в вопросах выбора у Аристотеля: «рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого... какие / вещи являются благами / для хорошей жизни» [1, с. 176]. Однако реклама – это всегда дискурс о благе, что затрудняет принятие такого решения.

Необходимо помнить, что дискурс никогда не изолирован, это не просто когнитивный феномен – он всегда выстраивается из контекста [19, с. 209]. Автор монографии «Эпистемология добродетелей» А. Р. Каримов вводит понятие эпистемологического контекста: интеллектуально недобродетельный субъект нечувствителен к контексту, когда он поддается на рекламную манипуляцию и приобретает товар. Если выбор оказывается неверным, тем самым он демонстрирует свою нерассудительность. Интеллектуально добродетельный человек при

контакте с рекламой, напротив, чувствителен к контексту: он осознает, что это коммерческая реклама, ее заказали и оплатили, следовательно, она не может выступать надежным источником информации. «Поэтому в данном случае субъект воздержится от того, чтобы проявить открытость ума, а скорее проявит максимальную интеллектуальную осторожность. Если даже ему покажется, что рекламный продукт имеет некоторые достоинства, он не поленится сравнить различные отзывы, проконсультироваться с экспертами и т.д.» [6, с. 217]. По мнению автора, в контексте рекламного сообщения доверие неуместно, т.к. социальная роль рекламиста сопровождается плохой репутацией [6, с. 344] – рекламная коммуникация создает эпистемически недружелюбную среду, в которой человек не может проявлять доверие, а, напротив, должен быть всегда подозрительным и осторожным и сделать все от него зависящее, чтобы выяснить правду относительно потенциальной покупки.

Коммуникация в целом же, согласно А. Р. Каримову, предполагает доверие – в условиях его дефицита в социуме не было бы общения, единения вовсе. Однако семиотически коммуникация всегда подразумевает определенное искажение реальности: при передаче сообщения неизменно остается то, что нельзя разделить с другим, иначе мы общались бы не с помощью знаков, а с помощью предметов, указывая на них пальцем, как Кратил. Как пишет Г. Л. Тульчинский, анализируя современную ситуацию пост-правды, усугубившуюся в связи с пандемией 2019 г., «любой контент социальной коммуникации в каком-то смысле фейкоподобен²³», поэтому способствует дивергенции общества и пролиферации недоверия [11, с. 141]. При таком подходе рекламная коммуникация представляется расположенной чуть дальше от реальности на шкале «заслуживающее доверие – не заслуживающее доверия», чем свидетельство надежного, правдивого субъекта.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что вопрос эпистемологического статуса рекламы есть по сути вопрос эпистемической добродетели потребителя, который должен уметь правильно оценить контекст. Тем самым ответственность за экономический выбор перекладывается с рекламодателя на потребителя, ведь реклама «по умолчанию» как коммуникативный феномен обладает правом на искажение реальности во имя выживания одного из элементов бизнес-системы и потребления в обще-

²⁰ Nielsen Beyond Martech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nielsen.com/insights/2021/beyond-martech-build-trust-with-consumers-and-engaging-where-sentiment-is-high/> (дата обращения: 01.09.2022).

²¹ Реклама, сливающаяся с некоммерческим контентом.

²² Реклама, интегрированная в окружающую среду.

²³ От англ. fake – фальшивка, ложь, выдаваемая за правду.

стве в целом. Стратегиями выживания потребителя в этом случае становятся скептицизм по поводу рекламных сообщений, поиск альтернативных источников информации, накопление опыта потребления как рекламы, так и рекламируемых продуктов, т.е. приобретенная эпистемическая добродетель: человеку приходится контактировать с рекламой, получать опыт потребления товара, сравнивать первое со вторым – неоднократно, чтобы иметь возможность выносить суждение и, более того, транслировать его в сообществе. Жалобы в ФАС тем самым становятся неформальной, неинституционализированной формой социального контроля, предполагающей мониторинг с целью детекции недостоверной рекламы.

Размышляя на тему рекламного воздействия на потребителя, исследователи упускают из виду, что кто действительно страдает от эпистемической несправедливости, так это гипотетический честный производитель и рекламодатель, становящийся жертвой недоверия, основанного на предвзятых идентичности, «когда истинность высказывания устанавливается на основании характеристик говорящего, внешних по отношению к самому высказыванию» [4, с. 100–101]. Эти предвзятости лежат в основе эпистемической несправедливости, при которой принадлежность к социальной группе (в данном случае по профессиональному принципу) становится фактором предвзятости. Как эпистемический агент, он относится к некоему сообществу тех, о ком известно, что они лжецы, поэтому закономерным образом испытывает дефицит доверия, скепсис со стороны аудитории.

В этом случае можно также говорить об эпистемическом дефиците внимания – этот термин используется для обозначения несправедливого сценария, в котором кому-то уделяется меньше внимания, чем следовало бы, поскольку в коммуникационном пространстве, искаженном предвзятостями, кто-то другой более успешно привлекает к себе взгляд потребителя [18]. Так негатив от хайпа конкурентов может распространиться на целую индустрию.

Заключение

Возможно, есть смысл говорить о том, что реклама порождает особый тип эпистемической несправедливости. Если типология М. Фрикера охватывает несправедливость в отношении информан-

та, то в рекламе она касается также реципиента. Во-первых, она связана с тем, что потребитель оказывается в условиях потенциального обмана и дефицита информации; во-вторых, производитель страдает от недостатка доверия в связи со своей принадлежностью к рекламной индустрии. Честная реклама – тоже бывает (см. примеры на сайтах, посвященных практическому маркетингу²⁴), но она эксплуатирует принцип контраста с той же целью – отстройки от конкурентов, поэтому не снимает подозрений в отношении прочих, неупомянутых аспектов работы компании. Она становится частью стратегии бренд-менеджмента, а не этическим принципом бизнес-системы, поэтому может легко быть отброшенной.

Реклама – это элемент системы коммуникации, а также институт социализации, поэтому посредством нее происходит воспроизводство идеологии, как и посредством законодательства; она поддерживает доминирующий дискурс, формируя реальность выгодным для властных групп образом; она воспроизводит стереотипы, реконструируя модель отношений в социуме, отвечающую потребностям обладающих ресурсом структур. При этом происходит своеобразный эпистемический сдвиг, отход от реальности ради продолжения процесса потребления. Дискурс о вещи тем самым отклоняется от самой вещи. Выходом из ситуации эпистемической несправедливости представляется переключение с опыта потребления рекламных сообщений на опыт потребления продукта. Однако человек конечен – есть ли у него время на пробы и ошибки? Это вопрос выбора, только уже не экономического, а экзистенциального...

Нужно помнить, что реклама – симптом мифологизации и виртуализации общества: чем больше рекламы, уводящей от реальности через паттерны переносов смысла, нарушение логических схем, умалчивание, явный обман, тем меньше истинного остается в социальной коммуникации, тем больше иллюзорности оказывается в основе функционирования общества пост-знания, где вера в истину уступила место ее целенаправленному конструированию. Фактически реклама попадает в известный парадокс критского лжеца, когда любое сообщение из заведомо сомнительного источника – как ложное, так и истинное – будет порождать один и тот же вопрос: а стоит ли доверять рекламе?

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: В 4-х т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с. (Филос. наследие. Т. 90).
2. Вавилова Ж. Е. Преломление социальной инклюзии в образах современной рекламы // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 100–108, <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.4.11>. EDN: DPGGIS

²⁴ Walker T. Do only «crazy people» advertise with honesty? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://workshop.marketing/honest-advertising/> (дата обращения: 01.11.2022).

3. Вавилова Ж. Е. Реклама как утопический конструкт: новые тенденции мифотворчества в современном информационном обществе // Информационное общество. – 2019. – № 1–2. – С. 116–121. EDN: MVJDHP.
4. Вавилова Ж. Е. Эпистемическая несправедливость и принцип диалогичности // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2014. – № 8. – С. 100–104. EDN: SJZOKD.
5. Калабекова С. В. Реклама как симулякр в концепции Ж. Бодрийяра // Известия Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии. – 2016. – № 2(8). – С. 22–27. EDN: UPDGOG.
6. Каримов А. Р. Эпистемология добродетелей: научная монография. – С.-Пб.: Алетея. – 2019. – 428 с.
7. Лужнова Н. В., Федоров М. В. Технологии маркетинга в социальных сетях для малого бизнеса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 3. – С. 28–37, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-28>. EDN: BZMNWF.
8. Мартишина Н. И. Эпистемология рекламы: к постановке проблемы // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. – 2015. – № 4 (35). – С. 69–75. EDN: VAVHFZ.
9. Петев Н. И. Симптомы нравственной дисперсии в сознании индивида и общества // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 91–103, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-4-91>. EDN: CXGFUS.
10. Тимшин В. А. Постмодернистский взгляд на рекламу: симуляция в системе вещей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 1–4. – С. 57–60.
11. Тульчинский Г. Л. Пандемия и современные медиа: хорроризация, недоверие и запрос на ответственность // Психологические проблемы личности и общества в условиях эпидемиологической угрозы: сборник статей Всероссийской конференции с международным участием, Москва, 10–12 декабря 2020 г. – М., 2021. – С. 138–145. EDN: CMPPPF.
12. Ballantyne N. (2019) Epistemic Trespassing. *Mind*. Vol. 128. Is. 510, pp. 367–395. <https://doi.org/10.1093/mind/fzx042> (In Eng.).
13. Baudrillard J. (1968) *Le Système des Objets*. Paris: Gallimard, 288 p.
14. Barbu-Kleitsch O. (2015) Use of Hyperboles in Advertising Effectiveness. *Redefining Community in Intercultural Context*. Vol. 4. No 1, pp. 175–184. (In Eng.).
15. Berenstain N. (2016) Epistemic Exploitation. *Ergo*. Vol. 3. No. 22, pp. 569–590, <https://doi.org/10.3998/ergo.12405314.0003.022> (In Eng.).
16. Davis E. (2018) On Epistemic Appropriation. *Ethics*. Vol. 128. No 4, pp. 702–727, <https://doi.org/10.1086/697490> (In Eng.).
17. Fricker M. (2009) *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: OUP, 208 p.
18. Smith L., Archer A. (2020) Epistemic Injustice and the Attention Economy. *Ethical Theory and Moral Practice*. Vol. 23, pp. 777–795, <https://doi.org/10.1007/s10677-020-10123-x> (In Eng.).
19. Tajsin E. A., Gurianov A. S. (2021) Interpretation of Sense / Meaning in the Communicative Field. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 3. No 4, pp. 206–210, <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.238> (In Eng.).
20. Vitale J. (2006) *There's a Customer Born Every Minute*. Wiley, 272 p.

References

1. Aristotle (1984) *Nikomakhova Etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow: Thought, Vol. 4, 830 p.
2. Vavilova, Zh. E. (2021) [Social Inclusion Reflected in the Images of Modern Advertising]. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No 4, pp. 100–108, <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.4.11>. (In Russ., abstract in Eng.).
3. Vavilova, Zh. E. (2019) [Advertising as a Utopian Construct: New Trends in Myth-making in Modern Information Society]. *Informacionnoe Obshchestvo* [Information Society]. Vol. 1–2, pp. 116–121. (In Russ., abstract in Eng.).
4. Vavilova, Zh. E. (2014) [Epistemic Injustice and the Principle of Dialogue]. *Alma Mater. (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma mater. (Bulletin of Higher School)]. Vol. 8, pp. 100–104. (In Russ., abstract in Eng.).
5. Kalabekova, S. V. (2016) [Advertising as a Simulacrum in J. Baudrillard's Concept]. *Izvestiya Severo-Kavkazskoy gosudarstvennoy humanitarno-tekhnologicheskoy akademii* [Proceedings of the North Caucasian State Humanitarian-Technological Academy]. Vol. 2 (8), pp. 22–27. (In Russ., abstract in Eng.).
6. Karimov, A. R. (2019) *Epistemologiya Dobrodetey* [Virtue Epistemology]. Saint-Petersburg: Aleteya Publishers, 428 p.
7. Luzhnova, N. V., Fedorov, M. V. (2022) [Marketing Technologies in Social Networks for Small Business]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 28–37, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-3-28>. (In Russ., abstract in Eng.).

8. Martishina, N. I. (2015) [To the Problem of Epistemology of Advertising]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya* [The Siberian Transport University Bulletin]. Vol. 35. No 4, pp. 69–75. (In Russ., abstract in Eng.).
9. Petev, N. I. (2020) [Symptoms of Moral Dispersion in the Consciousness of the Individual and Society]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 4, pp. 91–103, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2020-4-91>. (In Russ., abstract in Eng.).
10. Timshin, V. A. (2011) [Postmodern View on Advertising: Simulation in Things System]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta* [Herald of Vyatka State University]. Vol. 1 (4), pp. 57–60. (In Russ., abstract in Eng.).
11. Tulchinskii, G. L. (2021) [Pandemic and Modern Media: Horror, Distrust and a Request for Responsibility]. *Psichologicheskie problemy lichnosti i obshchestva v usloviyah epidemiologicheskoy ugrozy: sbornik statej Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Psychological problems of personality and society in the context of an epidemiological threat: collection of articles of the All-Russian Conference with International Participation, Moscow, December 10–12, 2020]. Moscow, pp. 138–145. (In Russ.).
12. Ballantyne, N. (2019) Epistemic Trespassing. *Mind*. Vol. 128 (510), pp. 367–395. (In Eng.).
13. Baudrillard, J. (1968) *Le Système des Objets*. Paris: Gallimard, 288 p.
14. Barbu-Kleitsch, O. (2015) Use of Hyperboles in Advertising Effectiveness. *Redefining Community in Intercultural Context*. Vol. 174. No 4, pp. 175–184. (In Eng.).
15. Berenstain, N. (2016) Epistemic Exploitation. *Ergo*. Vol. 22. No. 3, pp. 569–590. (In Eng.).
16. Davis, E. (2018) On Epistemic Appropriation. *Ethics*. Vol. 128. No. 4, pp. 702–727. (In Eng.).
17. Fricker, M. (2009) *Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing*. Oxford: OUP, 177 p.
18. Smith, L., Archer, A. (2020) Epistemic Injustice and the Attention Economy. *Ethical Theory and Moral Practice*. Vol. 23, pp. 777–795, <https://doi.org/10.1007/s10677-020-10123-x> (In Eng.).
19. Tajsin, E. A., Gurianov, A. S. (2021) Interpretation of Sense / Meaning in the Communicative Field. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. Vol. 3. No 4, pp. 206–210, <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i4.238>. (In Eng.).
20. Vitale, J. (2006) *There's a Customer Born Every Minute*. Wiley, 272 p.

Информация об авторе:

Жанна Евгеньевна Вавилова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

ORCID ID: 0000-0002-0247-8257, **Researcher ID:** I-9386-2016, **Scopus Author ID:** 57189891831

e-mail: zhannavavilova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 15.11.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Zhanna Evgenievna Vavilova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy and Media, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0247-8257, **Researcher ID:** I-9386-2016, **Scopus Author ID:** 57189891831

e-mail: zhannavavilova@mail.ru

The paper was submitted: 15.11.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

М. Ю. Замаренков

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

e-mail: skyw@list.ru

Аннотация. Прогресс в сфере технических средств обмена информацией, наращивание скорости и доступности информационных технологий закономерно повлекли за собой развитие методов анализа результатов коммуникации. Одним из наиболее популярных такого рода методов стал контент-анализ – количественно-качественный подход, основанный на подсчете ключевых элементов в тексте. Данный метод с успехом применяется во многих отраслях и направлениях исследований. Не осталось в стороне и религиоведение. С одной стороны, контент-анализ в этой области считается полезным и перспективным методом, однако с другой стороны, отмечается недостаточность контент-аналитических данных в указанной сфере.

Цель данного исследования – выяснить причину недостаточности контент-аналитических данных в религиоведении посредством выявления общеметодологических и специфических проблем применения контент-анализа в рассматриваемой области.

Для достижения поставленной цели была проанализирована практика применения контент-анализа в современных религиоведческих исследованиях, а также отечественные и зарубежные теоретические материалы, посвященные возможным проблемам применения данного метода.

В процессе исследования вначале были выделены общеметодологические недостатки контент-анализа, а затем определены специфические для религиоведения проблемы применения данного метода. Среди последних были рассмотрены следующие проблемы: чувствительность контент-анализа к корректности и операциональности определений; методологические требования априорного подхода к подготовке исследования, однозначности определяемых категорий и манифестности исследуемого контента; повышенные требования к квалификации исследователя и кодировщиков. В статье отдельно рассмотрены проблемы применения автоматизированных средств контент-анализа в религиоведении, среди которых названы следующие: необходимость более высокой квалификации исследователя; требование пригодности исследуемого контента для машинной обработки; вопрос о соотношении ручного и машинного кодирования; проблема побочных явлений, влияющих на текст (обезличенность, репосты, боты, накрутки и т. д.); непригодность наиболее прогрессивных машинных методов, для данного типа исследований в связи с непрозрачностью алгоритмов анализа; принципиальный вопрос о способности цифрового контента достоверно отражать религиозные явления.

В результате данного исследования были выявлены специфические проблемы применения контент-анализа в религиоведении, а также намечены пути их решения. В заключении статьи автор выражает надежду, что приведенные в данной работе, а также иные решения перечисленных проблем позволят расширить границы применения контент-анализа в религиоведении.

Ключевые слова: религиоведение, социология религии, количественные методы, контент-анализ, количественный контент-анализ, качественный контент-анализ, этнографический контент-анализ, триангуляция методов, проблемы контент-анализа, недостатки контент-анализа.

Для цитирования: Замаренков М. Ю. Контент-анализ в религиоведческих исследованиях: к постановке проблемы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 55–63, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-55>.

CONTENT ANALYSIS IN RELIGIOUS STUDIES: TO THE PROBLEM STATEMENT

M. Yu. Zamarenkov

Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow, Russia

e-mail: skyw@list.ru

Abstract. Progress in the field of technical means of information exchange, increasing the speed and accessibility of information technologies naturally led to the development of methods for analyzing the results of

communication. One of the most popular methods of this kind has become content analysis – a quantitative and qualitative approach based on the calculation of key elements in the text. This method is successfully used in many industries and research areas. Religious studies did not stand aside either. On the one hand, content analysis in this area is considered a useful and promising method, but on the other hand, there is a lack of content analysis data in this area.

The purpose of this study is to find out the reason for the insufficiency of content-analytical data in religious studies by identifying general methodological and specific problems of applying content analysis in the field under consideration.

To achieve this goal, the practice of using content analysis in modern religious studies, as well as domestic and foreign theoretical materials devoted to possible problems of using this method, was analyzed.

In the course of the research, the general methodological shortcomings of content analysis were first identified, and then the problems of using this method specific to religious studies were identified. Among the latter, the following problems were considered: the sensitivity of content analysis to the correctness and operability of definitions; methodological requirements of the a priori approach to the preparation of the study, the unambiguity of the defined categories and the manifestation of the studied content; increased requirements for the qualifications of the researcher and coders. The article separately examines the problems of using automated content analysis tools in religious studies, among which the following are named: the need for a higher qualification of the researcher; the requirement of the suitability of the studied content for machine processing; the question of the ratio of manual and machine coding; the problem of side effects affecting the text (impersonality, reposts, bots, cheating, etc.); unsuitability of the most advanced machine methods for this type of research due to the opacity of the analysis algorithms; the principle question is about the ability of digital content to reliably represent religious phenomena.

As a result of this study, specific problems of the application of content analysis in religious studies were identified, as well as ways to solve them were outlined. In the conclusion of the article, the author expresses the hope that the solutions given in this work, as well as other solutions to the listed problems, will expand the boundaries of the application of content analysis in religious studies.

Key words: religious studies, sociology of religion, quantitative methods, content analysis, quantitative content analysis, qualitative content analysis, ethnographic content analysis, triangulation of methods, problems of content analysis, shortcomings of content analysis.

Cite as: Zamarenkov, M. Yu. (2023) [Content analysis in religious studies: to the problem statement]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 55–63, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-55>.

Введение

Одной из наиболее примечательных черт новейшей истории можно с уверенностью назвать стремительное развитие технических средств коммуникации. Повышение скорости и расширение доступности информационных технологий привело к лавинообразному росту объема различных данных, содержащих результаты коммуникации. Неудивительно, что вместе с увеличением объема данных возрастал и спрос на средства их анализа [30, р. 30]. Одним из наиболее популярных средств стал количественно-качественный метод, основанный на подсчете ключевых элементов в контенте, или просто контент-анализ (далее – КА). Данный метод с успехом применяется в социологических и политологических исследованиях, а также в журналистике, экономике, психологии, литературоведении, исторических и др. областях [9]. Не осталось в стороне и религиоведение. Р. А. Дуркин отмечает, что «социологический контент-анализ в рамках религиоведения позволяет последнему осуществить проект социологической операционализации феноменов стихийной религиозности, необходимость которого систематически обосновывается в современной отечественной социологической литера-

туре, и сформулировать теоретические концепты определения качественных форм стихийной религиозности» [1]. «Достаточно полезным» [8, с. 159] называют данный метод авторы новой монографии по социологии религии – Н. Г. Осипова и С. О. Елишев. Отечественный религиовед Д. А. Ченцова подчеркивает эффективность КА в тех случаях, когда вызывают затруднения опросные методы [19]. Важность и перспективность применения не опросных количественных методов в религиоведении неоднократно отмечал автор ряда статей, посвященных «цифровой социологии» и исследованию религиозных интернет-сообществ, – В. Г. Писаревский [10]. В статье о методах исследования постсоветской религиозности М. А. Чернецов выражает надежду, что для изучения общественной дискуссии в будущем «будет использоваться анализ контента социальных сетей» [20, с. 142].

Несмотря на всю популярность и перспективность КА, некоторые исследователи обращают внимание на недостаточность применения в религиоведении цифровых методов в целом [25] и КА в частности. В 2012 году американский социолог религии В. Карпов писал, что «в то время как оценки религиозных трендов, основанные на опросах,

в последние десятилетия только умножались, масштабные контент-аналитические исследования искусства, литературы, философии и других культурных подсистем были маргинализированы, если вообще не забыты» [2]. В 2020 году вышла книга отечественного социолога религии Д. А. Узланера, автор которой пишет о данных, полученных опросными методами, что «предпочел не обсуждать достоверность этих данных по той причине, что других у нас пока нет» [17, с. 344].

Что мешает религиоведам получать данные, в которых есть очевидная потребность, и можно ли это исправить? Для поиска ответов на данный вопрос целесообразно выяснить, какие специфические и общеметодологические проблемы возникают в процессе применения КА в религиозных исследованиях.

Общая характеристика контент-анализа в религиоведении

Как и любой другой метод, КА имеет свои достоинства и недостатки. С философской точки зрения методология КА представляет собой восхождение «от многообразия текстового материала к абстрактной модели содержания текста» [4]. Иными словами, КА является способом получения объективной невербальной информации из массива субъективных вербальных данных [12, с. 378]. Примечательно, что многие определения КА делают акцент именно на его объективности [12, с. 378]. Она объясняется тем, что анализу подвергается уже существующий контент, что якобы должно исключать влияние исследователя на анализируемые объекты [24, pp. 205–220]. Другим объяснением объективности КА является его априорная конструкция, благодаря которой получаемые результаты должны обладать воспроизводимостью независимо от личности исследователя за счет однозначно сформулированных инструкций, лежащих в основе методики [23, р. 18].

Важно отметить, что упомянутая объективность на практике является весьма условной. Влияние исследователя на получаемые результаты присутствует, как минимум, на этапе разработки инструкций анализа, а также на этапе интерпретации результатов [33, р. 186]. По этой причине современные авторы предпочитают называть это качество КА не объективностью, а интерсубъективностью [29; 31; 34]. Однако даже относительная объективность является весьма значимой характеристикой КА, положительно отличающей его от многих других социологических методов. Среди прочих преимуществ контент-анализа можно выделить следующие: а) дистанцированность исследователя от исследуемых объектов; б) возможность исследовать косвенные признаки неявных процессов, не наблюдаемых другими способами; в) воспроизводимость результатов исследования любым другим исследователем,

использующим те же исходные данные; г) надежность получаемых результатов; д) возможность частичной или полной автоматизации исследовательского процесса; е) экономичность и быстрота проведения исследований больших массивов данных (при условии частичной или полной автоматизации процесса); ж) совместимость с другими методами исследований, позволяющая взаимно дополнять и уточнять собираемые данные и др.

К недостаткам КА можно отнести следующие: а) относительную сложность; б) высокие требования к специалистам, проводящим исследование; в) большое количество требований к исследуемому материалу (наличие материальных носителей, достаточный объем, содержательная актуальность, однородность по многим характеристикам и мн. др.); г) общеметодологические проблемы статистических методов (нечувствительность к латентному содержанию текста, возможная субъективность при кодировании и интерпретации, ложные корреляции и ошибки анализа, относительность репрезентативности выборок и др.); д) сложность проверки полученных результатов; е) недоверие со стороны сторонников качественных гуманитарных методов исследований и др. Отдельного упоминания, в контексте обсуждения недостатков КА, заслуживают методологические споры между сторонниками разных (количественных и качественных, дедуктивных и индуктивных) подходов, о которых будет сказано ниже.

Проблемы применения контент-анализа в религиоведении

Будучи относительно точным количественным методом, КА чувствителен к корректности определений, используемых как при составлении кодировочных инструкций, так и в самих исследуемых текстах. В религиозной среде, напротив, определения многих понятий являются дискуссионными, с рядом нерешенных проблем, начиная с определений таких предметных понятий, как «религия», «религиозность» и др. [5; 14; 18]. Многие из используемых определений являются конститутивными, в то время как для КА требуются операциональные определения, объясняющие применяемую интерпретацию исследуемого феномена, позволяющие определить концепцию исследования и показывающие, что именно будет подсчитываться в процессе анализа [24, pp. 205–220]. На практике решением данной проблемы является введение частных определений, принятых в рамках конкретного исследования [18]. Однако такое решение влечет за собой проблемы сопоставимости данных, получаемых разными исследователями, лишая КА одного из его основных преимуществ.

Помимо корректности определений, проблемным для религиозных исследований является

методологическое требование однозначности определяемых категорий. Операциональные определения должны быть исчерпывающими (все возможные результаты попадают в одну из категорий) и исключительными (никакие результаты не попадают более чем в одну категорию) [34, р. 6]. К примеру, в исследовании требуется подсчитать количество представителей некоторой религиозной группы. Помимо уже упомянутой проблемы определения того, кого относить или не относить к выбранной религиозной группе, возникает проблема с идентификацией тех, кто относит себя к нескольким религиозным группам одновременно. Соблюдение методологических требований может потребовать здесь введения дополнительных категорий, таких как «синкретизм», «лоскутная религиозность» и др.

Кроме того что определения в КА должны быть корректными и однозначными, проблемой для религиозоведческих исследований является требование априорного подхода к подготовке исследования, призванного обеспечить необходимый уровень объективности исследования [31, р. 18]. Как можно увидеть в приведенном выше примере, на практике в религиозоведческих исследованиях этот принцип трудно выполним. Исследователю приходится сначала ознакомиться с контентом и лишь потом принимать решение о том, какие категории будут включены в кодировочные инструкции. С одной стороны, от данного «индуктивного» [31, р. 18] подхода страдает одно из самых значимых преимуществ КА – объективность. С другой стороны, существует мнение, что классический «дедуктивный» [31, р. 18] подход, в котором исследователь в процессе формирования инструкций опирается лишь на опыт предшествовавших исследований, препятствует инновациям [27]. В результате религиозоведцам приходится балансировать между количественным и качественным подходами, стараясь соблюсти приемлемую степень объективности и в то же время удовлетворить свои исследовательские потребности. Примерами таких гибридных методик можно назвать «этнографический» [21] и «качественный» [22] КА, где количественные методики дополняются качественными. Качественные корректировки КА могут иметь циклический характер «герменевтического круга» [16], с многократным взаимным уточнением количественных и качественных методик. В других гибридных подходах предлагается «триангуляция» [31] методов, когда КА может проводиться и классическим способом, однако его данные на разных этапах дополняются и уточняются за счет параллельных качественных методик. В качестве примера «триангуляции» можно привести недавнее исследование государственно-конфессиональных отношений Е. В. Родионовой и В. Д. Коваленко [15], в котором авторы совместили количественный и качественный КА

с ивент-анализом. В качестве примера циклического взаимодополнения методик может послужить работа А. А. Сычева [16], обобщающая посредством «герменевтического круга» результаты, полученные с помощью КА, дискурс-анализа и сравнительного анализа. Важно отметить, что упомянутая «триангуляция» методов может служить только для взаимодополнения данных, но не для их взаимной проверки [34]. В противном случае «герменевтический круг» может превратиться в «круг порочный».

Еще одним источником споров в т. н. «битве парадигм» [29] между сторонниками классического и различных компромиссных методик КА является требование классиков [23] к «манифестности» [24] исследуемого контента. Оно обязует исследователя анализировать только явное содержание текста, игнорируя латентный его смысл [24]. Очевидно, что в религиозоведческих исследованиях следовать этому требованию проблематично. Религиозный контент часто насыщен аллегориями и метафорами. Простой подсчет слов, столбцов или действий может дать совершенно искаженную картину содержания исследуемого текста. Например, существует качественная разница между словом «Боже», произнесенным в контексте молитвы или в качестве междометия. Таким образом, возникает дилемма между объективными и воспроизводимыми, но не отражающими исследуемый феномен количественными данными, с одной стороны, и субъективными, но дающими представления о исследуемом феномене качественными данными, с другой. Решением данной дилеммы сторонники качественных методов КА считают применение более тщательной процедуры интерпретации в процессе «латентного кодирования» [6, с. 123], что подразумевает повышенные требования к количеству и квалификации кодировщиков, а также строгое соблюдение процедур проверки качества их работы [32]. Упомянутой проверкой может быть сравнение результатов кодирования одного и того же фрагмента текста разными кодировщиками с последующим сравнением результатов и получением коэффициента, демонстрирующего, насколько объективными можно считать получаемые данные [26]. Такую проверку можно сделать еще надежнее, если повторить ее с теми же кодировщиками и текстом по прошествии некоторого времени [6, с. 124].

Из вышесказанного следует, что еще одной проблемой применения КА в религиозоведческих исследованиях становятся повышенные требования к квалификации не только исследователя, но и привлекаемых им кодировщиков, которые должны ориентироваться в исследуемой области, знать ее терминологию и уметь различать не только манифестное, но и латентное содержание текста [31]. Эти требования представляют угрозу для таких важных преимуществ КА, как стоимость и мас-

штабность исследований. Традиционным решением данной проблемы являются рекомендации по более детальной проработке кодировочных инструкций, что призвано частично снять нагрузку с кодировщиков [31]. Кроме этого, с развитием информационных технологий и их применением в социологии стали появляться методики машинного кодирования и анализа текста. Относительная дешевизна и возможность обрабатывать колоссальные объемы данных обеспечили заслуженный рост популярности автоматизированных средств КА [30, р. 30, 40]. Однако в религиозном цифровые методы обрели меньшую популярность, чем в других областях, концентрируясь преимущественно на исследованиях религиозных феноменов, представленных в цифровой среде (религиозные интернет сообщества, сайты, форумы и т. п.) [35].

Сравнительно низкую популярность автоматизированного КА в религиозном исследовании можно попытаться объяснить тем, что его применение влечет за собой ряд новых проблем. Например, применение информационных технологий в КА повышает требования к квалификации исследователя, а также к самому исследуемому контенту, который должен быть пригоден для машинной обработки. Кроме того, когда речь идет о работе с «цифровой религиозией» [35, р. 78] и интернет-средой, это вызывает множество теоретических и даже философских дискуссий о правомерности и ограниченности возможностей таких исследований. В качестве примера таких дискуссий можно привести вопрос о том, насколько интернет-сообщество определенного религиозного движения отражает реальные процессы, происходящие в этом движении за пределами интернета. По этому вопросу можно встретить множество разных мнений. Одни религиоведы придерживаются позиции, что «перекодировка сакрального в двоичный код может исказить восприятие верующего человека» [7, с. 1880], видоизменяя и десакрализируя религиозную культуру, а «данные контент-анализа интернет-публикаций становятся проблематично экстраполировать на реальный мир» [13, с. 50]. Другие настаивают на том, что существует «взаимосвязь социальной реальности в Интернете (онлайн) с привычной социальной реальностью (офлайн)» [11, с. 30] или феномен «реальной виртуальности» [3, с. 234–239].

Еще одним проблемным местом в применении автоматизированного КА в религиозных исследованиях оказался вопрос о соотношении ручного и машинного кодирования. С одной стороны, машинное кодирование позволяет на порядок увеличить скорость, объективность, репрезентативность и масштабы исследования. Но, с другой стороны, несмотря на значительное развитие алгоритмов, позволяющих машине распознавать не только манифестное, но и латентное содержание, машины

по-прежнему уступают качеству человеческого кодирования [31, р. 204]. Кроме этого, машинное кодирование уязвимо для таких явлений интернет-среды, как обезличенность, репосты, боты, накрутки, чувствительность контента к интерактивному взаимодействию, коммерческие и иные требования к контенту (количество просмотров, досматриваемость, законность) и т. д. Следует отметить, что все перечисленные проблемы в настоящее время имеют «работоспособные» решения – такие, как фильтры «антиботы», «антиананимайзеры» и т. п.

Проблемой современного автоматического кодирования является еще и то, что наиболее перспективные методы машинного анализа текста, основанные на технологиях нейросетей, имеют закрытый и неочевидный вычислительный алгоритм, т. н. «black box», что неприемлемо для религиозных исследований [31, р. 204].

В качестве решения вышеназванных проблем современные специалисты по КА предлагают совмещение машинного и ручного кодирования, чтобы «сохранить сильные стороны традиционного контент-анализа с его систематической строгостью и контекстуальной осведомленностью, максимизируя при этом масштабные возможности больших данных и эффективность вычислительных методов» [28, р. 47; 31, р. 204; 29].

В завершение разговора о автоматизированном КА стоит отметить, что, несмотря на существующие решения многих проблем, автоматизированные методики и компьютерные программы находят свое применение в религиозном контент-анализе в основном на этапах статистической обработки и графического представления данных, собранных вручную.

Заключение

Все рассмотренные выше общеметодологические и специфические проблемы закономерно ограничивают возможности применения КА в религиозном исследовании. Эта ситуация осложняется тем, что науки о религии весьма чувствительны к попыткам операционализации предметов их изучения. Однако при более детальном рассмотрении отдельных проблем можно обнаружить, что для многих из них существуют практические решения, успешно применяемые различными исследователями. Тщательный подход к выбору подходящей методики, различные способы совмещения КА с другими исследовательскими методами, применение автоматизированных технологий на этапах сбора и кодировки информации совместно с человеческим кодированием, развитие системы операциональных определений и другие решения способны значительно расширить возможности применения КА в религиозном исследовании.

В заключение важно отметить, что КА является «живым», развивающимся методом, а его применение

ние в религиоведении порождает потребность в решениях частных методологических проблем. Это дает основания надеяться, что «спрос породит предложение», и в будущем нас ждет появление новых решений, расширяющих границы возможностей применения КА, в том числе и в религиоведении.

Литература

1. Дуркин Р. А. Социологические методы в религиоведении и религиоведческое содержание социологии // Человек. Общество. Инклюзия. – 2016. – № 2–2(26). – С. 34–44. – EDN: WIDSZD.
2. Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – Т. 30. – № 2. – С. 114–164. – EDN: PINQFX.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе (англ.) рус. / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та). – 2004. – 328 с.
4. Кирпиков А. Р. Качественный контент-анализ как метод исследования // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. – Екатеринбург: УрФУ, 2018. – С. 67–74.
5. Колякина Е. А. Определение сущности понятия «религиозность» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2007. – Т. 13. – № 3. – С. 51–55. – EDN: TAOBCN.
6. Ньюман Л. Методы социальных исследований: количественный и качественный подходы / Перевод к. филос. н. Баллаевой Е. А. // Социологические исследования, № 6, 1998. – С. 119–129.
7. Орлов М. О., Сюсюкин В. А. Риски религиозной социализации в цифровом обществе: стратегии исследования и методы профилактики // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – № 9. – С. 1878–1882, <https://doi.org/10.30853/mns210328> – EDN: NWJFPM.
8. Осипова Н. Г., Елишев С. О. Религия: социологический анализ. Монография. – М.: Перспектива, 2022. – 436 с. EDN: XBSSMJ.
9. Пашинян И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. – 2012. – № 3(9). – С. 13–18. – EDN: PEEZJH.
10. Писаревский В. Г. Цифровая социология как методология изучения ценностных ориентаций аудитории православных сообществ в социальной сети ВКонтакте // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2015» URL: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid74178_report.pdf (дата обращения: 01.05.2019).
11. Писаревский В. Г. Методология исследования социально-демографических и поведенческих критериев у аудитории православных сообществ ВКонтакте // Социология религии в обществе позднего модерна. – 2020. – Т. 9. – С. 29–40. – EDN: PFLUXR.
12. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации – 2-е изд., стер. – М.: СмартБук, 2009. – 651 с.
13. Прилуцкий А. М. «Ересь киприанизма» как мем информационного пространства // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (11). – С. 48–57, https://doi.org/10.47132/2541-9587_2021_3_48 – EDN: RCDVRH.
14. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «Религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 268–293. EDN: PINQHV.
15. Родионова Е. В., Коваленко В. Д. Медиатизированный образ государственно-конфессиональных отношений: реальность или социальный конструкт // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2022. – Т. 8 (74). – № 1. – С. 132–148. – EDN: TYMAFX.
16. Сычев А. А. Интерпретация канонов в дискурсе маргинального православия // Технологос. – 2022. – № 1. – С. 86–102, <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.1.07> – EDN: HTYOEZ.
17. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке – М.: издательство института Гайдара, 2020. – 416 с.
18. Фолиева Т. А. Метод качественно-количественного анализа содержания текста в религиоведческих исследованиях // Сборник: Религия и текст: от практики к теории: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2012. – С. 107–112.
19. Ченцова Д. А. Специфика исследований личностной религиозности современных мирян, практикующих исихазм (на примере репрезентативных групп в сети Интернет) // Сретенские чтения: Материалы XXVI научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов, Москва, 22 февраля 2020 года. – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2020. – С. 212–216. – EDN: LGSZXQ.

20. Чернецов М. А. Опыт социально-философского исследования постсоветской религиозности: специфика и методологическая основа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – № 1 – С. 135–146, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-1-135> – EDN: XSSFIQ.
21. Altheide D. L. (1987) Ethnographic content analysis, *Qualitative Sociology*. Vol. 10(1), pp. 65–77, <https://doi.org/10.1007/BF00988269>.
22. Altheide D. L., Schneider C. J. (2017) *Qualitative Media Analysis*. Publisher: SAGE Publications, Ltd, <https://dx.doi.org/10.4135/9781452270043> (In Eng.).
23. Berelson B. (1952) *Content analysis in communication research*. New York: Hafner. 220 p. (In Eng.).
24. Berger A. A. (Ed.) (2019) *Media & communication research methods: An introduction to qualitative and quantitative approaches*. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage. p. 448 (In Eng.).
25. Cooper D. M., et al. (2017) Supporting the Changing Research Practices of Religious Studies Scholars. *Ithaka S+R*, <https://doi.org/10.18665/sr.294119> (In Eng.).
26. Krippendorff K. (1980) *Content analysis: An introduction to its methodology*. Beverly Hills, CA, Sage. 191 p. (In Eng.).
27. Kuhn T. S. (1970) *The structure of scientific revolutions* (2nd ed.). Chicago: University of Chicago Press. 210 p. (In Eng.).
28. Lewis S. C., Zamith R., Hermida A. (2013). Content analysis in an era of big data: A hybrid approach to computational and manual methods. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. Vol. 57. Is. 1, pp. 34–52, <https://doi.org/10.1080/08838151.2012.761702> (In Eng.).
29. Macnamara J. (2018) Content Analysis. In: Napoli, P. ed. *Mediated Communication*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 191–212, <https://doi.org/10.1515/9783110481129-012> (In Eng.).
30. Neuendorf K. A. (2002) *The content analysis guidebook*. Thousand Oaks, CA: Sage. 301 p. (In Eng.).
31. Neuendorf K. A. (2017) *The content analysis guidebook*. 2Nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage. 301 p, <https://dx.doi.org/10.4135/9781071802878> (In Eng.).
32. Newbold C., Boyd-Barrett O., Van Den Bulck H. (2002) *The media book*. London: Arnold. 445 p. (In Eng.).
33. Stausberg M., Engler S. (2021) *The Routledge handbook of research methods in the study of religion*. (2nd ed.). London; New York: Routledge. 670 p. (In Eng.).
34. Storm I. (2011) *Researching religion using quantitative methods*. Research Methods for the study of Religion, University of Kent. URL: <https://research.kent.ac.uk/religion-methods/wp-content/uploads/sites/1810/2020/04/Researching-religion-using-quantitative-data.pdf> (accessed: 06.10.2022) (In Eng.).
35. Tsuria R., et al (2017) Approaches to digital methods in studies of digital religion, *The Communication Review*, Vol. 20. Is. 2, pp. 73–97, <https://doi.org/10.1080/10714421.2017.1304137> (In Eng.).

References

1. Durkin, R. A. (2016) [Sociological methods in religious studies and religious studies in sociology]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya* [Human. Society. Inclusion.]. Vol. 2–2(26), pp. 34–44. EDN: WIDSZD (In Russ.).
2. Karpov, V. (2012) [Desecularization: A Conceptual Framework]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. Vol. 30(2), pp. 114–164. EDN: PIHQFX (In Russ.).
3. Castells, M. (2014) *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya (with the participation of the Humanitarian University), 328 p. (In Russ.).
4. Kirpikov, A. R. (2018) [Quality content-analysis as a research method]. *XXI Mezhdunarodnaya konferenciya pamyati professora L. N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt èmpiricheskogo issledovaniya»* [XXI International Conference in memory of Professor L. N. Kogan «Culture, personality, society in the modern world: methodology, empirical research experience»]. Ekaterinburg: UrFU, pp. 67–74. (In Russ.).
5. Kolyakina, E. A. (2007) [Definition of the essence of the concept of “religiosity”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psixologiya. Social'naya rabota. Yuvnologiya. Sociokinetika* [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics]. Vol. 13(3), pp. 51–55. EDN: TAOBCN (In Russ.).
6. Neuman, L. W. (1998) [Social research methods: qualitative and quantitative approaches]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research] Vol. 6, pp. 119–129. (In Russ.).
7. Orlov, M. O., Syusyukin, V. A. (2021) [Risks of Religious Socialization in a Digital Society: Analysis and Prevention]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 14(9), pp. 1878–1882, <https://doi.org/10.30853/mns210328>, EDN: NWJFPM (In Russ.).

8. Osipova, N. G., Elishev S. O. (2022) *Religiya: sociologicheskij analiz*. [Religion: a sociological analysis.]. Moscow: *Perspective*, 436 p. EDN: XBSSMJ (In Russ.).
9. Pashinyan, I. A. (2012) [Content analysis as a research method: advantages and limitations]. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya* [Scientific periodicals: problems and solutions]. Vol. 3(9), pp. 13–18. EDN: PEEZJH (In Russ.).
10. Pisarevskij, V. G. (2015) [Digital sociology as a methodology for studying the value orientations of the Audience of Orthodox Communities in the VKontakte social network]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya studentov, aspirantov i molodyx uchenykh «Lomonosov-2015»* [International Scientific Conference of students, postgraduates and young scientists «Lomonosov-2015»]. Available at: http://lomonosov-msu.ru/file/uploaded/3000/report/uid74178_report.pdf (accessed: 01.05.2019). (In Russ.).
11. Pisarevskij, V. G. (2020) *Metodologiya issledovaniya social'no-demograficheskix i povedencheskix kriteriev u auditorii pravoslavnyx soobshhestv VKontakte* [Methodology of the study of socio-demographic and behavioral criteria in the audience of Orthodox communities VKontakte]. Vol. 9, pp. 29–40. EDN: PFLUXR (In Russ.).
12. Pochepczov, G. G. (2009) *Teoriya kommunikacii* [Communication theory]. 2nd ed. Moscow: *SmartBuk*, 651 p. (In Russ.).
13. Prilutsky, A. M. (2021) [«The Heresy of Cyprianism» as a Meme of Information Space]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoj Duxovnoj Akademii. 2021* [Proceedings of the Department of Theology of the Saint Petersburg Theological Academy]. Vol. 3(11), pp. 48–57. EDN: RCDVRH (In Russ.).
14. Pruczkova, E. V. (2012) [Operationalization of the concept of «Religiosity» in empirical research]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. Vol. 2(30), pp. 268–293. EDN: PIHQHV (In Russ.).
15. Rodionova, E. V., Kovalenko, V. D. (2022) [Mediatized Image of State-confessional Relations: Reality or Social Construct]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies]. Vol. 8(74). No. 1, pp. 132–148. EDN: TYMAFX (In Russ.).
16. Sychev, A. A. (2022) [Interpretation of Canons in the Discourse of Marginal Orthodoxy]. *Technologos*. Vol. 1, pp. 86–102, <https://doi.org/10.15593/perm.kipf/2022.1.07>, EDN: HTYOEZ (In Russ.).
17. Uzlaner, D. A. (2020) *Postsekulyarnyj povorot: kak my slit' o religii v XXI veke* [Postsecular turn: how to think about religion in the XXI century]. Moscow: *Izdatel'stvo instituta Gajdara* [Gaidar Institute Publishing House]. 416 p.
18. Folieva, T. A. (2012) [Method of qualitative and quantitative analysis of the text content in religious studies]. *Sbornik: Religiya i tekst: ot praktiki k teorii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Collection: Religion and text: from practice to theory: materials of International Scientific and practical conference]. Minsk: [Publishing Center of BSU], pp. 107–112. (In Russ.).
19. Chenczova, D. A. (2020) [The specifics of research on personal religiosity of modern laypeople practicing hesychasm (on the example of representative groups on the Internet)]. *Sretenskie chteniya: Materialy XXVI nauchno-bogoslovskoj konferencii studentov, aspirantov i molodyx specialistov* [Sretensky readings : Materials of the XXVI Scientific and Theological Conference of Students, postgraduates and young specialists]. Moscow: *Svyato-Filaretovskij pravoslavno-xristianskij institut* [St Philaret's Institute], pp. 212–216. EDN: LGSZXQ (In Russ.).
20. Chernetsov, M. A. (2022) [Experience of socio-philosophical research of post-Soviet religiosity: specificity and methodological basis]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 135–146, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2022-1-135>, EDN: XSSFIQ (In Russ.).
21. Altheide, D. L. (1987) Ethnographic content analysis. *Qualitative Sociology*, 10(1), 65–77, <https://doi.org/10.1007/BF00988269>.
22. Altheide, D. L. Schneider C. J. (2017) *Qualitative Media Analysis*. Publisher: *SAGE Publications, Ltd*. Online pub date: January 11, 2017, <https://dx.doi.org/10.4135/9781452270043> (In Eng.).
23. Berelson, B. (1952) *Content analysis in communication research*. New York: *Hafner*. 220 p. (In Eng.).
24. Berger, A. A. (Ed.) (2019) *Media & communication research methods: An introduction to qualitative and quantitative approaches*. 5th ed. Thousand Oaks, CA: *Sage*, 448 p. (In Eng.).
25. Cooper, D. M., et al. (2017) Supporting the Changing Research Practices of Religious Studies Scholars. *Ithaka S+R*, <https://doi.org/10.18665/sr.294119> (In Eng.).
26. Krippendorff, K. (1980) *Content analysis: An introduction to its methodology*. Beverly Hills, CA, *Sage*, 191 p. (In Eng.).
27. Kuhn, T. S. (1970) *The structure of scientific revolutions* (2nd ed.). Chicago: *University of Chicago Press*, 210 p. (In Eng.).

28. Lewis, S. C., Zamith, R., Hermida, A. (2013) Content analysis in an era of big data: A hybrid approach to computational and manual methods. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 57(1): 34–52, <https://doi.org/10.1080/08838151.2012.761702> (In Eng.).
29. Macnamara, J. (2018) Content Analysis. In: Napoli, P. ed. *Mediated Communication*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 191–212, <https://doi.org/10.1515/9783110481129-012> (In Eng.).
30. Neuendorf, K. A. (2002) The content analysis guidebook. Thousand Oaks, CA: Sage, 301 p. (In Eng.).
31. Neuendorf, K. A. (2017) The content analysis guidebook. 2Nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 301 p, <https://dx.doi.org/10.4135/9781071802878> (In Eng.).
32. Newbold, C., Boyd-Barrett, O., Van Den Bulck, H. (2002) The media book. London: Arnold, 445 p. (In Eng.).
33. Stausberg, M., Engler, S. (2021) The Routledge handbook of research methods in the study of religion. (2nd ed.). London; New York: Routledge, 670 p. (In Eng.).
34. Storm, I. (2011) Researching religion using quantitative methods. Research Methods for the study of Religion. University of Kent. Available at: <https://research.kent.ac.uk/religion-methods/wp-content/uploads/sites/1810/2020/04/Researching-religion-using-quantitative-data.pdf> (accessed: 06.10.2022). (In Eng.).
35. Tsuria, R., Yadlin-Segal, A., Vitullo, A., Campbell, H. A. (2017) Approaches to digital methods in studies of digital religion, The Communication Review. Vol. 20. Is. 2, pp. 73–97, <https://doi.org/10.1080/10714421.2017.1304137> (In Eng.).

Информация об авторе:

Михаил Юрьевич Замаренков, аспирант, научная специальность 5.7.9 Философия религии и религиозное учение, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-7802-5887, **РИНЦ:** SPIN-код: 1046-2470

e-mail: skyw@list.ru

Статья поступила в редакцию: 06.12.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Mikhail Yur'evich Zamarenkov, postgraduate student, scientific specialty 5.7.9 The philosophy of religion and religious studies, Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-7802-5887, **RSCI:** SPIN-code: 1046-2470

e-mail: skyw@list.ru

The paper was submitted: 06.12.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ АНТРОПОСОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Г. Г. Коломиец¹, Я. В. Парусимова²

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия

¹ e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

² e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Аннотация. Авторы статьи представляют идею антропосоциоэкологического подхода в философской антропологии и философии цивилизационных процессов, работая над утвержденной госбюджетной темой НИР «Антропосоциоэкологические конфигурации современной философии XXI века». Привлекая научную мысль академика В.С. Стёпина, обозначившего такие главные глобальные кризисы техногенной цивилизации, как экологический и антропологический, проблемы «трансгуманизма», понятие «неорганическое тело цивилизации», универсалии цивилизационно-культурного развития, в статье рефлексировано современное философское знание, переосмысливая концепт «природа – человек – социум – индивид» с точки зрения антропосоциоэкологического подхода. В основной части статьи формулируются предпосылки и сущность антропосоциоэкологического подхода в контексте вызовов современности и рассматривается философско-этическая компонента антропосоциоэкологического подхода. При этом авторы выделяют антропосоциоэтическую компоненту, ставя в центр этическую проблему, которая выходит за границы собственно этики как философской науки, и которая в современном знании попадает в широкое мировоззренческое поле и практико-ориентированные действия. Сущность антропосоциоэкологического подхода в современной философии характеризуют мировоззренческие и этические универсалии, среди которых всечеловеческие жизненные ценности. Актуальность данного подхода обусловлена значимостью такой высшей макроэтической универсалии, как достоинство человека, начиная с добродетели чувства собственного субъективного психологически переживаемого достоинства до осознанного признания государственно-национального и всечеловеческого достоинства в новом многополярном мировом устройстве. В свете последних новаций компьютерных технологий авторы обращают внимание на проблемы власти, ответственности и достоинства в условиях многополярного мира, которые, по мнению авторов, сопряжены с антропосоциоэкологическим философско-прогностическим подходом, учитывая мощный технологический прогресс и «столкновение» техногенной и традиционалистской цивилизаций. Авторы выражают надежду, что антропосоциоэкологический философский подход, опирающийся на ценностные универсалии, в перспективе будет иметь место при анализе российского, азиатского и европейского позитивного опыта в становлении нового типа межкультурного взаимодействия. Среди практических целей антропосоциоэкологического подхода важно сотрудничество разного уровня корпораций, всемирных сообществ на основе мировоззренческих и этических универсалий. В завершении статьи утверждается, что антропосоциоэкологический подход, обусловленный новым этапом цивилизационного развития, переосмыслением достоинства человека в условиях многополярного мира, является актуальной проблемой в современной философской антропологии и философии цивилизационных процессов.

Ключевые слова: философская антропология, антропосоциоэкологический подход, цивилизация и культура, ценности, этика, ответственность, достоинство, власть, многополярный мир.

Для цитирования: Коломиец Г. Г., Парусимова Я. В. Об актуальности антропосоциоэкологического подхода в философской антропологии и философии цивилизационных процессов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 64–72, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-64>.

ON THE RELEVANCE OF ANTHROPOSOCIOECOLOGICAL APPROACH IN PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PHILOSOPHY OF CIVILIZATIONAL PROCESSES

G. G. Kolomiets¹, Ya. V. Parusimova²

Orenburg State University, Orenburg, Russia

¹ e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

² e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Abstract. The authors of the article present the idea of an anthroposocioecological approach in philosophical anthropology and philosophy of civilizational processes, working on the approved state budget research topic "Anthroposocioecological configurations of modern philosophy of the XXI century". Attracting the scientific thought of academician V.S. Stepin, who identified such major global crises of technogenic civilization as ecological and anthropological, problems of "transhumanism", the concept of "inorganic body of civilization", universals of civilizational and cultural development, the article reflects modern philosophical knowledge, rethinking the concept of "nature – man – society – individual" from the point of view of the anthroposocioecological approach. The main part of the article formulates the prerequisites and essence of the anthroposocioecological approach in the context of modern challenges and examines the philosophical and ethical component of the anthroposocioecological approach. At the same time, the authors single out the anthroposocioetic component, placing in the center an ethical problem that goes beyond the boundaries of ethics proper as a philosophical science, and which in modern knowledge falls into a broad ideological field and practice-oriented actions. The essence of the anthroposocioecological approach in modern philosophy is characterized by ideological and ethical universals, including universal life values. The relevance of the anthroposocioecological approach is due to the significance of such a supreme macroethical universal as human dignity, starting from the virtue of feeling one's own subjective psychologically experienced dignity to the conscious recognition of state-national and universal dignity in the new multipolar world order. In the light of the latest innovations in computer technology, the authors pay attention to the problems of power, responsibility and dignity in a multipolar world, which, according to the authors, are associated with an anthroposocioecological philosophical and prognostic approach, given the powerful technological progress and the "clash" of technogenic and traditionalist civilizations. The authors express the hope that an anthroposocioecological philosophical approach based on value universals in the future will take place in the analysis of Russian, Asian and European positive experience in the formation of a new type of intercultural interaction. Among the practical goals of the anthroposocioecological approach, it is important to cooperate at different levels of corporations, global communities based on ideological and ethical universals. At the end of the article, it is argued that the anthroposocioecological approach, due to a new stage of civilizational development, rethinking human dignity in a multipolar world, is an urgent problem in modern philosophical anthropology and philosophy of civilizational processes.

Key words: philosophical anthropology, anthroposocioecological approach, civilization and culture, values, ethics, responsibility, dignity, power, multipolar world.

Cite as: Kolomiets, G. G., Parusimova, Ya. V. (2023) [On the relevance of anthroposocioecological approach in philosophical anthropology and philosophy of civilizational processes]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 64–72, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-64>.

Введение

Современное мировое сообщество в условиях многополярного мира, предполагающего суверенность как личности, так и государства, озабочено факторами возможного развития самодостаточных структур, определяющих будущее человечества. Согласно определению В. С. Стёпина, понятие «цивилизация» представляет собой целостный социальный организм с определённым типом культуры как системы исторически развивающихся программ человеческой деятельности, поведения и общения [10], что, на наш взгляд, и определяет антропосоциоэкологический путь цивилизационно-культурного развития. Несмотря на то, что техногенная цивилизация в своем развитии добилась высоких достижений, она обнаружила особенно в наше время обострение глобальных кризисов, в частности, таких двух основных, как экологический и антропологический. Экологический требует пересмотреть отношение человека к природе, понимая ценность биосферы как живого организма и человека, включенного в глобальную экосистему. Антропологический, тесно связанный с экологическим, обусловлен освоением конвергентных технологий [11].

Тенденция к игровой ситуации «смешанности» органического и неорганического в нашем эстетическом сознании находит выражение в паракатегориях неклассической эстетики и образах искусства, созданных с помощью компьютерных технологий.

Стёпин указал на системообразующее ядро культуры, которое представлено такими мировоззренческими универсалиями, как «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть» [11, с.185]. Новые стратегии в идеале должны бы пойти по пути переосмысления типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации, которое является первым шагом на пути к новому, третьему типу цивилизационного развития по отношению к традиционалистскому и техногенному, как стало ясно, в изменяющихся условиях многополярного мира. Однако западная идеология сформулировала так называемую программу «трансгуманизма», предполагающую генетическую и кибернетическую трансформацию человека, что может «привести к принципиально новому типу мыслящих существ, стоящих на высшей ступени эволюции по сравнению с человеком» [11, с.187]. Полагаем,

что опасность двух основных кризисов вынуждает современную философскую мысль переосмысливать концепт «природа – человек – социум – индивид» в культурных и транскультурных диалогах и рассмотреть возможность антропосоциоэкологического подхода в современной философии.

Основная часть

1. Предпосылки и сущность антропосоциоэкологического подхода в контексте вызовов современного мира

Антропосоциоэкологический философский взгляд, который мы предлагаем, рассматривает проблематику процесса цивилизационно-культурного развития в условиях многополярного мира и выявляет особенности ряда антропосоциоэкологических составляющих, среди которых наиболее значима, на наш взгляд, антропосоциоэтическая составляющая действий человека. Антропосоциоэтическая компонента, необходимая для жизненного существования, недооценивается. Опасность в непредсказуемых действиях человека состоит в том, что человек, творчески преобразовывающий природу в историческом процессе, создавая разрастающуюся, по словам Стёпина, «неорганическое тело цивилизации» [10, с. 19], снижает значимость универсальных этических ценностей, осмысленных философами с древности, как принципа «добродетелей» или как принципа «золотого правила нравственности». С точки зрения философской антропологии, как мы наблюдаем, универсализм этики, опирающийся на фундаментальные космологические, трансцендентные представления в философском, мифологическом и религиозном мышлении становятся неудобными в экономическом пространстве общества потребления. На наш взгляд, закономерностью является тот факт, что человек как феномен пытается «ультрагуманизировать» самого человека желанием обрести если не телесное бессмертие, то, по крайней мере, продолговатую жизнь, что возможно посредством вставания «неорганического тела цивилизации» не только вширь, но и вглубь, т.е. внедрение в организм искусственных изобретений и супертехнологий, трансформирующих саму биологическую человеческую структуру.

Сущность антропосоциоэкологического подхода в современной философии характеризуют мировоззренческие и этические универсалии, которые сохраняют человека как вида. В поисках жизненно важных философско-ценностных универсалий для сравнения представим новую переоценку ценностей на примере А. Голдмана в книге «Жизненные ценности: удовольствие, счастье, благополучие и смысл» [16, с. 192]. Следуя практическому утилитаризму, он утверждает, что только благополучие является всеохватывающей категорией субъективно-личностной ценности, а сама ценность сводит-

ся к удовлетворению глубоких рациональных желаний. Как показывает «жизненная картина мира» последних лет, также проблематично представлено руководство «десятью европейскими ценностями», предложенное М. Эмерсоном, среди которых: демократия и права человека, свободы рынка, партнёрство, неприятие национализма и другие, воспринимаются утопиями, а указанный принцип «изменение границ в эволюционном развитии Евросоюза» напрягает мировое сообщество [13; 5]. На ценности-ориентиры в связи с «нелинейным» развитием мирового сообщества указывал Э. Агацци: «Истинный прогноз относится к событиям будущего, которые не имеют прецедентов в прошлом и которые, по нашему мнению, могут либо с большой вероятностью произойти спонтанно, либо стать результатом наших более или менее успешных действий... Теоретически доказано, что, когда мы действуем исходя из комплексной природы реальности, наши поступки влияют на всю систему, и мы не сможем узнать, в какой степени это предопределяет неожиданные изменения в системе и какой вклад будет внесен в возникновение непредсказуемых ситуаций...» [1, с. 33]. Э. Агацци выявляет в философии науки особое направление «аксиология науки», подчёркивая ответственную научно-техническую деятельность, когда ценности, цели и средства вдохновляют на достойные действия человека [2, с. 49]. Значит, обеспечивают прогноз будущего такие ценности-ориентиры, как благоразумие, толерантность, ненасилие, и особенно ответственность, согласно Агацци, а по сути, в них заключены коренные античные добродетели, переосмысленные в контексте техногенной цивилизации.

Нам импонируют высказывания философа Н. В. Мотрошиловой, призывающей обратиться к универсальным жизненным ценностям. Философ выдвигает тезис ценностей цивилизационного разума в контексте обновления универсальных ценностей. Так, она пишет: «В ценностном отношении задача, видимо, состоит также в том, к чему призывал Кант, и смысла, значимости чего так и не могут понять прагматические теоретики и практики: ценности человеческой жизни, гуманизма, разума, здравого смысла, права, свободы должны отстаиваться в бескомпромиссной, именно всеобщей форме, без всяких уступок релятивизирующим соображениям, каковы бы они ни были (все равно, апеллируют ли здесь к своеобразию религий, культур, исторических обстоятельств и т.д.)» [9, с. 45].

Выступая с критикой рационалистических утопий эпохи Нового времени, Н. В. Мотрошилова размышляет о возможности или невозможности нового утопического проекта мирового гражданского общества при условии, «если бы его представители, носители заключили бы, закрепили бы и в юридических, и в ценностно-моральных до-

кументах целую сумму общественных договоров, обязывающих власти разных стран не только провозглашать общечеловеческие ценности, а действительно придерживаться их» [9, с. 47]. Однако здесь встает другая, а именно проблема власти, которая на наш взгляд сопряжена с антропосоциоэкологическим философским подходом.

Вернёмся в этой связи к мысли В. С. Стёпина о культурно-смысловом концепте «власть» как контролирующей системе и смыслах этого концепта, определяющего «общественно-политический климат» современных обществ. Как пишет Стёпин, если во второй половине XX в. внимание властных структур было сосредоточено на контроле за социальными институтами, их модернизацией и функционированием и предполагало обратную связь системы «общество – власть», то в конце XX – начале XXI вв. вскрылась сила новых технологий, нацеленных на обработку массового сознания и возможность «информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка» [11, с. 188]. Европейские и американские философы, социологи и политологи указывают на силу власти, стремящейся править всем миром глобальных процессов, расширяя свою власть пространственной организации социальных отношений [12, с. 19], по сути, конструируя однополярный мир. Заметим, что философия универсальных ценностей не ставила остро вопрос о концепте власти применительно к новой ситуации в поисках утверждающих мотивов новых ценностей. Стёпин выразил надежду на то, что «проблематизация фундаментальных смыслов концепта «власть», определявших техногенный тип цивилизационного развития, также может быть расценена как своего рода индикатор начавшейся трансформации ценностей техногенной культуры» [11, с. 188]. Вместе с тем, авторы одного из последних изданий при поддержке Российского научного фонда, не соглашаясь с отрицательным отношением Р. Дарендорфа к философским понятиям власти и класса и критикуя Н. Лумана, который трактует власть как символически «генерализованное коммуникативное средство» [3, с. 60], указывают на жизненность этих понятий, ставших предметом раздора в западных странах с усилением «национального протекционизма и санкций» и других негативных тенденций, снижающих объективный характер власти. Современную проблему власти авторы видят в «набирающей силу цифровизации подчинения», когда становится очевидным, что движение в сторону «объективации субъектного подчинения влечет за собой обобществление подчинения, что ускорит процесс эмансипации лично-

сти и общества от товарно-денежной зависимости и бессубъектного подчинения» [3, с. 64].

Отметим, что в мировой управленческой литературе еще с середины XX века с точки зрения философского знания активно обсуждалась проблема корпоративной социальной ответственности, которая в нашей трактовке приобретает антропосоциоэкологическую значимость. Начиная с 2000-х гг., тема корпоративной социальной ответственности (далее сокращенно КСО) стала ведущей и для российских деловых изданий и бизнес-форумов. Так, например, разрабатывались концепты: «социальная ответственность бизнеса», «корпоративная социальная ответственность», «корпоративная социальная восприимчивость», «корпоративная социальная деятельность», «корпоративная социальная добросовестность» и т.д. Именно концепт «корпоративная социальная ответственность» стал ядром для последующих глобальных теорий конца XX-начала XXI в., к примеру, таких, как «этика бизнеса», «устойчивое развитие», «корпоративное гражданство».

В рамках стратегии устойчивого развития такие черты, как эффективное корпоративное управление, высокая репутация компании, активное участие в социальных программах становятся важнейшими характеристиками социально ответственного бизнеса. Очевидно, что бизнес как социальный институт несет некую ответственность перед обществом. Открытыми остаются вопросы о степени и характере этой ответственности, о её субъектах и объектах. Одни специалисты воспринимают социально ответственное поведение лишь в экономическом или юридическом контексте (М. Фридман, Т. Левитт), другие – в этическом смысле, как философию взаимодействия предпринимателей и общественности (М. Палацци, Дж. Статчер).

В классической концепции А. Кэрролла КСО представляется многоуровневой пирамидой, в основе которой лежит экономическая ответственность, как базовая функция компании на рынке. Фирма, выпускающая качественную продукцию, выплачивающая налоги и приносящая прибыль акционерам, уже социально ответственна. Далее следует правовая ответственность, т.е. законопослушность бизнеса, этическая ответственность, как соблюдение норм морали и филантропическая (дискреционная) ответственность, которая заключается в добровольном участии в реализации социальных программ [7]. В публикации 2016 г. А. Б. Кэрролл усиливает значение этической ответственности, отмечая, что «хотя этическая ответственность представлена в пирамиде как отдельная категория КСО, ее также следует рассматривать как фактор, который пронизывает и насыщает всю пирамиду» [14]. Так, экономическая ответственность связана с категорией справедливости, как ожидания при-

были от инвестиций; юридическая ответственность есть «кодифицированная этика», т.к. большинство законов продиктованы этической ценностью безопасности; филантропическая деятельность, альтруистическая по своей сути, также этически мотивирована. Таким образом, этическая проблематика, по выражению А. Б. Кэрролла, играет жизненно важную роль во всей КСО.

С точки зрения антропосоциоэкологического подхода, отметим, что с КСО тесно связана концепция «тройного критерия», согласно которой деятельность современных компаний должна учитывать помимо финансовых показателей также социальные и экологические показатели [15]. Главными ценностями становятся: Планета, Люди, Прибыль. Объектами социальной ответственности бизнеса являются сотрудники, партнёры, потребители, а также государство, регион («территорией» ведения бизнеса), природа. Как видим, бизнес, ориентированный на прибыль, учитывая социальные и экологические показатели, не может обойти вниманием антропологическую философию, в частности, интересующего нас антропосоциоэкологического аспекта.

Разброс мнений, основанных на свободном философствовании, существует в вопросе субъектов социальной ответственности: только крупный бизнес или все участники, только руководящий аппарат или каждый человек в рамках своей деятельности. А это, как видим, неопределенность проблемы «власть и классы», обозначенной нами в тексте выше.

В последнее время значимыми становятся трактовки КСО, связывающие её с понятиями морали, долга, духовности, ценностей. Корпоративная социальная ответственность предполагает добровольную деятельность компании, зачастую превосходящую установленные законодательством нормативы, ответственность в её деонтологическом значении, а именно обязанность бизнеса служить обществу, отвечая его ожиданиям.

2. Философско-этическая компонента антропосоциоэкологического подхода

В последнее время в тесной связи с политическими глобальными проблемами, выдвигается проблема «информационной глобализации», трактуемая нами в условиях современного многополярного мира как антропосоциоэкологическая. Научно-практические технологии веками вторгались в традиционно устроенные общества, в результате развитые техногенные общества в той или иной степени колонизировали или пытаются колонизировать, подчинить себе общества с более устойчивой традицией. Тем не менее, мы должны признать, что сложившиеся в истории человечества два типа цивилизационного развития – традиционалистский

и техногенный – имеют общее смысловое «ядро», включающее базовые ценности, среди которых, ключевой ценностью являются жизнь, человек, природа (экология). В частности, такой крупный Южно-Уральский регион как Оренбургская область занимает большую территорию между Казахстаном и Башкирией, Поволжьем и Сибирью, знаменит техногенными разработками, обеспечивающими жизнедеятельность многих регионов, поэтому наша философская мысль обращает повышенное внимание к антропосоциоэкологическому аспекту. В возможностях межкультурного диалога социокультурная триада «деятельность-поведение-общение» требует высокого самосознания и самоорганизации, а в философском знании продвижение идеи человеческого достоинства, поскольку «Идеал творческой, суверенной, автономной личности занимает одно из приоритетных мест в системе ценностей техногенной цивилизации» [10, с. 89].

Современная техногенная цивилизация XXI века, которая погружает человека в цифровизацию, изменяет представление о человеке как производителе товаров потребления, обнаруживая ценность достоинства человека, которая заключается в осознании человечеством долга и ответственности за существование многополярного мира, в утверждении достойного, высокого уровня жизни благодаря разумной, творческой, созидательной деятельности [5].

При этом деятельность человека, взаимодействующего с природой, живой и неживой материей, должна предполагать антрополого-аксиологическое знание, включающее проблемы этики и эстетики, искусства и науки, образования и политики, переосмысливая условия жизненной человеческой среды и достижений техногенной цивилизации [6, с. 510]. Распространенные виды прикладной или профессиональной этики без опоры на базовую классическую этику не дают решения философской антропосоциоэкологической проблемы.

Философский ответ на вызовы современного мира возможен с помощью антропосоциоэкологического подхода, опирающегося на ценностные универсалии и понятие «достоинства», как мы полагаем, в перспективе будет иметь место при анализе российского, азиатского и европейского позитивного опыта в становлении нового типа межкультурного взаимодействия. Драматическая ситуация гонки вооружений в последнее столетие снижает с точки зрения антропосоциоэкологической сущности ответственное отношение человека к природе, человека и цифровых технологий, действие социальных институтов.

Российские гуманисты указывают на необходимость новой переоценки ценностей, а именно: поворот от ценностей общества потребления к традиционным национально-этническим, а также на-

ционально-государственным ценностям. При этом заметим, что с древности сложились так называемые наднациональные всеобщие ценности жизни, здоровья, обеспечения, ценности нравственных добродетелей, среди которых благочестие, мудрость, мужество, дружба, справедливость, наконец, «золотое правило нравственности» как истина духовно-практической жизни, сложившаяся с древности и закрепившаяся в поговорках: «как ты относишься к людям, так и они будут относиться к тебе», или «чего не желаешь себе, не делай того другим», др. «Золотое правило», по словам А. А. Гусейнова «в свёрнутом виде содержит этическую стратегию поведения», которая в своей родоплеменной основе «держится на двух фундаментальных принципах: а) изначальном, безусловном разделении людей на «своих» и чужих; б) коллективной ответственности индивидов в пределах родовой общности». В своей нравственной перспективе эти два принципа «золотого правила» радикальным образом преобразились: а) «нравственное равенство людей независимо от их групповой принадлежности» и б) «принцип индивидуальной ответственности поведения» [4, с. 657]. Это произошло с пониманием деятельной силы человека, его свободы, проблемы человека как такового, с осознанием того, что у человека помимо человеческой природной сущности есть социокультурная вторая природа, которая и ведет не только к разрастанию «неорганического тела» цивилизации, но и, как мы отметили в начале, органико-неорганической смешанности.

В современной действительности на возрастающую роль переоценки свободы и достоинства человека, обязанного принимать правильные антропосоциоэкологические ответственные решения, указывают процессы многополярного мира, которые сопровождаются поисками новой национально-культурной идентичности, поиском места и смысла своей гражданско-национальной жизнедеятельности в свете ценностей современной российской действительности. Целью философско-воспитательного действия в современной России выступает критическое исследование европейского опыта по проблеме прав и достоинства человека на основе этической, социально-антропологической теории и практики. Для достижения понимания антропосоциоэкологической сущности достойного поведения, выбора поступков в профессиональной деятельности опорой является философское антропологическое знание, обусловленное аксиологическим подходом в условиях трансформации техногенной цивилизации и качественного изменения образа жизни.

Среди молодежи следует, на наш взгляд, поднимать значение философской антропосоциоэкологической мысли в контексте социокультурной значимости достоинства человека, носителя тра-

диционных и всечеловеческих ценностей ответственного жизнеобеспечения. К ценностям, удовлетворяющим достоинство российского человека, относятся деятельность, преумножающая блага, участие в общественной жизни, здоровье и демография, образование, мобильность в ориентации цифровой информации. Для успешного деятельностного и воспитательного процесса должны быть определены актуальные антропологические и социальные условия, эколого-техногенные потребности и в свете современности прожитые и переживаемые традиционные универсальные ценности жизни и культуры.

Философское знание, оснащенное рациональным, аксиологическим подходом в антропосоциоэкологической методологии в условиях трансформации техногенной цивилизации и многополярного мира, учитывая значимость философии науки и построений «картин мира», следует за призывом вернуться к «жизненному миру» Ю. Хабермаса. Вслед за этой программой В. В. Мионов вызывает к новой «метафизике», рефлексировавшей над предельными основаниями бытия, актуализируя при этом смысловую коммуникацию субъектного «жизненного мира» [8, с. 278]. Современное понимание достоинства человека является сложным понятием, интегрирующим философскую антропологию, социологию, этику и этос как таковой. Оно восходит к представлению о человеке в единстве природно-биологического, социально-культурного и духовного начал.

Заключение

Используя антропо-аксиологический подход, мы в свое время выделили понятие человеческого достоинства и показали, что человеческое достоинство имеет более глубокую сущность, чем чаще представлялось как чувство собственного достоинства, психологически переживаемое, обратив внимание на другой ракурс достоинства человека как наднациональной, транскультурной, абсолютной общечеловеческой ценности. Мы полагали ранее, что «философская рефлексия обращена к повороту от либеральных ценностей общества потребления к наднациональным всечеловеческим ценностям, обусловленным заданным этико-эстетическим, морально-регулятивным сознанием» [6, с. 510], что внедряющаяся символическая идеология «однополярного мира» указывает на необходимость переосмыслить усиливающиеся процессы одностороннего международного порядка и права, детерминируя обращение по восходящему вектору диалектического развития к абсолютным ценностям» [6, с. 517]. Теперь же ввиду обнаженности резких «сдвигов двух тектонических плит» цивилизаций традиционалистской и техногенной, отказ от идей глобализации, трактуемой часто политиками как американ-

ское доминирование над миром, мы признаём, что в достойном существовании достойного человека, как бы не возвышал себя человек, начиная с эпохи Возрождения, неизменным принципом в изменяющемся мире остаётся отношение к природе и природно-духовной первоначальной сущности человека в разных философских смыслах и подходах.

Таким образом, резюмируя, мы утверждаем актуальность антропосоциоэкологической философской мысли в современной философской антропологии и философии цивилизационных процессов, ставя в центр определяющий специфический антропосоциоэкологический подход, несмотря на новые поиски «переоценки ценностей», что на наш взгляд, как это не покажется парадоксальным, возвещает о необходимости возвращения к устойчивым жизненным универсалиям, возвышая общечеловеческую категорию «человеческое достоин-

ство», метафизику истины, добра, красоты в условиях нового этапа цивилизационного развития многополярного мира. В теоретическом значении антропосоциоэкологический подход помогает нам развивать антропологические идеи в связи с такими смежными дисциплинами как эстетика, этика, социальная и политическая философия, история философии. Среди практических целей антропосоциоэкологического подхода важно сотрудничество разного уровня всемирных сообществ, корпораций, на основе достоинства человека, аккумулируя опыт наиболее удачных решений и действий антропологических и социальных положений, выделяющих антропо-социальный и жизненно важный экологический срез, включающих философско-научный, этический, эстетический аспекты, сложившихся в истории философии как единство истины, добра и красоты.

Литература

1. Агацци Э. Загадки предсказуемости // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения, 22–24 мая 2019 г. – СПб.: СПбГУП, 2019. – С. 31–34.
2. Агацци Э. Переосмысление философии науки сегодня // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 40–52. – EDN: JVTYLZ.
3. Газимагомедов Г. Г., Стребков А. И. Возвращение к старым, но всё ещё сохраняющим важность категориям: власть и класс. // Философия истории философии: сб. научных статей / отв. ред. С. И. Дудник, А. А. Кротов, В. В. Миронов, И. Д. Осипов. – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. – С. 40–65. – EDN: AMSFNJ.
4. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. – СПб.: СПбГУП, 2012. – С. 652–672.
5. Коломиец Г. Г. Антропологическая сущность должностного, ответственности, свободы и достоинства в глобальных переменах транзитивности общества // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Оренбург. гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ, 2019. – С. 767–774. – URL: <https://sci-conference.osu.ru/archive/publications.html> (дата обращения: 04.01.2023).
6. Коломиец Г. Г., Парусимова Я. В., Колесникова И. В. Философия человеческого достоинства в проблемном поле глобального мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2019. – Т. 23. – № 4. – С. 508–520, <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-4-508-520>. – EDN: AMCUVO.
7. Кэрролл А. Б. Пирамида корпоративной социальной ответственности: к моральному управлению заинтересованными сторонами организации. // Горизонты бизнеса. – 1991. – № 4. – С. 39–48.
8. Миронов В. В. «Жизненный мир» как характеристика философского восприятия у Ю. Хабермаса. // Философия истории философии: сб. научных статей / отв. ред. С. И. Дудник, А. А. Кротов, В. В. Миронов, И. Д. Осипов. – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. – С. 275–283. EDN: RZKLVH
9. Мотрошилова Н. В. Глобализация и критическое обновление универсальных ценностей разума, просвещения и общественного договора // Мораль и универсальность = MORALITY AND UNIVERSALITY: сборник научных статей / Рос. Акад. наук, Институт философии; под ред. Р. Г. Апресяна¹. – Москва: Гуманитарий, 2018. – Вып. 1. – 2018. – С. 16–50. – EDN: POANNY.
10. Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 408 с.
11. Стёпин В. С. XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. – СПб.: СПбГУП, 2017. – С. 185–188.
12. Хэлл Д. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура; пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004. – 576 с.

¹ Апресян Рубен Грантович признан иностранным агентом, решением Минюста России от 9 декабря 2022 года

13. Эмерсон М. Экзистенциальная дилемма Европы // Вестник Европы. – 2005. – № 15. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/eme6.html> (дата обращения: 10.12.2022).
14. Carroll A. B. Carroll's pyramid of CSR: taking another look. (2016) *International Journal of Corporate Social Responsibility*. No 3. URL: <https://jcsr.springeropen.com/articles/10.1186/s40991-016-0004-6>, <https://doi.org/10.1186/s40991-016-0004-6> (In Eng.).
15. Elkington J. Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development. (1994) *California Management Review*. Vol. 36, pp. 90–100, <http://dx.doi.org/10.2307/41165746> (In Eng.).
16. Goldman A. H. Life's Values: Pleasure, Happiness, Well-Being, and Meaning. (2018), *Oxford University Press*, 186 p. (In Eng.).

References

1. Agazzi, E. (2019) [The Riddles of Predictability]. *Mirovye razvitiye: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti: XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [World Development: Problems of Predictability and Manageability: XIX International Likhachev Scientific Readings]. SPB.: SPbGUP, pp. 31–34. (In Russ.).
2. Agazzi, E. (2009) [Rethinking the philosophy of science today]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. Vol. 1. – pp. 40–52. (In Russ.).
3. Gazimagomedov, G. G., Strebkov, A. I. (2020) [Return to the old, but still important categories: power and class]. *Filosofiya istorii filosofii* [Philosophy of the history of philosophy: Sat. scientific articles], pp. 40–65. (In Russ.).
4. Huseynov, A. A. (2012) [The golden rule of morality]. *Stat'i, doklady, leksii, interv'y u «Filosofiya – mysl' i postupok»* [Philosophy - thought and deed: articles, reports, lectures, interviews.] SPB.: SpbGUP, pp. 652–672. (In Russ.).
5. Kolomiets, G. G. (2019) [Anthropological Essence of Duty, Responsibility, Freedom and Dignity in Global Changes in the Transitivity of Society]. *Sotsial'no-gumanitarnye innovatsii: strategii fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Social and Humanitarian Innovations: Strategies for Fundamental and Applied Scientific Research: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Orenburg: OSU, pp. 767–774. (In Russ.).
6. Kolomiets, G. G., Parusimova, Ya. V., Kolesnikova, I. V. (2019) [Philosophy of human dignity in the problem field of the global world]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy]. Vol. 23, – No. 4, – pp. 508–520. (In Russ.).
7. Carroll, B. (1991) [The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders]. *Biznes gorizonty* [Business Horizons]. Vol. 34, – Is. 4, – pp. 39–48, [https://doi.org/10.1016/0007-6813\(91\)90005-G](https://doi.org/10.1016/0007-6813(91)90005-G). (In Russ.).
8. Mironov, V. V. (2020) [“Lifeworld” as a characteristic of philosophical perception]. *Filosofiya istorii filosofii* [Philosophy of the history of philosophy: Sat. scientific articles], pp. 275–283. (In Russ.).
9. Motroshilova, N. V. (2018) [Globalization and critical renewal of the universal values of reason, enlightenment and the social contract]. *Moral' i universal'nost' = MORALITY AND UNIVERSALITY* [Morality and universality = MORALITY AND UNIVERSALITY: collection of scientific articles], pp. 16–50. (In Russ.).
10. Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. SPb.: SPbGUP, 408 p.
11. Stepin, V. S. (2017) [The 21st century is a radical transformation of the type of civilizational development]. *Global'nyi mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya* [Global world: systemic shifts, challenges and contours of the future: XVII International Likhachev Scientific Readings]. St. Petersburg: SPbGUP, pp. 185–188. (In Russ.).
12. Held, D. (2004) *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformations: Politics, Economics, Culture]. Moscow: Praxis, 576 p.
13. Emerson, M. (2005) [Existential dilemma Europe's]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. Vol. 15. Available at: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2005/15/eme6.html> (accessed: 10.12.2022). (In Russ.).
14. Carroll, A. B. (2016) Carroll's pyramid of CSR: taking another look. *International Journal of Corporate Social Responsibility*. Vol. 3. Available at: <https://jcsr.springeropen.com/articles/10.1186/s40991-016-0004-6>, <https://doi.org/10.1186/s40991-016-0004-6> (In Eng.).
15. Elkington, J. (1994) Towards the Sustainable Corporation: Win-Win-Win Business Strategies for Sustainable Development. *California Management Review*. Vol. 36, – pp. 90–100, <http://dx.doi.org/10.2307/41165746> (In Eng.).
16. Goldman, A. H. (2018) Life's Values: Pleasure, Happiness, Well-Being, and Meaning. *Oxford University Press*, 186 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Галина Григорьевна Коломиец, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Яна Викторовна Парусимова, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Вклад соавторов:

Коломиец Г. Г. – проблема реализации и необходимости антропосоциоэкологического подхода, обусловленного новым этапом цивилизационного развития, в современной философской антропологии, а также в этике, эстетике, социальной и политической философии, основанное на авторской концепции понимания человеческого достоинства как макроэтической категории.

Парусимова Я. В. – значимость антропосоциоэкологического подхода в решении проблемы корпоративной социальной ответственности в рамках концепции устойчивого мирового развития.

Статья поступила в редакцию: 09.01.2023; принята в печать: 08.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Galina Grigorievna Kolomiets, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Yana Viktorovna Parusimova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: yanaparusimova@mail.ru

Contribution of the authors:

Kolomiets G.G. – The problem of the implementation and necessity of the anthroposocioecological approach, due to a new stage of civilizational development, in modern philosophical anthropology, as well as in ethics, aesthetics, social and political philosophy, based on the author's concept of understanding human dignity as a macroethical category.

Parusimova Ya. V. – The importance of the anthroposocioecological approach in solving the problem of corporate social responsibility within the framework of the concept of sustainable world development.

The paper was submitted: 09.01.2023.

Accepted for publication: 08.02.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭКОЛОГИЯ КАРЛА МАРКСА: ТОТАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕТАБОЛИЗМА

П. Н. Кондрашов

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: pnk060776@gmail.com

Аннотация. Целью предлагаемой статьи является попытка концептуальной реконструкции марксова учения о социальном метаболизме. Автор показывает, что всякое живое существо существует за счёт обмена веществ между собой и природой (универсальный метаболизм природы). Специфически человеческой родовой формой такого метаболизма является праксис – предметная сознательная преобразующая деятельность (социальный метаболизм), базовой формой которого выступает труд как обмен между человеком/обществом и природой, опосредованный производством, техникой и технологиями.

Критикуя узко-экологические, экономические и сугубо производственные интерпретации понятия социального метаболизма, редуцируемого у современных экологических марксистов (П. Буркетт, Б. Кларк, И. Мессарош, Дж. Мур, К. Ройл, К. Сайто, Дж.Б. Фостер) большей частью к различным аспектам вещественно-энергетического обмена между человеком (обществом) и природой, автор доказывает, что для К. Маркса такая форма социального метаболизма является фундаментальной для существования человеческого общества, но не единственной.

Автор, опираясь на весь корпус текстов К. Маркса и используя методы текстологического анализа, реконструкции и экстраполяции, показывает, что в процессе развёртывания трудового метаболизма формируются специфические социально-антропогенные «миры» – мир природы, втянутой в сферу человеческой деятельности; мир совместной деятельности как мир общественных отношений и межличностного общения; мир материальной и духовной культуры; внутренний мир индивида. В каждом из этих «миров» люди осуществляют те или иные видовые модификации родового праксиса – материальное производство, социальную деятельность по воспроизводству культуры, социальную и межличностную коммуникацию, экзистенциальные отношения к миру. Каждая из этих форм праксиса представляет собой конкретные разновидности социального метаболизма, в рамках которых осуществляются такие виды обмена, как обмен между человеком и природой (труд, материальное производство), обмен деятельностью между социальными группами в объективных общественных отношениях, обмен эмоциями, симпатиями/антипатиями, знаниями, традициями и т. д. в межличностной коммуникации и процессах социализации.

Из этого анализа делается вывод, что социальный метаболизм тотально пронизывает все уровни и структуры социального и индивидуального бытия, связывая их в органическую целостность – социальный универсум. В силу этого в концепции Маркса имеет место тотализация социального универсума. Это радикально отличает экологию К. Маркса от всех иных форм экологии, так как представляет собой не учение о взаимодействии общества с природой (ecology) и не призывы к охране окружающей среды (environmental studies), а общее социально-праксиологическое учение о мире (внутренне связанном социальным метаболизмом), в котором существует человек и общество.

Актуальность исследования состоит в том, что некоторые реконструированные экологические идеи К. Маркса позволяют увидеть, что социально-метаболические процессы протекают не только между человеком и природой, а охватывают, пронизывают все структуры и уровни социального универсума. Поэтому современные экологические проблемы можно решить только комплексно, системно, тотально: начиная с защиты окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и сберегающего производства и заканчивая устойчивыми общественными отношениями и тем, что академик Д. С. Лихачёв назвал экологией культуры.

Ключевые слова: экология К. Маркса, социальный метаболизм, праксис, труд, общественные и межличностные отношения, коммуникация, отношения к миру, тотализация, социальный универсум.

Для цитирования: Кондрашов П. Н. Экология Карла Маркса: тотализация социального метаболизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 73–83, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-73>.

KARL MARX' ECOLOGY: TOTALIZATION OF SOCIAL METABOLISM

P. N. Kondrashov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: pnk060776@gmail.com

Abstract. *The purpose of this article is to attempt a conceptual reconstruction of Marx's theory of social metabolism. The author shows that every living being exists due to the exchange of substances between itself and nature (the universal metabolism of nature). A specific human generic form of such metabolism is praxis that is, conscious transformative activity (social metabolism), the basic form of which is labor as an exchange between man/society and nature, mediated by production, technique and technology.*

Criticizing narrowly ecological, economic and purely industrial interpretations of the concept of social metabolism, reduced by modern ecological Marxists (P. Burkett, B. Clark, I. Mészáros, J. Moore, C. Royle, K. Saito, J. B. Foster) mostly to various aspects of the material-energy exchange between man (society) and nature, the author proves that K. Marx this form of social metabolism is fundamental for the existence of human society, but not the only one.

The author, relying on the entire corpus of texts by K. Marx, and using the methods of textual analysis, reconstruction and extrapolation, shows that in the process of unfolding labor metabolism, specific socio-anthropogenic "worlds" are formed, namely the world of nature, drawn into the sphere of human activity; the world of joint activity as the world of public relations and interpersonal communication; the world of material and spiritual culture; the inner world of the individual. In each of these "worlds" people carry out certain specific modifications of the generic praxis – material production, social activities for the reproduction of culture, social and interpersonal communication, and existential relations to the world. Each of these forms of praxis represents specific varieties of social metabolism within which such types of exchange are carried out as the exchange between man and nature (labor, material production), the exchange of activities between social groups in objective social relations, the exchange of emotions, likes / dislikes, knowledge, traditions, etc. in interpersonal communication and socialization processes.

From this analysis, it is concluded that social metabolism totally permeates all levels and structures of social and individual existence, linking them into an organic integrity – the social universe. Because of this, in the concept of Marx there is a totalization of the social universe. This radically distinguishes the ecology of K. Marx from all other forms of ecology, since it is not a doctrine of the interaction of society with nature (ecology) and not calls for environmental protection (environmental studies), but a general socio-praxeological doctrine of the world (internally connected social metabolism) in which man and society exist.

The relevance of the study lies in the fact that some of the reconstructed ecological ideas of K. Marx allow us to see that socio-metabolic processes occur not only between man and nature, but cover and permeate all structures and levels of the social universe. Therefore, modern environmental problems can only be solved in a comprehensive, systematic, total way: starting with environmental protection, rational use of natural resources and saving production and ending with sustainable social relations and what academician Dmitry Likhachev called the ecology of culture.

Key words: *ecology of K. Marx, social metabolism, praxis, labor, social and interpersonal relations, communication, attitudes towards the world, totalization, social universe.*

Cite as: Kondrashov, P. N. (2023) [Karl Marx' ecology: totalization of social metabolism]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 73–83, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-73>.

Введение

В конце XX–XXI вв. в связи с глобальными экологическими вызовами и на фоне общего возрождения интереса к Карлу Марксу появился ряд фундаментальных работ по анализу его экологии [17; 19; 21; 23; 24; 29; 34; 35], а в декабре 2019 г. в рамках второго международного издания полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала – *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA²) – были опубликованы его «Экологические тетради» (1864–1872) [26], которые позволили совершенно в новом свете взглянуть на всё его теоретическое наследие, увидеть, как выразился М. Мусто, «другого Маркса» [30].

Однако следует заметить, что в работах зарубежных марксоведов, посвящённых исследованию марксовых экологических идей, имеет место своеобразная одномерность: почти все экомарксисты редуцируют эти идеи либо к узко экологической проблематике (как в смысле *ecology*, так и в смысле *environmental studies*), либо к экономическим идеям Маркса. При этом данные интерпретации становятся основой многих экологических программ, осуществляемых эоактивистами от лица социалистических и коммунистических организаций. По экомарксистской тематике издаётся множество научной литературы (в основном в США, Японии, Великобритании, Канаде, Италии, Герма-

нии, Китае, ЮАР, Австралии, некоторых странах Латинской Америки). Два серьёзных журнала посвятили свои страницы экомарксистским (*Monthly Review*) и экосоциалистическим (*Capitalism Nature Socialism*) исследованиям.

На фоне этого (пусть и экологически и экономически одномерного) марксистского бума в зарубежном марксведении поражает почти полное отсутствие этой проблематики в исследованиях российских марксистов, хотя собственно экологическая проблематика в отечественных (и советских, и современных) работах по различным аспектам марксовской теории всегда присутствовала, но никогда не становилась предметом отдельного научного анализа. Из самых последних текстов на русском языке см.: [2; 4; 14].

В связи с таким положением на экомарксистском фронте в предлагаемой статье нам бы хотелось рассмотреть экологические идеи К. Маркса не в узко экологических и экономических рамках, а в более широком социально-историческом плане, что в большей степени соответствовало бы *тотализующему* (т.е. схватывающему любое социальное явление в виде когерентной историко-диалектической органической целостности со всеми многообразными, гетерогенными факторами, отношениями, процессами, структурами, обуславливающими функционирование этого явления) мышлению самого Маркса, в рамках которого невозможно, например, отделить политэкономию от социологии, учение о революции от эстетики, а последнюю – от материалистического понимания истории или учения об отчуждении.

Но поскольку экология Маркса – это многомерное и междисциплинарное концептуальное учение, то целью предлагаемой статьи является экспликация самых общих аспектов всего лишь одной, но базовой концепции – *тотализующего понимания Марксом социального метаболизма*. В силу же того, что Маркс, к сожалению, не оставил нам чётко сформулированных принципов своей экологии, то мы позволили себе ввести в марксистский социологический дискурс ряд таких неологизмов, как *социальный универсум, человеческий дом-о́ikos, социальный гомеостаз; человеческие миры (мир природы, втянутой в сферу человеческой деятельности; социальный, совмещённый мир-с-Другими; мир материальной и духовной культуры; внутренний, экзистенциальный мир)*. Большинство из этих терминов имеют в работах Маркса аналоги, но которые оказываются маргинальными в его текстах на фоне генеральной политэкономической линии исследований. И в этом смысле попытка концептуальной реконструкции экологических идей К. Маркса предполагает не только формального воспроизведения некоего «перечня» его цитат «про экологию», но и их творческую интерпретацию, и их последующее приведение в логически связную форму.

Иерархия форм метаболизма у К. Маркса

Сегодня в экологическом марксизме (шире – в экосоциализме) большинство исследователей согласны с тем, что К. Маркс при анализе взаимоотношений между человеческими обществами и большим биофизическим миром использовал диалектико-экологическую триаду, включающую в себя *универсальный метаболизм природы, социальный метаболизм и метаболический разрыв* [18, р. 651; 20]. В целом соглашаясь с такой реконструкцией базовых категорий марксовской экологии, ибо здесь схватываются существенные взаимосвязи, тем не менее, подобный «подгон» марксовской концепции в прокрустово ложе «диалектической триады» представляется нам неуместным, ибо порождает разного рода трудности методологического характера.

Во-первых, в предложенной триаде имеет место одномерность истолкования социального метаболизма у К. Маркса, связанная с тем, что метаболизм, характерный только для социальной жизни, ограничивается всего лишь тройственным отношением человечество-производство-природа, где производство представляет собой форму посредничества между человечеством и природой [27, pp. 170–177, 872–897; 28, pp. 99–119, 162–165, 195–200]. Действительно, у Маркса в «Капитале» мы находим именно такое определение социального метаболизма [5, с. 188], но оно там у него связано с анализом материального производительного труда как деятельности, направленной на созидание потребительных ценностей (*Gebrauchswert*): «реальный труд – это целесообразная деятельность, направленная на создание какой-либо потребительной стоимости, на присвоение какого-либо природного вещества способом, соответствующим определенным потребностям» [10, с. 54]. Как мы покажем ниже, в своей экологической концепции К. Маркс мыслил понятие *обмена* между человеком и окружающим его миром не только в био-производственном смысле, но уже изначально в более широком плане как *общение (Verkehr)*, индивидов в различных сферах общества [13, с. 19, 24–25, 33, 34–35, 37, 44, 166; 3] и как отношение индивидов к миру (*menschlichen Verhältnisse zur Welt*) [11, с. 591–592; 13, с. 29; 15].

Во-вторых, из этой одномерной редукции социального метаболизма у Маркса к обмену между обществом и природой в процессе производства, которое, безусловно, является базисным для любого общества [5, с. 195], но которым содержание социального метаболизма не исчерпывается, вытекает и односторонняя ориентация экомарксистов на исследования только *узко экологических* (в основном в рамках *environmental studies*), *производственных* и *экономических* сторон марксовской концепции социального метаболизма, в которых за скобки выносятся философские основания этой концепции, фундированные в *тотализующем (totalizing)* рас-

смотрении *окружающего мира* у К. Маркса.

Наконец, в-третьих, ещё одной методологической трудностью, связанной с триадой, оказывается *неисторичность* подобного схематизма. Как мы постараемся показать в следующих исследованиях, социальный метаболизм проходит в своём развитии различные исторические формы, в рамках которых феномен метаболического разрыва связывается Марксом с капиталистической формой социального метаболизма, и который в определённом смысле оказывается одним из воплощений отчуждения.

Прежде чем приступить к анализу социального метаболизма в экологической концепции К. Маркса, следует сделать одно важное историческое замечание. Дело в том, что в связи с использованием термина *метаболизм* его часто обвиняют в социологическом органицизме. Действительно, Маркс в своих работах проводит множество аналогий между человеком и животными, некоторые из которых стали уже энциклопедическими, как например, известное сравнение «самого плохого» архитектора с «самой наилучшей» пчелой [5, с. 189] и формула «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» [9, с. 42]. Помимо этого Маркс использует и другие естественнонаучные понятия: товар как *экономическая клеточка* (*die ökonomische Zellenform*) буржуазного общества; для обозначения глобальных социально-исторических эпох Маркс использует термин *геологические формации* (*geologischen Formation*), а из физиологии он взял понятие *органическое строение* (*organischen Zusammensetzung*).

Тем не менее, несмотря на некоторую *терминологическую* близость к истолкованию социального метаболизма в органицистской социологии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Геккель), Маркс противопоставляет свою концепцию как раннему органицизму, первоначальная идея, восходящая ещё к древним, материалистам XVIII в., которого состояла в том, что *общество кажется организмом*, что является просто *анalogией*, так и органицизму позитивистского толка (Г. Спенсер, П. Лилиенфельд), согласно которому *«общество есть организм, подлинно живое тело, настоящая живая система»* [31, р. 3]. Так, например, П. Лилиенфельд, перефразируя известное изречение Дж. Локка, утверждал, что *«nihil est in societate quod non prius fuerit in natura»* («в обществе нет ничего, что не было бы первым в природе»).

С другой стороны, Маркс не идёт и в том направлении, которое выберут позже классики западной социологии Э. Дюркгейм, М. Вебер, В. Парето, также порвавшие с органицизмом, но при этом заложившие основу радикального противопоставления, с одной стороны, человеческого общества, поведения, культуры, социальных норм и институтов, а с другой – природы. В самом широком смысле такое методологическое «отделение людей от

природы» Морис Блок назвал «войной природы и культуры», «пропастью между природой и культурой», радикальной противоположностью между «человеком и природой» [16, р. 77], что выражается в бинарно-оппозиционной парадигме «человек/природа», Human/Nature binary [29, pp. 285–318].

Если же мы будем смотреть на экологические идеи К. Маркса не в узких оптиках экологии окружающей среды, её охраны и экономической деятельности общества, а в перспективе *тотализующего* характера всего марксова мировоззрения, то обнаружим у него несколько различных форм (ступеней) метаболизма.

Во-первых, это *универсальный биофизический метаболизм природы*, включающий в себя процессы, протекающие на уровне всего биофизического мира как системы биогеоценозов. Во-вторых, внутри уже этого биофизического метаболизма, локализованного на планете Земля, в качестве его части, мы находим, если так можно выразиться, *конкретно-этологическую форму метаболизма*. В отличие от довольно абстрактной первой формы, эта форма обнаруживает себя в конкретных поведенческих способах жизнеобеспечения и воспроизводства того или иного вида живых организмов. Так, каждый вид живых организмов существует в мире посредством *специфической* только для него активности – вещественно-энергетического обмена между собою и природой – *метаболизма* (дыхание, питание, ассимиляция, выделение, гомеостаз, адаптация, наследственность, энергетический баланс, терморегуляция, размножение и т.д.), вне и без которого существование этого вида невозможно. Поэтому, с точки зрения Маркса, такой естественный обмен между отдельными особями, их сообществами или популяциями представляет собой определённую жизнедеятельность (*Lebenstätigkeit*), способ существования, присущий этому виду: «в характере жизнедеятельности, – пишет он, – заключается весь характер данного вида, его родовой характер» [11, с. 565]. Более того, «животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*» [11, с. 565].

Наконец, последней ступенью оказывается наиболее конкретная форма универсального метаболизма – *социальная*, связанная с механизмами обмена между человеком/обществом и окружающим его миром, и которая является одной из центральных тем в экологических разысканиях К. Маркса. Хотелось бы обратить внимание на то, что такая реконструкция ещё раз наглядно демонстрирует применение Марксом его знаменитого метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Таким образом, с точки зрения К. Маркса, человек, будучи частью мира-в-целом, органически встроен в процессы универсального и конкретно-

этологического метаболизма — энергетического и вещественного обмена между живым организмом и природой, «задача» которого состоит в том, чтобы осуществлять и поддерживать экологический баланс любой экосистемы, т.е. способствовать её относительно устойчивому существованию и воспроизведению в структуре биогеоценоза. Человек, как «часть природы» [11, с. 565], как «живое, телесное, чувственное существо» [13, с. 18; 11, с. 630–631; 25, S. 26] оказывается *единым* с этой природой, ибо она — его «неорганическое тело», но и в то же самое время человек сущностно *зависит* от природы, поскольку он «живёт ею», а природа, в свою очередь, «служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности» [11, с. 565].

Марксова концепция социального метаболизма

В самом общем виде и человек, и социальные группы, и человечество в целом также подчинены всем этим формам метаболизма, ибо человеческая деятельность, как и жизнедеятельность любого иного организма, включена в природные системы и представляет собой метаболический процесс. Однако тот способ, посредством которого человек обменивается веществами и энергией с природой, обладает своими специфическими, родовыми характеристиками, которые радикально отличают жизненную активность человека от жизнедеятельности всех других существ. С точки зрения К. Маркса, таким способом *человеческого* существования, сущностью человека и человеческой формой метаболизма является «свободная сознательная деятельность», которая «как раз и составляет родовой характер человека [*Gattungsscharakter*]» [11, с. 565], и которую Маркс в разных контекстах называет просто либо *человеческой деятельностью* (*Thätigkeit, Tätigkeit*), либо *трудом* (*Arbeit*), либо *практикой* (*Praktik*), *праксисом*, *Praxis* [25, S. 5]. Такая деятельность оказывается способом человеческого бытия-в-мире: «под “деятельностью”, — пишет М. С. Каган, — следует понимать *способ* существования человека и соответственно его самого правомерно определять как *действующее существо*» [1, с. 5].

Праксис для Маркса — это *любая* единая материально-психическая, активно-пассивная и пассивно-активная социальная (индивидуальная и коллективная) *сознательная преобразующая предметная* деятельность человека, посредством которой он осуществляет обмен веществ с тем *миром* (*Welt*), который его окружает. Поскольку Маркс считал, что «человек — это [всегда] *мир* человека», то надо ориентироваться на различие между понятиями *окружающий мир* (*Umwelt*) и *окружающая среда* (*Umgebung*). Если окружающая среда — это анонимное, обезличенное объективное пространство,

«наполненное» живой и неживой материей, движением, звуками, светом звёзд и т.д., то окружающий мир — часть среды, которая имеет *значение для человека*. Значение же мир и его элементы приобретают, потому что в процессах осуществления, реализации праксиса, в процессах опредмечивания и распределмечивания человек ««вкладывает живую душу в продукт труда» [11, с. 654], в ту или иную «предметность» (материальные вещи, предметы искусства, жесты, отношения к другим, слова, мысли и т.д.) [4, с. 12–16].

Первое, с чем встречается человек — это окружающая среда, природа вообще, в структуры и процессы которой человек включён посредством универсального и биофизического метаболизма. В целях удовлетворения своих потребностей, человек посредством наиболее фундаментальной формы праксиса — материальной деятельности по производству средств существования — труда, производственной деятельности — втягивает часть объективной природы в сферу своей жизнедеятельности, превращая её тем самым в свой окружающий мир. Именно *труд*, с точки зрения Маркса, и выступает первой, базисной формой социального метаболизма, которая «непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» [11, с. 565]. «Труд, — пишет Маркс в «Капитале», — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует **обмен веществ** [*Stoffwechsel*] между собой и природой» [5, с. 188].

Более того, «процесс труда, — продолжает Маркс, — в простых и абстрактных его моментах есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ [*Stoffwechsel*] между человеком и природой, *вечное естественное условие человеческой жизни*, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем её формам» [5, с. 195]. Таким образом, трудовая форма социального метаболизма представляет собой вещественно-энергетический обмен между человеком и природой, опосредованный производством, техникой и различными технологиями, в результате которого люди из материала природы производят не только «потребительные ценности» (пищу, одежду, жилище, технику, здания и сооружения, сельскохозяйственные угодья), но и созидают объективные основания собственно *человеческого мира*.

Так, в процессе производства (метаболизма-труда) социально-деятельные индивиды, втягивая окружающую их природу в сферу своей жизнедеятельности, преобразуют её и тем самым на её основе созидают свой собственный, *челове-*

ческий, искусственный мир, который включает в себя (в силу изначального имманентного единства самого человека как телесно-целесообразного существа) цельную материальную, социальную и духовную культуру, «вторую природу» (*Kulturwelt*) – культурный мир обитания. Сюда относится широчайший спектр самых разных форм социального метаболизма: от взаимодействий по поводу материальных объектов до социального праксиса (воспитания, образования, государственного управления) и духовных форм деятельности (коммуникации, эстетического или научного общения, – духовного производства).

Действуя в структурах метаболических систем «человек-природа» и «человек-культура», человеческие индивиды, акторы, «действительно деятельные» и «телесные люди» [13, с. 25] в процессе совместной трудовой деятельности (*Zusammenwirkung*) в рамках своего «действительного жизненного процесса [wirklichen Lebensprozeß]» [13, с. 25], своей «действительной жизни [wirkliche Leben]» [13, с. 24] постепенно создают мир своего совместного существования (*Mitwelt*). В этом мире совместной деятельности имеет место, с одной стороны, конституирование объективных (не зависящих от воли людей) общественных отношений (*gesellschaftliche Verhältnisse*), складывающихся в процессах производства – трудового метаболизма [7, с. 6–7]; с другой стороны, формируются также и субъективные, субъект-субъектные отношения (*soziale Beziehungen*), которые реализуются между индивидами посредством общения (*Verkehr*), интерактивной коммуникации, т.е. через обмен деятельностями, эмоциями, переживаниями, знаниями, заботой, дружбой или враждой и т.д. Такая форма социального метаболизма может быть названа межличностным метаболизмом. «Что же такое общество, какова бы ни была его форма? – спрашивает Маркс, и тут же отвечает. – Продукт взаимодействия людей» [8, с. 402].

В процессах и общественно-производственного метаболизма-труда, и межличностного метаболизма-общения, и тех видах метаболизма, что протекают в различных структурных сегментах мира культуры, с необходимостью возникают разного рода регуляторы этих отношений – социальные нормы и конституирующиеся из них социальные институты; формируются такие регулятивно-метаболические формы общественного и индивидуально-личностного сознания, как мораль и нравственность, право, религия; конституируются социальные механизмы и структуры, иерархии, формы социального неравенства, механизмы социальной мобильности и все иные атрибуты человеческого общества. В традиционном марксизме подобные общественные явления называются надстройкой.

Общения и отношения, складывающиеся и в непосредственных трудовых взаимоотношениях

с миром природы (*Natur-Welt*), и в самой совместной деятельности (*Zusammenwirkung*), и в мире события (*Mitwelt*), и в мире культуры (*Kulturwelt*) с необходимостью репрезентируются в человеческой психике

– с одной стороны, в виде различных форм и содержаний индивидуального сознания («мыслей») о мире и о том, как мы в этом мире обретаемся;

– с другой – в виде человеческих отношений – к этому миру. А поскольку человек мыслится Марксом динамически, как существо страдающее, неравнодушное, обладающее страстью [11, с. 631–632], то в случае с отношениями-человека-к-миру речь идёт об отношениях эмоциональных, неравнодушных, эмпатических, экзистенциальных, которые образуют его внутренний, экзистенциальный мир [4, с. 16].

Ансамбль всех этих миров (природы, общества, культуры, экзистенции) и составляют, по сути, целокупный значимый окружающий мир человека, в который он погружён, встроен и в котором протекает его существование. Поэтому для Маркса, окружающий мир никак не редуцируется к некоей безликой окружающей среде, узко истолковываемой как «природа», а понимается как дом, – ансамбль всех человеческих «миров». Иначе говоря, у Маркса человек берётся «как тотальность человеческого проявления жизни» [11, с. 591].

Социальный метаболизм и понятие социального универсума

Исходя из анализа этих перманентно развивающихся и изменяющихся форм социального метаболизма, К. Маркс делает одновременно онтологический и методологический вывод, что любое человеческое общество представляет собой органическую, социально-экологическую целостность, тотальность. Онтологически это означает, что общество – это уже не просто «совокупность индивидов», пусть даже и связанных самыми разными интеракциями, а социальный универсум, т.е.

– создаваемая в процессах социального метаболизма (сознательной преобразующей деятельности, праксиса) и постоянно в них воспроизводящаяся;

– целокупная система природных, предметных, технических, социальных, духовных, экзистенциальных, символических и т.д. предметов, структур, явлений, потребностей, отношений, связей, общений, институтов, норм, практик, дискурсов, идей, форм общественного и индивидуально-личностного сознания и т.д.;

– которые, будучи связанными имманентными конститутивными, структурно-функциональными, каузальными и/или целевыми референциями фундаментальности;

– представляют собой когерентную, диалектически упорядоченную сцеплённость, тотальность («целостный организм»), в которой человек явля-

ется фундаментальным основанием – *активным субъектом*.

Весьма важным моментом марксовской концепции социального метаболизма является понятие *социального гомеостаза* – способности социального универсума сохранять состояние органической целостности, поддерживать динамическое равновесие в процессах социального метаболизма, исторического развития даже в условиях разрывностей-внутри-целостности (например, разделения труда, классовых антагонизмов). На социально-экономическом уровне гомеостаз – это процессы воспроизводства.

Хотя сам К. Маркс не употребляет термин *социальный универсум*, тем не менее, у него имеется аналог этому понятию – *Gesamtkörper* [6, с. 421], *целостный организм*. В «Капитале» Маркс говорит о древних и буржуазных «общественно-производственных организмах» [5, с. 89]. Однако, насколько нам известно, ни сам Маркс, ни кто-либо из его последователей эту в высшей степени эвристическую категорию подробно не разрабатывали. Более того, во избежание аналогии с напрашивающимися социально-биологическими и органицистскими коннотациями термина «целостный организм» термин «социальный универсум» предпочтительнее.

Методологический аспект экологии К. Маркса в целом и его концепции социального метаболизма в частности состоит в конкретизации его общего метода материалистической (праксиологической) диалектики, согласно которому *любое общественное явление*, любой элемент социального универсума (от элементарного социального действия, единичной интеракции или случайной мысли, от любого социального института или формы мышления до способа производства и самого человеческого общества вообще) рассматривается как *результат социального метаболизма* (понимаемого как энергетический обмен «веществ» между человеком и *всеми мирами*, составляющими его «дом-ойкос»), осуществляемого посредством праксиса, и представляющий собой системный элемент социальной тотальности.

Таким образом, социальный метаболизм выступает *тотализующим* принципом синтеза, «собирания» всего социального универсума в единую органическую целостность, имманентным основанием как взаимосвязи между его подсистемами, так и внутренней взаимосвязи элементов внутри этих подсистем. На каждом структурном уровне социальной тотальности, в каждом из его когерентных «миров» протекает своя, свойственная только ему форма социального метаболизма. Так, в классовых обществах, например, при капитализме в структурах мира *со-бытия-с-Другими* (*Mit-Welt*) между индивидами имеет место овещнённая и отчуждённая форма общения, социального об-

мена и интеракций, в противоположность ассоциированному общению как таковому в условиях коммунизма [13, с. 68–69].

С другой стороны, внутри любого социального универсума одной из важнейших подсистем социального «мира» являются воспитание и образование, внутри которых происходит *обмен* формами поведения, социальными нормами, умениями, навыками, знаниями, компетенциями, образами, их взаимотрансляция, освоение и усвоение в процессах социализации. Причём в одних социальных универсумах эти «вещества» воспитательно-образовательного обмена/общения выступают как *традиции*, *социально значимые личностные ориентиры*, а в других – как *образовательные товары и услуги*. При этом сами участники оказываются либо в роли акторов субъект-субъектных отношений (в которых преодолевается дихотомия учитель/ученик, и педагоги мыслят в категориях учитель-студент и студент-учитель, т.е. учитель, который учится, и ученик, который учит), либо как субъекты (воспитатели, учителя, преподаватели) и объекты (воспитанники, школьники, студенты – «обучающиеся») в рамках системы образования, которую Пауло Фрейре метко назвал «банковской моделью образования», в которой ученики – не более чем «депозитари», «копилки», а учителя – вкладчики [22, р. 72].

Если идти к ещё «более высшим» формам социального метаболизма, то следует упомянуть и о *человеческих отношениях-к-миру*, *menschlichen Verhältnisse zur Welt* [11, с. 591–593], которые представляют собой *экзистенциально-эмоциональную* сторону человеческого способа существования *par excellence*, наряду с *отношениями общественными* (*gesellschaftliche Verhältnisse*), *отношениями-с* и *отношениями-между* (*soziale Beziehungen*), которые в своём «ансамбле» делают это существование собственно *бытием-в-мире*. Поэтому они оказываются включёнными во всепронизывающий социальный обмен, ибо в отличие от сугубо психобиологических эмоций, с необходимостью включают в себя конкретно-исторические культурные значения и по сути дела представляют собой уже не непосредственное поведение по модели стимул-реакция (*stimulus-response behavior, biological emotions*), а культурно детерминированный и социально сконструированный паттерн, организованный вокруг *отношения к социальному объекту*. Таким образом, «социальные чувства [*social sentiments*] являются скорее *социологическим* понятием, потому что чувства определяются культурой и требуют социализации для усвоения людьми» [32, р. 115].

Именно на основании этих социально-культурных обусловленностей содержания экзистенциально-эмоциональных (эмпатических, страдательных) отношений-к-миру, фундированных в конкретно-

исторических формах действительного жизненного процесса, т.е. базисного социального метаболизма, Маркс пишет о *человеческих* (гармоничных) и *бесчеловеческих* (дисгармоничных, отчуждённых) формах человеческого отношения. «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать [austauschen] только на любовь, доверие только на доверие и т.д.» [11, с. 620], потому что «я могу на практике относиться к вещи *по-человечески* только тогда, когда вещь *по-человечески* относится к человеку» [11, с. 592]. Однако в условиях, скажем, господства рыночного социального метаболизма в экономике, господства товарно-денежных отношений/обменов и других прелестей свободного либерального общества любовь приобретает форму рыночной сделки, купли-продажи, корыстного обмена, брачного договора, а сам буржуазный брак – в узаконенную форму проституции [12, с. 444], ибо он базируется ещё и на неравноправном и даже унижительном положении женщины в этом обществе.

Таким образом, методологически на *каждом* уровне социального универсума и в *каждом* конкретном случае надо чётко определять в рамках господствующей конкретно-исторической формы социального метаболизма *то, чем* обмениваются (деятельностями, продуктами труда, общением, знаниями, эмоциями и т.д.); *как* этим обмениваются; в роли *кого* обмениваются; *для чего* и *почему* происходит обмен, *что поддерживает, обеспечивает* этот обмен, или, напротив, *что он разрушает*.

В результате предпринятого предварительного разыскания можно сделать вывод, что социальный метаболизм у К. Маркса, понятый в таком широком и тотализующем смысле, представляет собой не только деятельностьный, праксиологический (а именно *трудоу*) обмен в системе «человек/общество – производство – природа», но и одновременный социоэкологический обмен со всеми «мирами», которые формируются в процессах осуществления базового трудового социального метаболизма и образуют когерентную органическую тотальность – социальный универсум. Стало быть, социальный метаболизм, будучи изначально только базисным обменом веществ между человеком и природой, экстраполируется Марксом на *все сферы социального бытия*, в каждой из которых развёртывается своя специфическая форма социального метаболизма.

Заключение

В заключение этого краткого разыскания сделаем некоторые выводы. Во-первых, экология К. Маркса открывает новые возможности в исследованиях социальной статики и социально-исторической динамики, дополняющие и раскрывающие в новых

деталях прежние оптики рассмотрения общественных процессов. Это становится возможным, потому что здесь исследование идёт не из таких традиционных марксистских перспектив, как формы собственности, диалектика производительных сил и производственных отношений, классовая стратификация, различные уровни неравенства, эксплуатации и угнетения, виды социально-политической организации и т.д., а из социального метаболизма, лежащего в основании как социума вообще, так и его конкретно-исторических разновидностей. Именно такая перспектива и делает методологию исследования общества, предложенную К. Марксом, *тотализующей* (учитывающей все имманентные взаимосвязи внутри социального организма, понятого как целокупная система человеческих «миров»).

Во-вторых, современное значение социально-экологических идей Маркса актуально в плане их тотализующего потенциала (рассмотрения собственно экологических проблем в целостном контексте взаимоотношения человечества со всеми «мирами»).

В-третьих, марксова экология, безусловно, является *антропоцентричной*, но не в плане полагания человека центром мира, пупом Земли, а только в том простом смысле, что мы не можем взглянуть на мир глазами других живых существ. При этом Маркс никогда не стоял на позиции «всё в этом мире для человека и ради человека». Для Маркса характерна диалектика: человек, являясь частью природы, зависит в своём существовании от неё и поэтому ему жизненно необходимо так или иначе поддерживать стабильность и непрерывное устойчивое воспроизводство в процессах социального метаболизма во всех без исключения сферах («мирах») социального универсума, ибо *Ното sapiens* в качестве человека определяется своими метаболическими отношениями *со всеми этими мирами*.

И ещё одно очень важное замечание. В последнее время собственно марксизм, отойдя от непосредственной взаимосвязи с рабочим и освободительным движением (к таковому мы, само собой разумеется, не относим разного рода борьбу «левых» за права сексуальных, гендерных, трансгендерных, однополых родителей № 1 и № 2 и иных и «угнетаемых» *меньшинств*) в настоящее время в значительной степени ограничивается академическими кругами. Так вот экомарксизм, в отличие от своих коллег по литературоведению, гендерным и *queer*-исследованиям, как раз сегодня оказывается наиболее *практически ориентированной* формой марксизма [33].

Более того, интересно отметить, что и традиционные эко-активисты сегодня начинают постепенно двигаться в сторону *марксистских* выводов из анализа взаимосвязи экологических проблем с социально-экономическим и социально-политическими основаниями самого капитализма, а не

столько с абстрактной «человеческой деятельностью вообще». Так, например, такой поворот к *своеобразно понятому марксизму* делает небезызвестная Г. Тунберг, когда в своей новой книге призывает к «свержению капиталистической системы», которая повинна в «колониализме, империализме, угнетении, геноциде» и «расистском, репрессивном экстракционизме (выкачивании ресурсов)» [36]. Однако, к сожалению, из истории последних десятилетий мы знаем, что многие изначально радикальные антикапиталистические начинания и не только в области экологии и защиты окружающей среды рано или поздно ассимилировались капитализмом и вполне органично и уютно встроились в его механизмы.

Следует также сказать, что марксова концепция

социального метаболизма не исчерпывается только тотализующей логикой, предварительно реконструированной в статье. Другой важнейшей стороной экологии К. Маркса является её *историзирующая* перспектива, в которой социальный метаболизм рассматривается как развивающийся и воплощающийся в конкретно-исторических формах. Но анализ этого – тема отдельной статьи.

Наконец, будем надеяться, что российские социологи, философы, экологи, этнологи и представители других общественных наук внесут свой вклад в развитие этих идей К. Маркса, которые позволят не только «интерпретировать» мир, но и будут способствовать «изменению» этого целокупного мира, дома-ойкоса, в котором обретается человечество.

Литература

1. Каган М. С. Человеческая деятельность. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
2. Кондрашов П. Н. Миф о прометеанстве Карла Маркса: анализ и критика // Антиномии. – 2022. – Т. 22. – Вып. 1. – С. 7–43. https://doi.org/10.17506/26867206_2022_22_1_7, EDN: XUXQEJ.
3. Кондрашов П. Н. Понятие der Verkehr у Маркса: обмен или общение? // Личность и общество в современном социально-философском дискурсе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 23 января 2016 года. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – С. 232–236.
4. Кондрашов П. Н. Попытка целостного определения понятия «окружающая среда» в перспективе философской антропологии Карла Маркса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 5. – С. 10–19, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-5-10>, EDN: OOFONS.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал I // Сочинения. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – С. 5–786.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал III // Сочинения. – М.: Политиздат, 1962. – Т. 25. – Ч. 2. – С. 3–488.
7. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Сочинения. – М.: Политиздат, 1959. – Т. 13. – С. 1–167.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Письмо П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // Сочинения. – Политиздат, 1962. – Т. 27. – С. 401–412.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Сочинения. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46. – Ч. 1. – 560 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1861–1863 гг. // Сочинения. – М.: Политиздат, 1973. – Т. 47. – 560 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. – С. 517–642.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Сочинения. М.: Политиздат, 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 9–544.
14. Сайто К. Экологические тетради Карла Маркса // Научный журнал «Дискурс-Пи». – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 10–30. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_10.
15. Шелике В. Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об общении как одном из видов человеческого отношения к миру // Диалектика познания, понимания, общения. Сборник научных трудов. – Фрунзе: КГУ, 1986. – С. 84–93.
16. Bloch M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press, – 246 pp.
17. Burkett P. (1999) *Marx and Nature: A Red and Green Perspective*. New York: St. Martin's Press, – 312 pp.
18. Clark B., Foster J. B., Longo S. (2019) Metabolic Rifts and the Ecological Crisis, *The Oxford Handbook of Karl Marx*. Oxford: Oxford University Press. – Pp. 651–658.
19. Foster J. B. (2000) *Marx's Ecology: Materialism and Nature*. New York: Monthly Review Press, – 310 pp.
20. Foster J. B. (2013) Marx and the Rift in the Universal Metabolism of Nature, *Monthly Review*. – Vol. 65. – No. 7. – pp. 1–19, https://doi.org/10.14452/MR-065-07-2013-11_1.

21. Foster J. B., Burkett P. (2016) *Marx and the Earth: an anti-critique*. Leiden; Boston: Brill, – 326 pp.
22. Freire P. (2000) *Pedagogy of the Oppressed*. New York; London: Continuum, – 183 pp.
23. Holt J. (2009) *Karl Marx's Philosophy of Nature, Action and Society: A New Analysis*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, – 200 pp.
24. Kovel J. (2011) On Marx and Ecology, *Capitalism Nature Socialism*. Vol. 22. – Is. 1, – pp. 4–17, <https://doi.org/10.1080/10455752.2010.547667>.
25. Marx K., Engels F. (1978) Thesen über Feuerbach, *Werke*. Berlin: Dietz Verlag. Bd. 3. – S. 5–7. (In German).
26. Marx K. (2019) Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872, *Marx-Engels-Gesamtausgabe* (MEGA²). Berlin: De Gruyter Akademie Forschung. IV Abt. Bd. 18. – 1296 S. (In German).
27. Mészáros I. (1995) *Beyond Capital*. New York: Monthly Review Press, – 994 pp.
28. Mészáros I. (1970) *Marx's Theory of Alienation*. London: Merlin Press, – 352 pp.
29. Moore J. W. (2017) Metabolic rift or metabolic shift? Dialectics, Nature, and the world-historical Method, *Theory and Society*. – Vol. 46 (4), – pp. 285–318. <https://doi.org/10.1007/s11186-017-9290-6>.
30. Musto M. (2018) *Another Marx: Early Manuscripts to the International*, London: Bloomsbury Publishing Plc., – 289 pp.
31. Padovan D. (2000) The Concept of social Metabolism in classical Sociology, *Theoria*. – Vol. 2. – Pp. 1–36.
32. Peterson G. (2006) Cultural Theory and Emotions, *Handbooks of Sociology and Social Research*, New York: Springer Science+Business Media, LLC, – pp. 114–134, https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_6.
33. Royle C. (2021) Ecological Marxism, *Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism*. New York: Routledge, – pp. 443–450, <https://doi.org/10.4324/9781315149608>.
34. Saito K. (2017) *Karl Marx's Ecosocialism. Capital, Nature and the Unfinished Critique of Political Economy*. New York: Monthly Review Press, – 308 pp.
35. Sasaki R. (2021) *New Introduction to Karl Marx: New Materialism, Critique of Political Economy, and the Concept of Metabolism*. New York: Springer International Publishing, – 321 pp.
36. Thunberg G. (2022) *The Climate Book: The Facts and the Solutions*. London: Penguin Press, – 464 pp.

References

1. Kagan, M. S. (1974) *Human activity*. Moscow: Politizdat, 1974, 328 p.
2. Kondrashov, P. N. (2022) The Myth of Karl Marx's Prometheanism: Analysis and Criticism, Antinomies. Vol. 22, Iss. 1, pp. 7–43. (In Russ.).
3. Kondrashov, P. N. (2016) Marx's concept of der Verkehr: exchange or communication? *Personality and society in modern socio-philosophical discourse*. Yekaterinburg: UrFU, pp. 232–236. (In Russ.).
4. Kondrashov, P. N. (2021) [An attempt at a holistic definition of the concept of «environment» in the context of Karl Marx's philosophical anthropology]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 5, pp. 10–19. (In Russ.).
5. Marks, K. (1960) *Kapital I* [Capital I]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 23, pp. 5–786. (In Russ.).
6. Marks, K. (1962) *Kapital III* [Capital III]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 25, pt. 2, pp. 3–488. (In Russ.).
7. Marks, K. (1959) *K kritike politicheskoy ekonomii* [To the criticism of political economy]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 13, pp. 1–167. (In Russ.).
8. Marx, K. (1962) *Pis'mo P. V. Annenkovu 28 dekabrya 1846 goda*. [Letter to P. V. Annenkov December 28, 1846]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat, Vol. 27, pp. 401–412. (In Russ.).
9. Marks, K. (1968) *Ekonomicheskiye rukopisi 1857–1859 godov* [Economic Manuscripts of 1857–1859]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 46, part 1, 560 p. (In Russ.).
10. Marks, K. (1973) *Ekonomicheskiye rukopisi 1861–1863 godov* [Economic Manuscripts of 1861–1863]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 47, 560 pp. (In Russ.).
11. Marks, K. (1956) *Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda* [Economic and Philosophical Manuscripts of 1844]. Marks K., Engel's F. *Iz rannikh proizvedeniy* [From Early Works]. Moscow: Politizdat, pp. 517–642. (In Russ.).
12. Marx, K., Engels, F. (1955) *Manifest Kommunisticheskoy partii* [Communist Manifesto]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 4, pp. 419–459. (In Russ.).
13. Marx, K., Engels, F. (1955) *Nemetskaya ideologiya* [German ideology]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politizdat. Vol. 3, pp. 9–544. (In Russ.).
14. Saito, K. (2021) Marx's Ecological Notebooks. *Scientific journal "Discourse-P"*. Vol. 18(3), pp. 10–30. (In Russ.).

15. Shelike, V. F. (1986) *K. Marks i F. Engel's ob obshchenii kak odnom iz vidov chelovecheskogo otnosheniya k miru* [K. Marx and F. Engels about communication as one of the types of human attitude to the world. Dialectics of knowledge, understanding, communication. Collection of scientific papers]. Frunze: KGU, pp. 84–93. (In Russ.).
16. Bloch, M. (2012) *Anthropology and the Cognitive Challenge*. Cambridge: Cambridge University Press, 246 pp.
17. Burkett, P. (1999). *Marx and Nature: A Red and Green Perspective*. New York: St. Martin's Press, 312 pp.
18. Clark, B., Foster, J. B., Longo, S. (2019) Metabolic Rifts and the Ecological Crisis. *The Oxford Handbook of Karl Marx*. Oxford: Oxford University Press, 651–658 pp. (In Engl.).
19. Foster, J. B. (2000) *Marx's Ecology: Materialism and Nature*. New York: Monthly Review Press. X, 310 pp.
20. Foster, J. B. (2013) Marx and the Rift in the Universal Metabolism of Nature. *Monthly Review*. Vol. 65 (7), pp. 1–19. (In Engl.).
21. Foster, J. B., Burkett, P. (2016) *Marx and the Earth: an anti-critique*. Leiden; Boston: Brill, 326 p.
22. Freire, P. (2000) *Pedagogy of the Oppressed*. New York; London: Continuum, 183 p.
23. Holt, J. (2009) *Karl Marx's Philosophy of Nature, Action and Society: A New Analysis*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 200 p.
24. Kovel, J. (2011) On Marx and Ecology. *Capitalism Nature Socialism*. Vol. 22 (1), pp. 4–17. (In Engl.).
25. Marx, K. (1978) *Thesen über Feuerbach*. Marx K., Engels F. *Werke*. Berlin: Dietz Verlag. Bd. 3, S. 5–7. (In German).
26. Marx, K. (2019) Exzerpte und Notizen: Februar 1864 bis Oktober 1868, November 1869, März, April, Juni 1870, Dezember 1872 // *Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA²)*. Berlin: De Gruyter Akademie Forschung, IV Abt., Bd. 18, 1296 S. (In German).
27. Mészáros, I. (1995) *Beyond Capital*. New York: Monthly Review Press, 994 p.
28. Mészáros, I. (1970) *Marx's Theory of Alienation*. London: Merlin Press, 352 p.
29. Moore, J. W. (2017) Metabolic rift or metabolic shift? Dialectics, Nature, and the world-historical Method. *Theory and Society*. Vol. 46 (4), pp. 285–318. (In Engl.).
30. Musto, M. (2018) *Another Marx*. London: Bloomsbury Publishing Plc., 289 pp.
31. Padovan, D. (2000) The Concept of social Metabolism in classical Sociology. *Theoria*. 2, pp. 1–36. (In Engl.).
32. Peterson, G. (2006) Cultural Theory and Emotions. *Handbooks of Sociology and Social Research*. New York: Springer Science+Business Media, LLC, pp. 114–134. (In Engl.).
33. Royle, C. (2021) Ecological Marxism. *Routledge Handbook of Marxism and Post-Marxism*. New York: Routledge, pp. 443–450. (In Engl.).
34. Saito, K. (2017) *Karl Marx's Ecosocialism. Capital, Nature and the Unfinished Critique of Political Economy*. New York: Monthly Review Press, 308 p.
35. Sasaki, R. (2021) *New Introduction to Karl Marx: New Materialism, Critique of Political Economy, and the Concept of Metabolism*. New York: Springer International Publishing, 321 p.
36. Thunberg, G. (2022) *The Climate Book: The Facts and the Solutions*. London: Penguin Press, 464 p.

Сведения об авторе:

Пётр Николаевич Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0975-4418
e-mail: pnk060776@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 06.11.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Piotr Nikolaevich Kondrashov, Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0975-4418
e-mail: pnk060776@gmail.com

The paper was submitted: 06.11.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭГОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ю. Г. Седов

Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Аннотация. В статье представлен феноменологический анализ пространства трансцендентальной субъективности. Актуальность данного исследования заключается в том, чтобы сформировать представление о внутренних пространственных структурах чистого Я. Цель данного исследования состоит в выявлении сложной природы самосознания. Для достижения поставленной цели эгологический анализ был основан на мереологическом подходе, который подготавливает рассмотрение пространства чистого сознания с точки зрения целого, составленного из частей. Применение пространственных категорий к чистому Я основано на расширении пространства близости.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости создания эгологии пространства в целях изучения природы пространственного видения. Предлагаемое исследование делает акцент не на многообразии имеющихся в наличии пространств, а на процессе, в котором протекает их образование в субъективном пространственном видении. Влияние субъективного фактора на понимание пространства демонстрируется на примере математики. Математическое понятие «пространства близости» подвергается феноменологическому расширению, благодаря чему вскрывается феномен пространственности Я или внутреннее пространство субъекта, которое отражает иерархию предпочтений или оценок. В результате эгологического анализа была выявлена первичная пространственная структура сознания, которая представляет собой расщепление чистого Я на две части. Расщепление Я на две составные части и изображение его в виде пространственной модели со своим верхом и низом фундировано более глубоким феноменом – субъективной пространственностью.

Данная структура может служить фундаментом для последующего коррелятивного исследования объективных и субъективных факторов, влияющих на образование разнообразных эгологических конструкций. На основе анализа делается вывод о сущностной взаимосвязи чистого Я и внутреннего пространства. Важность данного вывода подкреплена анализом работ Гуссерля, в которых он затрагивает вопросы пространственности трансцендентальной субъективности.

Научная новизна предлагаемой работы состоит в том, что в эгологическое исследование вводится различие между абсолютной и относительной близостью. Только в рамках относительной близости появляется возможность наблюдать и систематически исследовать чистое Я. В абсолютной же позиции оно остается анонимным по причине своей крайней близости.

Ключевые слова: феноменология, мереологический подход, пространство близости, пространственная структура сознания, эгология, разделение чистого Я.

Для цитирования: Седов Ю. Г. Эгологическое исследование феномена субъективного пространства // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 84–92, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-84>.

EGOLOGICAL STUDY OF THE PHENOMENON OF SUBJECTIVE SPACE

Yu. G. Sedov

The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia
e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Abstract. The article presents a phenomenological analysis of the space of transcendental subjectivity. The relevance of this study is to form an idea of the internal spatial structures of the pure I. The purpose of this study is to identify the complex nature of self-consciousness. To achieve this goal, the egological analysis was based on a mereological approach, which prepares the consideration of the space of pure consciousness from the point of view of the whole, composed of parts. The application of spatial categories to the pure Self is based on the expansion of the proximity space.

The results obtained indicate the need to create an egology of space in order to study the nature of spatial vision. The proposed research focuses not on the variety of available spaces, but on the process in which their formation takes place in subjective spatial vision. The influence of the subjective factor on the understanding of

space is demonstrated by the example of mathematics. The mathematical notion of “proximity space” is subjected to a phenomenological extension, which reveals the phenomenon of spatiality of the pure I, or the inner space of the subject, which reflects the hierarchy of preferences or evaluations.

The primary spatial structure of pure consciousness is revealed, which is the division of pure I into two parts. The splitting of the Self into two constituent parts and its representation in the form of a spatial model with its top and bottom is funded by a deeper phenomenon – subjective spatiality. This structure can serve as a foundation for the subsequent correlative study of objective and subjective factors influencing the formation of various egological structures. Based on the analysis, a conclusion is made about the essential relationship of the pure I and the inner space. The importance of this conclusion is supported by an analysis of Husserl’s works, in which he touches upon the issues of the spatiality of transcendental subjectivity. The scientific novelty of the proposed work is that the distinction between absolute and relative intimacy is introduced into egological research. Only within the framework of relative intimacy is it possible to observe and systematically investigate the pure I. In the absolute position it remains anonymous because of its extreme intimacy.

Key words: phenomenology, mereological approach, proximity space, spatial structure of consciousness, egology, division of pure I.

Cite as: Sedov, Yu. G. (2023) [Egological study of the phenomenon of subjective space]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 84–92, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-84>.

Введение

Успехи современных наук вынуждают по-новому взглянуть на философское понятие пространства. Для этого имеются достаточно веские основания, изложенные в настоящем исследовании, которое можно было бы назвать также «геометрией переживаний».

Как говорил Кант в трансцендентальной эстетике, мы не можем созерцать время вне нас. Однако можно с легкостью представить время в виде пространственных образов, линий, кругов, спиралей и диаграмм, делая возможным его наглядное созерцание. С помощью отрезка демонстрируются религиозные представления о начале и завершении времен, а в дополнение к этому христианство осуществляет деление отрезка пополам. Если же мы возьмем два отрезка, образующие угол, то получим восхождение человеческой цивилизации, которая достигает своей наивысшей точки, а затем наступает закат. Расширением такого понимания времени служит ломаная или волна, сигнализирующая о возможной периодичности временных интервалов, например, в виде экономических циклов. Далее, бесконечность времени может быть представлена как прямая линия, как окружность или спираль. С помощью сферы принято изображать часовые пояса, физики спорят о корректности «стрелы времени», фантасты допускают применение параллельных линий. Но с другой стороны, по мнению Канта, мы не можем созерцать пространство внутри нас [4]. Такое заявление представляется еще более сомнительным. Что означает выражение «внутри нас»? В уме, в душе или в теле? Представление о пространстве не сводится к восприимчивости и к способности человека подвергаться воздействию внешних объектов. Человек в некоторых случаях может конструировать новые пространства, отталкиваясь от чистого внутреннего созерцания воображаемых пространств. Для понимания

внутреннего пространства субъекта необходимо ограничить объективную значимость пространства и четко сформулировать идею его «трансцендентальной идеальности», независимую от условий возможного опыта.

Реализация этой идеи является главной целью настоящего исследования, в котором рассмотрена сложная природа чистого Я с использованием мереологического метода. Данный метод является наиболее адекватным для изучения пространственности чистого Я как целого, состоящего из частей.

Мереологический подход к изучению феномена субъективного пространства

Внутреннее пространство субъекта несоразмерно физическому пространству, части которого являются внешними и безразличными по отношению друг к другу. Напротив, внутреннее пространство служит условием *мереологического* упорядочивания наших познаний, когда одни из них располагаются в «центре», а другие выносятся на «периферию» сознания.

Мереология внутреннего пространства обнаруживается с помощью дескрипции категориального синтеза, которая начинается с объектов *низшего* порядка. Если мы возьмем конкретные объекты и попытаемся установить однозначную связь между ними, то в результате получим категориальные объекты более *высокого* порядка. Разновидностями категориальных объектов являются конъюнкции, дизъюнкции, универсалии, а также взаимосвязь целого и части. Логическая форма, запечатленная в категориальном объекте, есть лишь след, который был оставлен категориальным актом. Ум сначала выхватывает объект как целое, а затем второй акт мышления выделяет из целого один момент и фиксирует на нем внимание. Теперь этот выделенный момент есть законченный автономный акт, сохраняющий свою связь с первичным актом. А далее

подключается новый акт, синтезирующий два первых акта, в результате чего окончательно конституируется объект. В данном случае конституируется целое, составленное из своих частей.

Привлечение к настоящему исследованию учения о целом и части позволяет пролить свет на любопытнейший феномен человеческой субъективности – ее пространственность. Специфика мереологического подхода состоит в том, что принцип «существования частей» может быть рассмотрен с точки зрения самого целого, которое понимается в качестве комплекса частей, позволяющих нам «собрать» это целое [8, р. 669]. Однако здесь следует учитывать онтологическое различие между формальной и материальной мереологией. В первом случае действуют формальные законы упорядочивания частей, асимметрия и транзитивность. Во втором случае части множества имеют ограничения, ведь они не могут быть произвольно агрегированы в некое целое любым возможным способом.

Применение учения о целом и части к пространству наблюдается в трансцендентальной диалектике Канта в примечаниях ко второй антиномии, в которых выражено колебание рассудочной мысли между *compositum* и *totum*. Обе эти крайности имеют то общее, что пространство в них представляется в виде чистого априорного созерцания, из которого исключены непроницаемость, твердость, цвет, но оставлены протяжение и образ. Вскоре указанный разрыв между количественной протяженностью и качественным наполнением был замечен и подвергнут справедливой критике. В частности, Штумпф после обсуждения позиции Канта делает следующие выводы [18, р. 30]. Пространство означает позитивное содержание, а не просто отношение. Особенностью этого содержания является то, что его отдельные части выстраиваются в линию для формирования общего содержания. Пространство ничем не отличается от качеств и не требует специального объяснения. Кроме того, невозможно с помощью воображения отделить все качества от пространства и поэтому пространство не является субъективным условием формирования представлений и не сводимо к деятельности воображения.

Выявленное Штумпфом различие между самостоятельными и несамостоятельными содержаниями Гуссерль счел «крайне важными» для феноменологии и теории познания по той простой причине, что этот частный случай указывал на более общее различие, относящееся к формальной онтологии. Констатация несамостоятельности количества и качества как частей целого вовсе не отменяет прерывности, своего рода *дистанции* между ними. Впрочем, Гуссерль предусмотрительно заменил физические понятия «дистанция»,

«интервал», «промежуток» феноменологическим термином «пространственность». Этот термин обозначает и «момент ощущения» и «схватываемое пространственное» на основе созерцания, в котором выявляется объективная пространственная конфигурация [2, с. 229]. Рассмотрение самостоятельных и несамостоятельных содержаний Гуссерль дополнил указанием на расширенный смысл учения о целом и части, имея в виду различие опосредствованных и непосредственных частей целого. Часть целого называется непосредственной, если она не является частью другой части этого целого. В противном случае она рассматривается как опосредствованная часть. В результате возникают две новые пространственные характеристики сознания – *близость* и *удаленность*, определяющие ход дальнейшего исследования.

Этологическое расширение пространства близости

Любая целостность подвержена фрагментации и всякий последующий процесс деления выявляет части, удаляющиеся от целого. Иерархия удаленности частей от целого может иметь объективные основания, как например, в случае последовательности звуков или же зависеть от субъективных предпочтений при выборе способа и очередности делений в случае фрагментации экстенсивного целого. Кроме удаленности и близости частей в их отношении к целому имеются также более близкие и более удаленные части в их отношении друг к другу. Когда Гуссерль говорит о частях, расположенных относительно друг друга ближе или дальше, он имеет в виду «сцепления», которые отражают градацию удаленности. Между тем, предложенная им дескрипция отношений частей целого упускает из виду очень важное обстоятельство. Эти отношения всегда предполагают акт сравнения и, соответственно, самого субъекта, который сравнивает. Причем участие субъекта в различных актах сравнения сопровождается включением дополнительных предположений, которые не учитываются Гуссерлем. Например, достаточно рассмотреть несколько простых суждений, основанных на отношении несимметричной синонимии:

А короче В – В длиннее А

А выше В – В ниже А

А ближе В – В дальше А.

Очевидно, что первые два суждения нейтральны, они не предполагают присутствия наблюдателя, с которым объекты *А* и *В* соотносятся. Эти объекты просто соизмеряются между собой. Но в последнем случае ситуация совершенно иная, поскольку устанавливается не близость *А* от *В*, но предполагается некий субъект (установка, точка отсчета), то есть нечто третье, с чем расстояние соизмеряется.

Влияние субъективного фактора на понимание пространства легче всего продемонстрировать на примере математики. Фундаментальные факты математического анализа целиком основываются на понятии «расстояния». Но здесь теряется существенное различие между множеством точек и самим метрическим пространством, ибо один запас точек может быть метризован разными способами в зависимости от наших потребностей и предпочтений. Благодаря этому различию становится очевидной необходимость эгологического анализа субъективных структур в математических исследованиях [16, с. 143]. Например, в случае рассмотрения пространства геометрических точек, которое не является полностью индифферентным для агента демонстрации.

Выводы математиков о том, что пространства обладают свойствами, которые можно сформулировать независимо от понятия расстояния, созвучны медитациям Хайдеггера. Обсуждая проблематику пространства, он вводит понятия «отдаленности» и «близости», которые не связаны с расстоянием. Когда речь идет о близости, величина расстояния не всегда является существенным моментом (*nicht die Größe der Abstandes ist wesentlich*) [10, p. 442]. В своих рассуждениях Хайдеггер очень часто использует слово «ближний», постепенно *приближаясь* к пониманию пространственного характера «присутствия». Это рассуждение методически ориентировано на постижение мира в качестве «ближайшего бытийного образа». В данном контексте ближайшим оказывается мир окружающий, в котором уже содержится указание на пространственность. В окружающем мире имеется свой специфический «ближайший вид обращения», выражающийся в применении орудий. Ближайший окружающий мир составляют вещи, которые используются в трудовой деятельности в качестве подручных средств. Но эти «ближайшие подручные» средства в повседневном обращении постоянно прячутся, растворяясь в процессе работы в силу того, что работа является целым, а они ее частями. Отсюда возникает закономерный вопрос, как понимать пространственную терминологию отдаленности и близости? К сожалению, используемые Хайдеггером выражения постепенно превращаются в игру слов, в особенности, когда речь заходит о возможности «ближайшим образом» понять пространственность мира. Игра словами не способствует ясности изложения проблематики субъективного пространства, но лишь затемняет суть дела, *отдаляет* понимание. На тех же основаниях можно было бы рассуждать о пространственных структурах в логике на примере ближайшего рода в определении.

Вместе с тем, в результате анализа «мирности мира» делается важный вывод о пространственности самого присутствия, характеризуемой

«направлением» и «отдалением». Интересующая нас близость служит лишь модусом отдаленности, которая, по мысли Хайдеггера, является более утонченным понятием (*Ent-fernen schärfer als Näherung*). Наиболее ценным для эгологии является наблюдение, в котором обнаруживается, что ближайшее не всегда означает минимальную дистанцию от предмета. Окончательное суждение о близости или отдаленности, например, вопрос о том, что ближе, картина на стене или очки на носу, выносит озабочившееся присутствие. Однако эти наблюдения остаются на уровне повседневности и сознательно не восходят к философской тематике *analysis situs*, поскольку главным предметом оказывается время в рамках вопроса о бытии. Кроме того, Хайдеггер не избавляется от кантовского понимания пространства, находящегося «не в субъекте». Такая трактовка упускает очевидные факты конструирования многомерных пространств и способы организации социального пространства, которые измеряются не линейкой, а оцениваются или соблюдаются, как например, дистанция между подчиненным и начальником, мужчиной и женщиной. Восприятие социального пространства с необходимостью приводит к расширению границ понимания пространства близости для субъекта. При ответе на вопрос о «кто» присутствия понятие близости в рассуждениях Хайдеггера приобретает статус экзистенциала. Но частое использование выражения «ближайшим образом» не делает его более ясным. Выражение начинает балансировать между философским термином и метафорой. Например, «кто» присутствия ближайшим образом является как онтологической, так и онтической проблемой, поскольку это присутствие ближайшим образом не есть оно само, а увязло в ближайшей повседневности. Разумеется, такого рода дефиниции не дают подлинного удовлетворения. В них не раскрывается существо «близости», а только демонстрируется многозначность данного понятия. При этом остается без внимания сам феномен пространственности чистого Я или внутреннее пространство субъекта, которое отражает *иерархию* наших предпочтений или оценок и выстраивается по принципу отдаленности и близости. В отношении объектов пространство является способностью чистого Я, которое имеет тождественное значение [9, p. 399]. К изучению близости в субъективном пространстве подталкивают также и личные местоимения. В русском языке этимология любых местоимений вполне очевидна и говорит сама за себя — *имение места*. Но за этой очевидностью скрываются другие способы пространственной активности Я, например, обращения «ты» и «вы» являются своеобразными средствами защиты и степенями дистанцирования себя от других субъектов.

В результате расширения пространства близости возникла идея *вертикали* сознания, указывающая на существование в нем глубинных и поверхностных слоев. Это идея была навеяна изучением трудов выдающегося русского философа Сергея Аскольдова по гносеологии [1], который впервые поставил вопрос о пространственных структурах чистого сознания. Отталкиваясь от психологических наблюдений, он заметил, что чистое Я есть центр сил, воздействующих на него и исходящих из него. Эта двусторонняя направленность внутреннего опыта сознания выражается с помощью грамматических конструкций действительного и страдательного залога, например, когда «я слышу» и «мне слышно», когда потоки берут начало из меня и идут вовне и, наоборот, впадают в меня. Указанные потоки сознательной жизни вращаются вокруг центрального Я, но они различаются «близостью» переживания, одни ближе к центру, а другие к периферии. Значит, переживания сознания причастны протяжению и движению души совершаются не только во времени, но и в специфическом «пространстве», не имеющем ничего общего с пространством физики и геометрии. Наряду с топографией физических предметов существует внутренняя «топография души», которая характеризуется «степенью отождествления» чистого Я с конкретным переживанием. Внутренняя топография сознания выстраивается согласно отношению «близости – отдаленности» душевных состояний от нашего Я. Близость и отдаленность помещаются Аскольдовым внутрь когнитивной сферы и в этом состоит его главное преимущество над аналогичными построениями Хайдеггера, который так и не смог преодолеть внешний характер пространственности присутствия. Отношение «близости – отдаленности», перенесенное внутрь сознания, способствовало созданию первой эгологической структуры. Центром этой пространственной структуры является чистое Я, вокруг которого концентрически располагаются пояса близкого и отдаленного внутреннего опыта. Самыми близкими от центра поясами сознания являются эмоции и акты воли. Все они почти сливаются с центральным Я и сплавиваются в единство даже внешние предметы, на которые они направлены. Более отдаленным эгологическим поясом служат мысли. Они составляют своеобразную «проекционную зону», относительно независимую от чистого Я и от внешних восприятий, которые являются самым отдаленным поясом в данной эгологической структуре. Статически представленная здесь структура сознания имеет еще и разные «динамические знаки». Например, в первом, самом близком к чистому Я поясе эмоции входят «в» Я, тогда как акты воли исходят «из» него. В отдаленном поясе чувственных восприятий дело обстоит анало-

гичным образом: имеются внешние ощущения предметов окружающего мира и органические ощущения, исходящие из нашего тела. Однако динамизм эгологических структур явственнее всего проявляется в познавательных процессах, когда обнаруживается различие между «пониманием» и собственным «творчеством», усвоением истины и самостоятельным ее развитием. Чистое Я может быть представлено в виде «трехслойного шара», в котором наблюдаются энергетические перемещения от центра к периферии и обратно.

Таким образом, чистое Я обладает ярко выраженной *вертикальной* природой, оно может попеременно обращаться к поверхности и вновь погружаться в глубины сознания. Причем, усложнение внутренней жизни сознания происходит именно при погружении в глубину, когда чистое Я удаляется от внешнего мира и, сосредотачиваясь в себе, делается более независимым.

Эгология пространственных структур сознания

Сущностная взаимозависимость сознания и пространства проявляется благодаря эгологии, которая предлагает переход *ab exterioribus ad interiora*. Обоснование предложенного тезиса целесообразнее всего осуществить на основе анализа некоторых работ Гуссерля, которые имеют непосредственное отношение к обсуждаемому предмету. Свое фундаментально-феноменологическое рассуждение в *Идеях* он начинает с рассмотрения мира естественной установки и ее исключения. Весьма показателен тот факт, что Гуссерль говорит о мире от первого лица. В результате привычные пространственные характеристики приобретают эгологические наименования, например, «поле моего восприятия», «осознаваемое окружение» и «неясно сознаваемые горизонты» [3, с. 90]. Чистое Я выступает в роли «центра излучения» или в качестве «исходной точки» зрения. Вниманию может быть направлено на различные предметности, а внимающий взор представляется в виде «лучей», исходящих из центрального Я [15, р. 26]. Часто наблюдаются двойные лучи вперед и назад – от центра посредством актов к объектам и обратные лучи от объектов к центру.

Отправной точкой эгологического анализа служит рефлексия в силу того, что она не имеет дела с объектами, ее интересуют только способы нашего познания и субъективные условия постижения посредством понятий. Для эгологического исследования важен именно позитивный эгологический остаток – сознание, к сущности которого принадлежит принципиальная возможность рефлексивного поворота взгляда к новому бытийному региону. Этот регион никоим образом не затрагивается процедурами выключения и установления вне действия. Уяс-

нение данного пункта рассуждений означает смену установки. Взгляд теперь обращен к имманентной сфере сознания, к его внутреннему опыту, который не есть реальный пласт, принадлежащий внешнему миру. Между тем, используемые наименования *внутреннего* мира сознания и трансцендентного *внешнего* мира, страдают явной двусмысленностью. Мы легко расправляемся с пространственно-временным миром в смысле физической науки, полностью выводя его из игры, но как нам поступить с «внутренним» миром сознания, если, конечно, все это не метафоры и не риторические фигуры украшения речи? Таким образом, возникает задача предварительного анализа всех *пространственных* характеристик сознания.

В одной из своих работ Виктор Молчанов затронул тему, заслуживающую внимания, и которая представляется перспективной с точки зрения эгологии – вопрос о первичности феномена пространства по отношению ко времени. Здесь его интересовала проблема приоритета, а именно, какое из этих понятий следовало бы считать ведущим, а какое ведомым [5]. Более того, он говорит даже о «смысловом» пространстве. Но у него ничего не сказано о пространственности самого чистого Я, о внутреннем пространстве трансцендентального субъекта. Эгологический анализ не исчерпывается только актуальными моментами жизни сознания. Чистое Я таит в себе имманентные ему потенциальности как *горизонты*, в которых становится ясным то, что подразумевалось только имплицитно. Эту мысль легко проиллюстрировать на примере восприятия объемной геометрической фигуры. Рассматривая ее в одной позиции, мы видим только несколько ее граней, а другие грани от нас скрыты, находясь на заднем плане. Тем не менее, наше целостное восприятие дорисовывает и воссоздает невидимые грани. Если любой объект восприятия имманентен сознанию, то это сознание также должно быть пространственным [17]. Восприятие пространственной вещи есть синтетическое сознание потенциальности предмета и соотношенных с ним моментальных актов.

В результате осуществления редукции мы достигаем того пункта, где очевидность *ego sum* предстает воочию как оригинальная жизнь сознания со своими открытыми горизонтами и внутренними взаимосвязями. Чистое Я выступает функциональным центром, который везде и нигде, оно есть целое, а не связующее звено между различными горизонтами. Необходимость эгологического исследования чистого Я заставляет осуществить еще один шаг – заключить в скобки время, прошлые и будущие горизонты сознания. Но что остается в результате проведения столь радикальной редукции? Коль скоро не принимается в расчет сам процесс раскрытия потенциальностей и представление

о жизненном процессе исключено, а вместе с ним и всякие ссылки на последовательность времени, то остается непосредственное присутствие действующего Я, но не только. Не стоит забывать, что независимо от временных горизонтов имеются еще и пространственные горизонты сознания. Как быть с ними? Ведь исключение пространственных категорий способно подорвать изнутри порядок самой рефлексии, которая есть способность устанавливать и соблюдать *дистанцию* между Я-субъектом и Я-объектом. Эта своеобразная позиция отстраненности и раздвоенности есть *имманентное* пространство. Ставшая уже классической гуссерлевская диаграмма времени является не более как пространственной конструкцией, которая, и это нужно подчеркнуть, создается не произвольно, а в строгом соответствии с конкретной пространственной данностью мыслящего субъекта.

Пространственные структуры чистого сознания, такие как близость, отдаленность, расстояние или дистанция являются идеальными образованиями, но они не сводимы к «метафорическим пространствам самопознания» [6, р. 237]. В прикладных исследованиях, например, при изучении шизофренического процесса также используется термин «субъективная пространственность» (*spatialite subjective*) [7]. Сама возможность метафорических пространств обусловлена онтологической пространственностью сознания. Например, «широта души» это не только результат воздействия огромной территории на национальный характер, но также и волевое усилие для пространственного расширения. Кроме того, пространственные термины «близости» и «дальности» имеют двойственное значение. В физическом мире управление этими терминами связано с предлогом «от», но в сознании близость и отдаленность предметов существуют *для* созерцания. Ведь созерцанию присущи различные ступени ясности. Они могут привести к абсолютной близости, которую следует понимать скорее как полную адекватность созерцания предмету. Гуссерль говорит также о «ступенях очевидностей», когда рассматривает различные уровни обобщений и обосновывает необходимость перехода от вещественных видов сущности к формализованным и категориальным образованиям более высоких ступеней [11, р. 189]. Однако пространственная терминология применима не только к близости и отдаленности объектов, но также и к самому чистому Я. Все переживания соотношены с ним. Одни, например *cogito*, связаны актуально, а другие переживания составляют его фон или задний план. В первом случае говорится о «близости Я» (*Ichnähe*), а во втором случае соответственно о «дальности Я» (*Ichferne*). Но в том и в другом случае чистое Я есть *точка*, с которой соотносятся все переживания (*Beziehungspunkt*) [12, р. 189]. Иначе говоря, чистое Я является перспек-

тивной точкой направленности, играя фундаментальную роль в связывании переживаний, без нее не может быть ни близости, ни расстояния, они попросту теряют свой смысл.

Таким образом, пространственная аналогия в эгологическом исследовании помогает понять, что получение знаний о предмете возможно только посредством *приближения* к нему. Если мы исходим из этой аналогии, то существует «восходящий ряд» и «идеальное приближение» (*ideele Annäherung*) к окончательному схватыванию предмета [13, p. 106]. Причем такое приближение предмета имеет силу и в том случае, когда предмет не является пространственным. В данном контексте представляется целесообразным ввести различие между *абсолютной* и *относительной* близостью чистого Я. Абсолютная близость – это среда, через которую близость и отдаленность могут впервые появиться. Однако в открывшемся таким образом перспективном горизонте чистое Я само занимает определенную позицию, которая хотя и имеет особый характер как «нулевое положение», но мыслится уже наряду с другими позициями [19, p. 207]. Только в относительном положении чистое Я может стать предметом полноценного эгологического исследования. Тогда как абсолютная позиция делает его недоступным для наблюдения и систематического изучения. Именно из-за этой своей крайней близости к себе самому оно ни структурно, ни содержательно не может возникнуть перед исследовательским взором. Поистине «лицом к лицу лица не видно». В рамках указанной относительной близости чистое Я поначалу выступает как голый *Я-полюс*, не имеющий содержания и не знающий сложения частей в своем явлении. Создается впечатление, что самопознание «не может делить само себя», являясь абсолютным единством по выражению Канта, о чем свидетельствует заключительный пассаж его второй антиномии чистого разума. Впрочем, однозначного ответа у Канта не получается, поскольку при условии внешнего созерцания субъект, по-видимому, обна-

ружил бы свою составленную из частей природу.

Однако в данном пункте возникает опасность гипостазирования взаимосвязанных и чрезвычайно подвижных эгологических элементов. В наибольшей степени этой опасности подвергается чистое Я по причине своего центрального положения. На самом деле, чистое Я не есть фиксированная точка потока, иначе она была бы частью этого потока, отдельным моментом времени. Напротив, я осознаю текучесть переживаний в себе самом, когда рефлексирую. Акт саморефлексии есть не что иное, как осуществляющееся «расщепление Я» (*Ichspaltung*), как одновременное пребывание и обращенность взгляда на себя. Совершая рефлекссию над собой, я делю себя на верхнее Я актов рефлексии и на нижнее Я, о котором я размышляю. Но далее мы сталкиваемся с рефлексией более высокой ступени. Вообще говоря, сущность каждой рефлексии заключается в том, что она снова допускает более высокую рефлекссию и поэтому расщепление Я всегда может совершаться заново [14, p. 263]. Расщепление Я на две части, а также изображение его в виде привычной пространственной модели со своим верхом и низом, фундировано более глубоким феноменом – *субъективной пространственностью*.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что благодаря пространственному расщеплению чистого Я делается плодотворным исследование многочисленных структур субъективности. Чистое Я становится главной темой и самой общей эгологической структурой. Структуры интенционального опыта должны выявляться посредством рефлексии с последующим описанием их взаимозависимости, последовательности и эволюции. Таким образом, внутри сознания могут быть выявлены определенные слои, которые группируются вокруг центрального ядра. Ядро же постигается интуитивно и о нем можно сказать только одно – оно удерживает в единстве все периферийные элементы сознания.

Литература

1. Аскольдов С. А. Гносеология: Статьи. – М.: Издательство Московской Патриархии РПЦ, 2012. – 200 с.
2. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гнозис, 2001. – 576 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2019. – 489 с.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2019. – 736 с.
5. Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. – М.: Академический проект, 2015. – 277 с.
6. Frohoff S. (2019) *Leibliche Bilderfahrung. Phänomenologische Annäherungen an Werke der SammlungPrinzhorn*. Dordrecht: Springer-Verlag, 253 p.
7. Grohmann T. (2019) *Corps et monde dans l'autisme et la schizophrénie: approches ontologique en psychopathologie*. Dordrecht: Springer, 255 p.

8. Haro de Serrano A. (2010) Husserl's mereological argument for intentional constitution / *Philosophy, Phenomenology, Sciences. Essays in commemoration of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer, pp. 661–678.
9. Hart J. (2009) *Who one is. Book I: Meontology of the "I": a transcendental phenomenology*. Dordrecht: Springer, 565 p.
10. Heidegger M. (2006) *Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 445 p.
11. Husserl E. (1981) *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft*. 2 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 298 p.
12. Husserl E. (1976) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erster Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 476 p.
13. Husserl E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch. Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 426 p.
14. Husserl E. (1956) *Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 468 p.
15. Micali S. (2008) *Überschüsse der Erfahrung. Grenzdimensionen des Ich nach Husserl*. Dordrecht: Springer, 243 p.
16. Sedov Y. G. (2016) Remarks concerning the phenomenological foundations of mathematics. *Logical Investigations*. Vol. 22. No. 1, pp. 136–144.
17. Shim M. K. (2017) *Husserl's spatialization of perceptual consciousness / Perception, affectivity and volition in Husserl's phenomenology*. Dordrecht: Springer, pp. 37–56.
18. Stumpf C. (1873) *Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 324 p.
19. Taguchi S. (2006) *Das Problem des 'Ur-Ich' bei Edmund Husserl. Die Fragen nach der selbstverständlichen "Nähe" des Selbst*. Dordrecht: Springer, 266 p.

References

1. Askoldov, S. A. (2012) *Gnoseologiya: Stati* [Epistemology: Articles]. Moscow: House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 200 p.
2. Husserl, E. (2001) *Sobranie sochineniy. T. 3 (1) Logicheskie issledovaniya. T. II (1)* [Collected works. Vol. 3 (1). Logical investigations. Vol. II (1)]. Moscow: Gnosis Publ., 576 p.
3. Husserl, E. (2019) *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. 3rd publ. Moscow: Academic project Publ., 489 p.
4. Kant, I. (2019) *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Moscow: Eksmo Publ., 736 p.
5. Molchanov, V. I. (2015) *Fenomen prostanstva i proiskhozhdenie vremeni* [The phenomenon of space and the origin of time]. Moscow: Academic project Publ., 277 p.
6. Frohoff, S. (2019) *Leibliche Bilderfahrung. Phänomenologische Annäherungen an Werke der Sammlung Prinzhorn*. Dordrecht: Springer-Verlag, 253 p.
7. Grohmann, T. (2019) *Corps et monde dans l'autisme et la schizophrénie: approches ontologique en psychopathologie*. Dordrecht: Springer, 255 p.
8. Haro de Serrano, A. (2010) Husserl's mereological argument for intentional constitution / *Philosophy, Phenomenology, Sciences. Essays in commemoration of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer, pp. 661–678. (In Engl.).
9. Hart, J. (2009) *Who one is. Book I: Meontology of the "I": a transcendental phenomenology*. Dordrecht: Springer, 565 p.
10. Heidegger, M. (2006) *Sein und Zeit. Neunzehnte Auflage*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 445 p.
11. Husserl, E. (1981) *Formale und transzendente Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft*. 2 Auflage. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 298 p.
12. Husserl, E. (1976) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erster Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 476 p.
13. Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch. Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 426 p.
14. Husserl, E. (1956) *Erste Philosophie (1923/24). Erster Teil. Kritische Ideengeschichte*. Den Haag: Martinus Nijhoff, 468 p.
15. Micali, S. (2008) *Überschüsse der Erfahrung. Grenzdimensionen des Ich nach Husserl*. Dordrecht: Springer, 243 p.
16. Sedov, Y.G. (2016) Remarks concerning the phenomenological foundations of mathematics. *Logical investigations*. Vol. 22. No.1, pp. 136–144. (In Engl.)
17. Shim, M.K. (2017) *Husserl's spatialization of perceptual consciousness / Perception, affectivity and*

volition in Husserl's phenomenology. *Dordrecht: Springer*, pp. 37–56. (In Engl.).

18. Stumpf, C. (1873) Über den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung. *Leipzig: Verlag von S. Hirzel*, 324 p.

19. Taguchi, S. (2006) Das Problem des 'Ur-Ich' bei Edmund Husserl. Die Fragen nach der selbstverständlichen "Nähe" des Selbst. *Dordrecht: Springer-Verlag*, 266 p.

Сведения об авторе:

Юрий Григорьевич Седов, кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина, Россия

e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 10.10.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yuri Grigor'evich Sedov, Candidate of Philosophical Sciences, Associated Professor of the Department of Social and Economical Management, The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Russia

e-mail: yuriy-sedov@mail.ru

The paper was submitted: 10.10.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

«ЗАПАДНАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ» И «ВОСТОЧНАЯ МЕДИТАЦИЯ» В УЧЕНИИ ОШО О ДУХОВНОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Ю. А. Уймина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: yulia.uimina@yandex.ru

Аннотация. Ошо Раджниш – один из самых противоречивых учителей неоиндуизма. Как в зеркале, он в своем учении отразил передовые идеи своего времени, провозгласил те принципы, которые являются желанными и актуальными для современного человека. Несмотря на широкую известность личности Ошо, его значимость как духовного лидера и основателя оригинальной религиозно-философской системы, а также значимость его учения и идей в фокусе духовного совершенствования человека остаются недооцененными. Нерешенным остается вопрос о систематизации учения Раджниша. Главная цель учения Ошо – духовное совершенствование человека, возвращение его к «естественному» состоянию бытия, для этого он соединяет самые разные пути духовного развития, доступные человечеству, в единое целое, заимствует и перерабатывает ключевые, на его взгляд, идеи религиозно-философских теорий Востока и Запада. Учение, которое включает такое количество этих своеобразных «выжимок», не создавалось ни до, ни после Ошо. Все вышеперечисленное является причиной неугасающего интереса к этому духовному лидеру.

В данной статье рассматриваются особенности метода духовного совершенствования человека, которые предлагает неоиндуистский наставник Ошо: соединение «западной психотерапии» и «восточной медитации». Цель настоящей статьи – проанализировать метод Ошо: каким образом в учении гуру сочетаются и интерпретируются «западная психотерапия» и «восточная медитация» для выявления целостной системы воззрений Ошо о духовном совершенствовании человека. Задачи статьи: 1. Выявить, в каком ключе неоиндуистский наставник обращается к западным философским воззрениям, 2. рассмотреть особенности заимствования и интерпретации Ошо западных философских концепций, 3. проанализировать «Метод Ошо» духовного совершенствования человека, включающий в себя два этапа: «разоблачение эго» и «возвращение в естественное» путем «западной психотерапии» и «восточной медитации», 4. рассмотреть особенности медитативных практик Ошо. В исследовании задействованы религиозноведческий, философско-антропологический, и системно-структурный подходы. В данной статье частично отражены некоторые аспекты целостного религиозноведческого анализа антропологического учения Ошо о духовном совершенствовании человека, проведенного впервые. Вследствие данного анализа учение Ошо представлено как целостная гармоничная структура – концепция духовного совершенствования человека, включающая в себя два условных этапа: «разоблачение эго» и «возвращение в естественное» путем использования «западной психотерапии» и «восточной медитации». Выявлено, что методики медитаций Ошо сочетают в себе элементы «западной психотерапии» и «восточной медитации», основаны в общем и целом на системообразующих принципах его учения (осознанности и тотальности), направлены на «внезапное просветление», имеют синкретический характер и могут быть условно разделены на катарсические, созерцательные, медитации центрирования в зависимости от преобладающего метода.

Учение Ошо многогранно и неоднозначно. Для дальнейшего исследования учения Раджниша нужно тонко понимать его внутреннюю логику, различать трактовки одних и тех же понятий, рассматривать их относительно религиозно-философской мысли Ошо в целом. Интерес к учению Раджниша с годами не угасает, что говорит о существовании потребности людей в таком поиске истины, который предложил этот индийский наставник.

Ключевые слова: Неоиндуизм, Ошо, медитации, духовное совершенствование человека, созерцание, осознанность, тотальность.

Для цитирования: Уймина Ю. А. «Западная психотерапия» и «восточная медитация» в учении Ошо о духовном совершенствовании человека // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 93–101, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-93>.

«WESTERN PSYCHOTHERAPY» AND «EASTERN MEDITATION» IN OSHO'S TEACHING OF MAN'S SPIRITUAL PERFECTION

Yu. A. Uymina

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

e-mail: yulia.uimina@yandex.ru

Abstract. *Osho Rajneesh is one of the most controversial neo-Hinduism teachers. Like in a mirror, Osho reflected the main ideas of his time, proclaimed those principles that are desirable and relevant for modern man. Despite Osho's widespread fame, his significance as a spiritual leader and founder of the original religious and philosophical system, the significance of his teachings and ideas in the focus of spiritual improvement of man, remain underestimated. The issue of systematization of Rajneesh teaching remains unresolved. The aim of Osho's teaching is human's spiritual perfection. To achieve this aim, Osho combines diverse ways of spiritual development available to humanity into a single whole. The guru adopts and interprets the key ideas of religious and philosophical theories of the East and the West. The teaching, which includes so many of these peculiar "squeezes", was not created either before or after Osho. All of the above is the reason for the undying interest in this spiritual leader.*

This article discusses Osho's method of man's spiritual perfection: a combination of "Western psychotherapy" and "Eastern meditation". The purpose of this article is to analyze the Osho's method: how "Western psychotherapy" and "Eastern meditation" are combined and interpreted in the guru's teaching to identify an integral system of Osho's views on the spiritual perfection of a human. The objectives of the article are: 1. To identify in what key Osho turns to Western philosophical views, 2. to consider the features of Osho's adoption and interpretation of Western philosophical concepts, 3. to analyze the "Osho's Method" of man's spiritual perfection, which includes two stages: "exposing the ego" and "returning to the natural" through "Western psychotherapy" and "Eastern meditation", 4. To consider the features of Osho's meditational practices. The research involves religious studies, philosophical-anthropological, and system-structural approaches. This scientific article partially reflects some aspects of the religious analysis of Osho's anthropological teaching, conducted for the first time. As a result, Osho's teaching is presented as an integral harmonious structure – the concept of spiritual improvement of a man, which includes two conditional stages: "exposing the ego" and "returning to the natural". Osho's meditations are based on two system-forming principles (consciousness and totality), aimed at "sudden enlightenment", have a syncretic character and can be conditionally divided into cathartic, contemplative and centering, depending on the prevailing method.

For the further research of Osho's teaching it's necessary to understand its inner logic, distinguish the concepts, considering them relative to Osho's religious philosophical thought in general. The interest in Osho's ideas that has not faded over the years, indicates the existence of people's need for such a search for truth, which was proposed by this Indian mentor.

Key words: *Neo-Hinduism, Osho, meditation, human spiritual perfection, contemplation, awareness, totality.*

Cite as: Uymina, Yu. A. (2023) [«Western psychotherapy» and «Eastern meditation» in Osho's teaching of man's spiritual perfection]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 93–101, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-93>.

Введение

Ошо Раджниш – один из самых неординарных и противоречивых современных неоиндуистских наставников. В широком смысле Ошо – «дитя своего времени» – общества потребления и культуры постмодерна, времени информационной открытости, «стирания» границ между государствами в результате тенденции глобализации, взаимопроникновения культур Востока и Запада, времени смены смысловых начал человеческого бытия и поиска альтернативных онтологических ориентиров, в ходе которого западные люди обращаются к неизведанной мистической религиозной культуре Востока, указывающей им новые горизонты на духовном пути.

Несмотря на широкую популярность личности Ошо, мало кто даже из числа его последователей может изложить содержание его взглядов. На сегодняшний день нерешенным остается вопрос о систематизации учения Раджниша. Ошо зачастую разбирают по цитатам, из-за чего теряется целостность, логика и основная мысль учения. Данная статья отражает некоторые аспекты целостного религиозоведческого анализа его антропологического учения о духовном совершенствовании человека, проведенного автором статьи впервые. Данный анализ имеет большую ценность с точки зрения религиоведения и культурологии. Ошо каким-то образом прочувствовал, что необходимо современному человеку, и отразил в своем учении, как в зеркале,

передовые идеи своего времени, провозгласил те принципы, которые являются желанными и актуальными для современного человека. Его религиозно-философское учение основано не на строгих догматах, но на действительном опыте индивида, «живой вере» человека в собственные силы, свою божественность и взаимосвязь с космосом и природой. Он переосмысливает отношение к вопросу религиозности в целом.

Учение неоиндуистского наставника Ошо, на первый взгляд, эклектично, однако при более детальном рассмотрении можно увидеть, что оно пронизано внутренней логикой, а элементы учения образуют стройную систему, основной идеей которой является духовное совершенствование человека. Гуру заимствует и перерабатывает ключевые, на его взгляд, идеи религиозно-философских теорий Востока и Запада¹, интерпретируя их в своем ключе и находя таким образом подтверждение своих собственных взглядов. Ошо глубоко гуманистичен в своих воззрениях, ставит человека, его взаимоотношения с Богом, с природой, окружающим миром и космосом, с другими людьми на первое место. Объединив в своем учении элементы «западной психотерапии» и «восточной медитации» [6, с. 289], Раджниш сделал свое учение близким и понятным западному человеку, рационально обоснованным. В то же время, применение «внеумственных» методов созерцания и медитации открыло западному человеку новые грани познания беспредельной и абсолютной божественности, его собственному божественного «я». В каком-то смысле учение Ошо стало тем мостом, который соединил Восток, «тянувшийся» к Западу через учения неоиндуизма, и Запад, обратившийся к Востоку с потребностью утоления духовной жажды.

В данной статье автор ставит перед собой цель – проанализировать метод Ошо: каким образом в учении гуру сочетаются и интерпретируются «западная психотерапия» и «восточная медитация» для выявления целостной системы воззрений Ошо о духовном совершенствовании человека. Исходя из этой цели автором были поставлены следующие задачи: 1. Выявить, в каком ключе неоиндуистский наставник обращается к западным философским воззрениям, 2. рассмотреть особенности заимствования и интерпретации Ошо западных философских концепций, 3. проанализировать «Метод Ошо» духовного совершенствования человека, включающий в себя два этапа: «разоблачение эго» и «возвращение в естественное» путем «западной психотерапии» и «восточной медита-

ции», 4. рассмотреть особенности медитативных практик Ошо.

В исследовании задействованы религиозно-философский, философско-антропологический и системно-структурный подходы. Религиоведческий подход в рамках текущей работы предполагает взгляд «извне» на религиозно-философское учение Ошо. Автор максимально объективно исследует религиозно-философские взгляды неоиндуистского наставника и рассматривает его учение как социокультурный феномен современности. Философско-антропологический подход применяется автором, поскольку предмет исследования, учение неоиндуистского наставника Ошо, имеет философско-антропологический характер – оно нацелено прежде всего на человека. Для лучшего понимания и интерпретации метода Ошо использован системно-структурный подход: автор выделяет в методе два условных этапа духовного совершенствования человека.

В результате данного исследования можно выявить особенности метода духовного совершенствования человека неоиндуистского наставника Ошо Раджниша, понять цель и логику его учения, содержание его религиозно-философских взглядов на духовное совершенствование человека в целом, осознать важность учения и личности Ошо в культурологии и религиоведении.

Западные философские концепции в учении Ошо

Рассмотрим подробнее, в каком ключе Ошо обращается к «западной психотерапии». Исследователь его творчества А. С. Сиргия отмечает, что Ошо «наибольшее внимание уделял именно тем концепциям европейской философии и культуры, в которых проблеме человека отводится главенствующая роль» [9, с. 74]. Раджниш, несомненно, был знаком с западной философией, хорошо знал учения И. Канта, Г. Ф. Гегеля, М. Хайдеггера – книги этих философов можно назвать настольными для гуру. Однако в первую очередь гуру обращается к философским учениям Древней Греции, воззрениям Гераклита, Диогена, но в особенности близки ему философские позиции Сократа и Платона. Ошо рассуждает о воззрениях Сократа в своих беседах «И здесь, и сейчас: о бессмертии души и смысле жизни», «Творчество», «Библия Раджниша» и др. Неоиндуистского наставника привлекают многие идеи Сократа, например, об устройстве социума (идея меритократии), однако Ошо придает учению Сократа о человеке особое значение: греческий

¹ Ошо создал учение, в котором объединил элементы различных религиозно-философских концепций: буддизма тхеравады, дзэн-буддизма, индуизма, суфизма, лоаяты, даосизма и джайнизма, а также индуистской тантры. Раджниш обращался и к западным философским теориям и направлениям, к примеру, философии Ф. Ницше, психоанализу З. Фрейда, учениям философов-экзистенциалистов.

философ отводил человеку главную роль в процессе познания, вернее, самопознания. Исследователь А. В. Ващенко справедливо отмечает, что «все философские проблемы были сформулированы уже в античности и последующее развитие философского знания – это, по сути, поиск ответов на поставленные древними мудрецами вопросы» [1, с. 25]. Таким образом, поворачиваясь к самому себе и пытаясь найти ответ на мировоззренческий вопрос «Кто я?», человек не только формирует себя как личность, но и пытается познать свою истинную суть. Именно познание своей истинной (а в контексте учения Ошо и *божественной*) сути является главной целью учения Раджниша, поэтому неоиндуистскому наставнику так близка философская мысль Сократа. Ошо разделяет взгляды философа и на проблему возможности достижения человеком истинного знания: «Я знаю, что я ничего не знаю» – кредо Сократа – становится определяющей позицией и для неоиндуистского наставника. А. С. Сиргия подмечает, что ирония Раджниша во многом напоминает сократическую иронию, а сомнение как философская позиция, так же, как и Сократу, «служит Раджнишу предпосылкой для обращения человека к рефлексии над основаниями своего мышления и самой жизни» [9, с. 76]. Сомнение, согласно Ошо, – это «знак вопроса», «открытые двери», его стремление самому исследовать, познавать истину. Гуру говорит о сомнении как необходимой для духовного роста составляющей, оно естественно, и «единственное, что выделяет человека из животного мира – это его “знак вопроса”» [3, с. 11]. Сомнение – «привилегия человека» [18, с. 105], оно дает человеку стимул познавать самого себя, свой внутренний мир, что является ключевым моментом, своего рода отправной точкой в вопросе его духовного совершенствования.

Далее, Ошо обращается и к более поздним западным учениям, особое внимание уделяя трудам Ф. Ницше, З. Фрейда, Ж.-П. Сартра, а также В. Райха. Ф. Ницше оказал большое влияние на формирование учения Раджниша о человеке. Сам неоиндуистский наставник считал Ф. Ницше «величайшим философом», «прирожденным мистиком» [14, р. 3]. Фридриху Ницше Ошо посвящает свои беседы «Заратустра: танцующий Бог», «Заратустра: смеющийся пророк» (1987). Раджнишу импонировал скептический настрой немецкого философа относительно морали и религии, а концепция «нового человека» Ошо напоминает «сверхчеловека» Ф. Ницше. Сам философ так определял человека: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком» [2, с. 10]. По словам исследователя С. А. Ос-

мановой, сверхчеловек Ф. Ницше «представляет собой существо, которое смогло найти в себе силы подняться над толпой, существо, преодолевшее надуманные ограничения предрассудков и заскоружных обычаев. Это великий гений, способный творить историю по своей воле, не оглядываясь на мнение толпы»². Мог ли Ошо, критикующий догматизм в религиях, выступающий за преодоление социальных и моральных норм и ограничений, подвигающий своих последователей жить тотально и полноценно, остаться равнодушным к учению Ф. Ницше? Ответ очевиден, и все же, как утверждает А. С. Сиргия, «Новый человек» Ошо «отличен от сверхчеловека Ф. Ницше», поскольку он «просто человек, осознающий живую целостность и единство реального мира, человек, ставший достаточно зрелым, чтобы постоянно выходить за пределы самого себя» [9, с. 80]. «Ното повус» Ошо – человек безо всякого «сверх», стремления стать выше или лучше других, обыкновенный, но живущий осознанно и полноценно. Ошо соглашается и с мнением философа о том, что творческие люди, мыслящие неординарно, вернее, в большей степени чувствующие взаимосвязь с миром, – писатели, поэты, художники, музыканты – необходимы обществу, т.к. они обладают качеством спонтанности, способностью мыслить и действовать неординарно, жить «во всей полноте», *тотально*. Неоиндуистский наставник также заимствует из «Речи Заратустры» Ф. Ницше различную символику, к примеру, змеи и орла, олицетворяющих мудрость и свободу [15, р. 13], а также символику верблюда, льва и ребенка, когда говорит о стадиях духовного совершенствования и становления «нового человека». Впрочем, данная символика присутствует также и в учении суфиев [10, с. 54].

Философия экзистенциализма также во многом близка идеям Ошо. Согласно Раджнишу, современный человек «постоянно находится в кризисе», в состоянии напряжения и беспокойства. Говоря о противоречивости человеческой натуры, Ошо обращается к философским взглядам Ж.-П. Сартра, который определяет человека следующим образом: «Для экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал» [8, с. 320]. Нельзя сказать, что позиция Ошо идет вразрез с точкой зрения философа. Неоиндуистский учитель соглашается с Ж.-П. Сартром, когда говорит о самопознании, о сомне-

² Османова С. А., Цинпаева Ф. С. Модель сверхчеловека по Ф. Ницше: основные предпосылки и их анализ // Молодой ученый. – 2018. – № 40 (226). – С. 235.

нии как определяющей мировоззренческой позиции, об ответственности человека за самого себя, отрицает существование бога, признавая, однако, понятие «божественности». Так же, как и французский мыслитель, Ошо критикует рационализм в качестве основного метода познания истины [9, с. 85], но делает это в своем ключе: «Жан-Поль Сартр прав, назвав другого адом. Но все же <...>. Весь ад – в тебе, в твоей немедитативности, в твоей неспособности быть одному и самому наполнить свое существование ликованием. Вы оба неспособны на это» [4, с. 285].

Обращается Раджниш и к философам психоаналитического направления, например, к К. Г. Юнгу и З. Фрейду. Ошо считает психоанализ весьма полезным, но лишь до определенной степени. Согласно гуру, этот метод «не объясняет смысла жизни, не показывает ее значимости, не выводит за пределы жизни и смерти»³, не способствует рождению целостной души – люди остаются такими же «фрагментарными». Метод З. Фрейда делает людей лишь «чуть менее несчастными», помогая связать цепь каких-либо событий, мыслей, эмоций воедино, но не способен выйти «за пределы ума». Цель психоанализа, считает Ошо, «не так уж велика: всего лишь помочь человеку стать нормальным», однако «не дает ему ощущения полного единства» [6, с. 270]. Человеку же необходимо отбросить сознательный ум, «проникнув в область сверхсознания» [9, с. 83].

В. Райха Ошо считает «уникальным гением, способным видеть и чувствовать недоступное обыкновенным людям» [7, с. 61]. А. С. Сиргия отмечает, что общим для методов В. Райха и учения Ошо является «работа над вскрытием телесных и психоэнергетических блоков» [9, с. 22], которые приобретаются в процессе аккультурации: любое умственное нарушение отражается в теле человека, и дух человека невозможно освободить, не избавившись от таких энергетических блоков.

В общем и целом, Ошо считает, что философские концепции Запада не могут обеспечить для человека истинный духовный рост, но способны лишь «подготовить почву» для него: сделать человека мыслящим, «нормальным», способным осознавать себя и концентрироваться. Дальнейшее духовное осознание человека, согласно гуру, возможно лишь только посредством медитации.

Метод Ошо: «Западная психотерапия»

Метод Ошо представляет собой, с одной стороны, «разоблачение» эго человека, раскрытие истинных мотивов его действий (в этом, на его взгляд, может помочь «западная психотерапия»),

с другой, – возвращение его в некое естественное состояние божественности и единства с миром (для этого необходимо использовать методы «восточной медитации»). Поэтому уместно было бы рассматривать учение Ошо разделенным на два условных *этапа*: «разоблачение эго» и «возвращение в естественное». Данные этапы происходят в большей степени параллельно, чем последовательно: освобождаясь от эго, человек одновременно становится естественнее.

Этап «разоблачения эго» в учении Ошо связан именно с «западной психотерапией» и с логической и практической точек зрения является более ранним. Процесс «разоблачения эго» представляет собой выявление истинных мыслей, намерений человека, освобождения его личности от различных «наслоений», чтобы в конечном итоге, человек мог прийти в состояние безмыслия, «пустого бамбука», которое можно было бы описать как состояние полной осознанности, безмятежного спокойствия и наблюдения. Процесс «разоблачения эго» можно было бы сравнить с процессом очищения луковицы, который Ошо подразделяет на несколько слоев: первый слой, или слой «социальной смазки»⁴, самый поверхностный, он «обеспечивает гладкость взаимодействия» с социумом [5, с. 39]. Второй слой «ролевых игр», подразумевающий социальные роли. Ошо также называет его «игровым слоем» [5, с. 40]. В третьем слое («хаос») царят «энергии без правил», которые пугают человека, из-за чего он боится продвигаться «внутрь себя»: подразумеваются внутренние побуждения и истинные чувства и эмоции человека. Четвертый «слой смерти» подразумевает смерть человеческого эго. Чтобы прийти данный уровень, считает гуру, необходимо «признать смерть», сохранять бдительность, а также обращаться к наставнику. В этом случае человек может прийти к пятому слою («слою жизни»), находящемуся «за пределами смерти». Если же человек по-прежнему осознан, он переходит этот слой «наслаждения, радости, блаженства» – и оказывается в центре, «сердцевине», который Ошо также называет «трансцендентальным слоем» [5, с. 52], где и приходит к осознанию своей божественной сути, «возвращаясь в естественность»: «Знание возможно лишь тогда, когда ты выходишь за пределы жизни и смерти» [5, с. 55]. Вышеперечисленные слои эго мешают человеку осознать высшее духовное начало, поэтому их необходимо «разбить», для чего нужно быть бдительным, осознанным и обладать способностью наблюдения за собой со стороны [16, р. 29]: быть «бездеятельным свидетелем», «безмолвным наблюдателем» [13, р. 8, 13].

³ На это, считает гуру, способна лишь медитация.

⁴ Ошо ссылается на Ф. Перлза, основателя гештальт-терапии.

Метод Ошо: «Восточная медитация»

Неоиндуистского наставника интересует именно практическая сторона проблемы духовного совершенствования человека, а именно *как* достигнуть состояния безмыслия или «пустого бамбука», как почувствовать «вкус божественного». Согласно Раджнишу, человек не может духовно совершенствоваться лишь с помощью психоанализа, поскольку это является только «подготовительным этапом». Человеку необходимо вернуться в естественное состояние неразделенности с бытием, Богом, «ничто», изначально ему присущим, через «восточную медитацию». Ошо дает некоторые рекомендации, например, пребывать в тишине и покое, наедине с природой, в молчании и бездействии⁵, однако отмечает при этом, что это трудновыполнимо для современного человека, живущего в высоком жизненном темпе. В своих беседах Раджниш неоднократно отмечает, что «западный ум очень нетерпелив» [5, с. 194], и поэтому ему необходимо предварительное очищение.

Для того чтобы избавить адептов от лишних эмоций, мешающих пробраться сквозь слои эго к трансцендентальному знанию, прийти в состояние безмыслия, Ошо разработал катарсические методы медитаций. Это техники «очищения», в ходе которых происходит эмоциональное высвобождение, ведущее к естественному расслаблению тела и ума⁶: «я создаю техники (медитации – Ю.У.) <...> для любого (человека – Ю.У.) – будь он с Запада или с Востока» [5, с. 194]. Можно сказать, что в катарсических медитациях Раджниша «сходятся» методы «западной психотерапии» и «восточной медитации»: посредством катарсиса человек освобождается от лишних эмоций, переживаний, успокаивает свой ум, становится более созерцательным, то есть в состоянии, противоположном активному действию.

После освобождения от эмоциональной и умственной перегруженности человеку легче прийти к состоянию «пустого бамбука», которое помогает обрести осознанность, жить, откликаясь на окружающий мир. Ошо выделяет несколько этапов осознанности, соответственно, осознанности тела, мыслей и чувств. Эти этапы человек проходит последовательно, постепенно включая один из них в другой: первый шаг – внимание к своему телу, затем второй шаг – осознание своих мыслей. Когда ум и тело человека находятся в покое, они «сонастроены друг с другом» [17, р. 18–19]. Третий шаг – осознание чувств, эмоций, настроения.

Как только происходит осознание этих трех слоев, они соединяются в одно явление – тогда случается «предельная осознанность» [Ibid.], или максима осознанности – состояние, которое обозначает вершину духовных устремлений человека: проявляя бдительность, наблюдательность, можно обрести просветление.

Раджниш воплощает идею осознанности и на практике: поскольку одного катарсиса для предельной осознанности недостаточно, он творчески заимствует для своего ашрама методики, нацеленные на сосредоточение, наблюдение, созерцание⁷, взятые из практик йоги, буддизма, даосизма и других учений. Некоторые методики неоиндуистского наставника нацелены на развитие центрированности, вовлеченности, тотальности⁸ человека, но в них также большое внимание уделяется осознанности. Было бы ошибочно делать строгое деление техник медитаций Ошо на катарсические, созерцательные и тотальные (медитации центрирования): каждая медитация имеет несколько этапов, в которых одна методика может сменяться другой, – уместно лишь говорить о преобладающей методике в той или иной медитации. Помимо медитаций, Ошо активно практиковал *самсанг*, беседы, в ходе которых наставлял своих учеников, создавая «моменты тишины», в ходе которых через состояние безмыслия последователи также могли прийти к осознанности.

Подобно Дж. Руми, из учения и практик которого (Ордена Маулавия) был перенят священный танец дервишей (суфийские кружения), «головокружительный хоровод планет, наполняющий космос божественной радостью» [11, с. 92]. Ошо уделял большое внимание звуковому и музыкальному наполнению медитаций, поскольку, как и Дж. Руми, он полагал, что музыка имеет большое влияние на человека и помогает ему прийти в особое состояние безмыслия и стать чувствительным к «тонким воздействиям незримых высших миров» [12, с. 13]. Для каждой медитации придуман особый звукоряд, разбитый на несколько частей (стадий), разделяемых звуками гонга. Самые известные медитации Ошо: «Динамическая медитация», «Кундалини», «Надабрама», «Випассана», «Мандала», «Гуришанкар», «Суфийские кружения», «Чакровое дыхание», «Золотой свет» и др.

Соединив таким образом восточные и западные учения, Ошо создает некий синтез, комплекс теоретический знаний и практического их осуществления, способствующий воплощению главной цели учения гуру – достижения естественного божест-

⁵ Которое понимается как отсутствие стремления, цели, т. е. «пребывание», а не «стремление».

⁶ К примеру, «Динамическая» медитация, «Кундалини», «Натарадж».

⁷ К примеру, в медитациях «Випассана», «Надабрама», «Мандала» и др.

⁸ К примеру, медитации «Натарадж», «Суфийские кружения».

венного состояния человека путем его духовного совершенствования.

Заключение

В результате проведенного исследования в данной статье автор выявляет особенности метода духовного совершенствования человека неоиндуистского наставника Ошо Раджниша: соединение «западной психотерапии» и «восточной медитации». Автором рассмотрено, в каком ключе неоиндуистский наставник Ошо обращается к западным философским воззрениям, проанализированы особенности заимствования и интерпретации Ошо западных философских концепций. Определены особенности «Метода Ошо», включающего в себя два параллельных этапа: «разоблачение эго» и «возвращение в естественное»; рассмотрены особенности медитативных практик Ошо, сделана их систематизация относительно преобладающего метода. Данное исследование помогает лучше понять логику учения неоиндуистского наставника, содержание его религиозно-философских взглядов на духовное совершенствование человека в целом, осознать роль личности Ошо в культурологии и религиоведении, рассмотреть его учение как социокультурный феномен современности.

Метод Ошо, представляющий собой соединение «западной психотерапии» и «восточной медитации» представляет собой поэтапное «возвращение» человека к «естественному» «божественному» духовно совершенному состоянию и включает два этапа: «разоблачение эго», его «слоев» с помощью «западной психотерапии» и «возвращение в естественное» путем «восточной медитации». В результате прохождения данных этапов, считает Ошо, человек становится осознанным и тотальным в своих

мыслях, словах и действиях. Вершина духовных устремлений человека – предельная осознанность и тотальность, ведущая к «естественному» состоянию бытия, которое возможно достичь с помощью различных методов медитации. Медитации Ошо представляют собой синтез различных методов, взятых из практик восточных религиозных учений, и могут быть условно разделены на катарсические медитации, медитации сосредоточения и центрирования. Благодаря медитациям, считает Ошо, человек может прийти к максимальной осознанности и тотальности, «естественному» «божественному» состоянию бытия.

Ошо попытался целостно подойти к вопросу самопознания и самосовершенствования человека, задействовав для своего учения все известные ему концепции и практические методики. Он был одним из первых мыслителей своего времени, который соединил в своем ключе восточные и западные методы самопознания: рациональный и нерациональный, философию, психоанализ и медитацию. Человеческое существо бесконечно многогранно, и чтобы человек мог познать самого себя, недостаточно изучать философию, психологию или религии, считает Ошо, – данные области знания могут лишь частично помочь человеку в процессе самопознания. Объединив таким образом Восток и Запад и интегрировав различные концепции и методики, Ошо создает некий синтез, свое учение о духовном совершенствовании человека. Для дальнейшего изучения наследия Ошо исследователю нужно понять и тонко прочувствовать внутреннюю логику учения этого неоиндуистского наставника, различать трактовки одних и тех же понятий в зависимости от контекста, рассматривать их относительно религиозно-философской мысли Ошо в целом.

Литература

1. Ващенко А. В. Самопознание в античной философской мысли и христианской традиции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2020. – Том 21. – № 2. – С. 24–31, <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.21.2.002>. EDN: TLFXAE.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Пер. с нем. Антоновский Ю. М. – СПб.: Азбука – Агтикус, – 2014. – 348 с.
3. Ошо Библия Раджниша: Пер. с англ. Ф. Садыкова, С. Штейнман. – М.: Либрис, 1995. – Т. 3, ч. 1. – 384 с.
4. Ошо Белый Лотос: беседы о Мастере дзэн Бодхидхарме: Пер. с англ. Б. Андрущенко, Н. Гончарова. – М.: София, – 2012. – 320 с.
5. Ошо Просветление – наша истинная природа: Пер. с англ. Е. Мирошниченко. – М.: София, – 2012. – 256 с.
6. Ошо Автобиография духовно неправильного мистика: Пер. с англ. Т. В. Лебедевой. – СПб.: Весь, – 2015. – 416 с.
7. Ошо И здесь, и сейчас. О бессмертии души и смысле жизни: Пер. с англ. Ма Прем Пуджа. – М.: София, 2017. – 256 с.
8. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
9. Сиргия А. С. Творчество Раджниша в контексте взаимодействия культур Востока и Запада: дис. ... канд. филос. наук. – СПб., – 2013. – 160 с.

10. Уймина Ю. А. Суфизм как один из источников учения Ошо (Шри Раджниша) // Религиоведение. – 2017. – № 2. – С. 51–58, <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2017.2.51-57>. EDN: ZFAGAX.
11. Хусейнов Н. М. Общепедагогические идеи в суфийской поэзии средневекового Востока (на основе анализа поэтических трактатов Санаи, Аттара и Джалалиддина Руми): дис. ... канд. пед. наук. – Душанбе, – 2016. – 210 с.
12. Щедровицкий Д. Руми Дж. Дорога превращений: суфийские притчи: Пер. с фарси Д. Щедровицкого. – М.: ОКЛИК, – 2007. – С. 9–22.
13. Osho (1980) *The Orange book. The meditation techniques of Bhagwan Shree Rajneesh*: Ed. by Ma Yoga Laxmi, Bombay: Usha Offset Printers Pv, – 228 p. – URL: <https://oshorajneesh.com/download/osho-books/Meditation/OrangeBook.pdf> (accessed: 16.09.2022).
14. Osho (1987) *Zarathustra: A God That Can Dance*. Commentaries on Friedrich Nietzsche's Thus Spoke Zarathustra. – URL: https://oshorajneesh.com/download/osho-books/western_mystics/Zarathustra:_A_God_That_Can_Dance.pdf (accessed: 16.09.2022).
15. Osho (1987) *Zarathustra: The Laughing Prophet*. Commentaries on Friedrich Nietzsche's Thus Spoke Zarathustra: Ed. by Ma A. Shanti, Ma M. Suvarna. – URL: https://oshorajneesh.com/download/osho-books/western_mystics/Zarathustra_the_Laughing_Prophet.pdf (accessed: 16.09.2022).
16. Osho (1996) *The Inner Journey*. Pune: The Rebel Publishing House, – 270 p.
17. Osho (2001) *Awareness: The Key to Living in Balance*. New York: St. Martin's Griffin Press, – 208 p.
18. Osho (2009) *The wisdom of the sands. Sufism: a way into the Mysteries of Existence. Volume 1*. – India, Mumbai: Thomas Press Ltd, – 262 p.

References

1. Vaschenko, A. V. (2020) [Self-knowledge in Ancient Philosophical Thought and Christian Tradition]. *Vestnik Russkoi Hristianskoi Gumanitarnoi Akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]. Vol. 21, No. 2, pp. 24–31. (In Russ.).
2. Nietzsche, F. (2014) *Tak govoril Zarathustra* [Thus spoke Zarathustra]. St.Petersburg: Azbuka – Atticus, 348 p.
3. Osho (1995) *Biblia Rajnisha* [Rajneesh Bible]. Vol. 3, Part 1, Moscow: Libris, 384 p.
4. Osho (2012) *Belii lotos: besedi o mastere dzen Bodhidharma* [The white lotus: talks about Bodhidharma zen master]. Moscow: Sofia, 320 p.
5. Osho (2012) *Prosvetlenie – nasha istinnaya priroda* [Enlightenment is our true nature]. Moscow: Sofia, 256 p.
6. Osho (2015) *Avtobiografiya duhovno nepravilnogo mistika* [Autobiography of spiritually incorrect mystic]. St. Petersburg: Ves, 416 p.
7. Osho (2017) *Izdes i seichas. O bessmertii dushi I smisle zhizni* [And now and there. About the immortality of the soul and the meaning of life]. Moscow: Sofia, 256 p.
8. Sartre, J. P. (1989) *Ekzistencializm eto gumanizm* [Existentialism is humanism]. In: *Sumerki bogov* [Twilight of the gods]. Moscow: Poliizdat, pp. 319–344.
9. Sirgia, A. S. (2013) *Tvorchestvo Rajnisha v kontekste vzaimodeistvia kultur Vostoka i Zapada. Kand. Diss.* [Rajneesh's creativity in the context of the interaction of East and West cultures. Cand.Diss]. St.Petersburg, 160 p.
10. Uimina, U. A. (2017) [Sufism as one of the sources of Osho's (Shri Rajneesh) teaching]. *Religiovedenie* [Religious studies]. Vol. 2, pp. 51–58. (In Russ.).
11. Huseinov, N. M. (2016) *Obschepedagogicheskie idei v sufiiskoi poezii srednevekovogo Vostoka (na osnove analiza poeticheskikh traktatov Snai, Attara, Dzhallaladdina Rumi)* *Kand. Diss.* [General pedagogical ideas in Sufi poetry of the Medieval East (based on the analysis of the poetic treatises of Sanai, Attar and Jalaliddin Rumi) Cand. Diss.]. Dushanbe, 210 p.
12. Schedrovickii, D., Rumi, J. (2007) *Doroga prevraschenii: sudiiskie pritchi* [The Road of Transformations: Sufi Parables]. Moscow: Oklik, pp. 9–22. (In Russ.).
13. Osho (1980) *The Orange book. The meditation techniques of Bhagwan Shree Rajneesh*. Available at: <https://oshorajneesh.com/download/osho-books/Meditation/OrangeBook.pdf> (accessed: 16.09.2022). (In Eng.).
14. Osho (1987) *Zarathustra: A God That Can Dance*. Commentaries on Friedrich Nietzsche's Thus Spoke Zarathustra. Available at: https://oshorajneesh.com/download/osho-books/western_mystics/Zarathustra:_A_God_That_Can_Dance.pdf (accessed: 16.09.2022). (In Eng.).
15. Osho (1987) *Zarathustra: The Laughing Prophet*. Commentaries on Friedrich Nietzsche's Thus Spoke Zarathustra. Available at: https://oshorajneesh.com/download/osho-books/western_mystics/Zarathustra_the_Laughing_Prophet.pdf (accessed: 16.09.2022). (In Eng.).

16. Osho (1996) The Inner Journey. Pune: The Rebel Publishing House, 270 p. (In Eng.).
17. Osho (2001) Awareness: The Key to Living in Balance. New York: St. Martin's Griffin Press, 208 p. (In Eng.).
18. Osho (2009) The wisdom of the sands. Sufism: a way into the Mysteries of Existence. Vol. 1. India, Mumbai: Thomas Press Ltd, 262 p. (In Eng.).

Информация об авторе:

Юлия Анатольевна Уймина, ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: yulia.uimina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 04.10.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Yulia Anatolyevna Uimina, Assistant of the Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
e-mail: yulia.uimina@yandex.ru

The paper was submitted: 04.10.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

КОНЦЕПЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ ВРЕМЁН В ОСМЫСЛЕНИИ БЫТИЯ ПРОШЛОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д. А. Щербаков

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия

e-mail: am720@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является выявление и определение зависимости онтологических представлений о бытии прошлой реальности от мышления в рамках конкурирующих концепций универсального времени и множественности времён. Методами исследования послужили репрезентация, сравнение и онтологический анализ различных представлений о сущности и природе времени, синтез и философская критика следствий, вытекающих из конкурирующих концепций множественности времён и концепции единого универсального времени в отношении определения онтологических характеристик прошлой реальности. В статье дана репрезентация нескольких вариантов концепций множественности времён, одни из которых строятся на основе теории относительности, другие исходят из онтологических различий процессов различных форм бытия – бытия материального, духовного, личностного и социального. Показано, что в ряде случаев в концепциях множественности времён ошибочно отождествляются время само по себе и представление о времени, как конструкт разума, что служит причиной некорректного приписывания времени нетипичных парадоксальных свойств, таких как инверсия – возможность его движения вспять, неопределённость прошлого, настоящего и будущего, изменчивость прошлого и других. Автор приводит критические аргументы, опровергающие представления о возможности перемены мест событий и состояний реальности во временных отношениях «раньше / позже», то есть в последовательности их появления и исчезновения, а также некорректные мнения о возможности изменчивости прошлого под влиянием процессов, протекающих в настоящем и имеющих место быть в будущем. В ходе исследования обосновывается мысль о том, что четкое и однозначное разграничение прошлого и настоящего объективной реальности невозможно с точки зрения представлений о множественности времён и возможно лишь в концептуальном поле теорий, признающих единство мира и использующих единую шкалу универсального времени, общего для процессов и событий, имеющих различные онтологические характеристики и протекающих в сколь угодно удалённых друг от друга местах пространства в разных инерциальных системах отсчёта.

Ключевые слова: концепции времени, прошлая реальность, онтология, бытие, история.

Для цитирования: Щербаков Д. А. Концепции универсального времени и множественности времён в осмыслении бытия прошлой реальности // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 102–111, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-102>.

CONCEPTS OF UNIVERSAL TIME AND MULTIPLICITY OF TIMES IN UNDERSTANDING THE EXISTENCE OF PAST REALITY

D. A. Shcherbakov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

e-mail: am720@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify and determine the dependence of ontological ideas about the existence of past reality on thinking within the framework of competing concepts of universal time and multiplicity of times. The methods of research were the representation, comparison and ontological analysis of various ideas about the essence and nature of time, synthesis and philosophical criticism of the consequences arising from competing concepts of the multiplicity of times and the concept of a single universal time in relation to the definition of ontological characteristics of past reality. The article gives a representation of several versions of the concepts of multiplicity of times, some of which are based on the theory of relativity, others proceed from ontological differences in the processes of various forms of being – being material, spiritual, personal and social. It has been shown that in some cases, in the concepts of multiplicity of times, time itself and the idea of time as a construct of the mind are mistakenly identified, which serves as the reason for the incorrect attribution of time to atypical paradoxical properties, such as inversion – the possibility of its movement to reverse, the uncertainty of the past,

present and future, the variability of the past and others. The author gives critical arguments refuting ideas about the possibility of changing the places of events and states of reality in the time relationship "earlier/later," that is, in the sequence of their appearance and disappearance, as well as incorrect opinions about the possibility of variability of the past under the influence of processes that take place in the present and have to be in the future. The study justifies the idea that a clear and unambiguous distinction between past and present objective reality is impossible from the point of view of ideas about the multiplicity of times and is possible only in the conceptual field of theories, recognizing the unity of the world and using a single scale of universal time common to processes and events, having different ontological characteristics and flowing in arbitrarily distant places of space in different inertial reference systems.

Key words: *concepts of time, past reality, ontology, being, history.*

Cite as: Shcherbakov, D. A. (2023) [Concepts of universal time and multiplicity of times in understanding the existence of past reality]. *Intellect. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 102–111, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-102>.

Введение

Целью статьи является выявление и определение зависимости онтологических представлений о бытии прошлой реальности от мышления в рамках конкурирующих концепций универсального времени и множественности времён. Задачами, которые предстоит решить для достижения поставленной цели, являются репрезентация концепции универсального времени и представлений о множественности времён, критика вытекающей из концепций множественности времён релятивизации прошлого, аргументация представлений об универсальном времени и единстве мира и обоснование абсолютности и однозначности деления реальности на прошлое и настоящее в рамках этих концепций.

Актуальность исследования обусловлена фундаментальной онтологической значимостью осмысления проблемы времени, постоянным научным и философским интересом к определению онтологического статуса прошлой реальности.

Данное исследование – это попытка показать, что исторические и природные, духовные и материальные процессы, несмотря на свои онтологические различия и принадлежность к различным удалённым друг от друга инерциальным системам отсчёта, могут быть осознаны, сопоставлены и упорядочены по единой шкале универсального времени, так как все эти столь различные процессы составляют единую реальность мира и поэтому все события чётко и однозначно, в абсолютном масштабе распадаются на прошлые, настоящие и будущие.

Методами исследования послужили репрезентация, сравнение и онтологический анализ различных представлений о сущности и природе времени, синтез и философская критика следствий, вытекающих из конкурирующих концепций множественности времён и концепции единого универсального времени в отношении определения онтологических характеристик прошлой реальности.

Теоретическая база исследования представляет собой корпус классических и неклассических идей и теорий, разрабатываемых в различных областях науки и философии и посвящённых постижению

сущности и природы времени, описанию и определению его свойств. Представляемая работа опирается на базовые сведения о проблеме времени, содержащиеся в энциклопедически обобщающих трудах Дж. Уитроу, Ю. Б. Молчанова, И. А. Хасанова, П. П. Гайдено и других авторов. При этом осмысление проблемы включает прочтение и критику современных работ, развивающих неклассические научные и философские представления о времени.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов и выводов данной работы в преподавании соответствующих разделов философии.

Основная часть

Обычно мы думаем о прошлом как о статичном и надёжном регионе бытия и реальности, где всё было именно так, как оно было, где всё неизменно и повлиять на произошедшее и свершившееся уже никак невозможно. Прошлое, таким образом, служит крепкой основой нашей укоренённости в бытии, определяет нашу идентичность, позволяет определённо различать вещи и понимать происходящее. Хорошее или плохое, прошлое есть дом и поле нашего опыта, оно служит нам своими образцами и уроками.

Однако самоуспокоенность исчезает и внутренняя стабильность нашей экзистенции нарушается при появлении сомнений в неизменности и недоступности прошлой реальности для воздействия извне, то есть из настоящего. Эти сомнения порождаются, в том числе и в результате недостаточно критического понимания и усвоения метафор, идей и положений разнообразных концепций множественности времён, которые развиваются и становятся всё более популярными на протяжении последних ста двадцати лет.

С появлением специальной теории относительности осмысление феномена времени всё чаще стало порождать представления о множественности времён и невозможности однозначного определения границ прошлой реальности и настоящего. Кроме этого, естественнонаучное релятивистское

понимание времени на протяжении XX века осложнялось онтологическими построениями, вводящими в проблемное поле концепции нефизического времени, описывающими и объясняющими специфику процессов и событий различной онтической природы – процессов исторических, включающих политику, экономику, социальные движения и развитие культуры, процессов психических, биологических и иных нематериальных или смешанных – материально-духовных событий.

В результате, как писал Николай Гартман, «единство времени растворили во множественности времен» [5, с. 394]. При этом единый мир, казалось бы, привычный и освоенный, хорошо всем знакомый вдруг распался на множество «миров», где человек заблудился, потерялся и растерялся, всё сильнее утрачивая надежду обретения ясного и отчетливого понимания смысла происходящего вокруг и внутри себя.

Исследователи отмечают, что «помимо природного физического времени существуют и другие, не менее значимые для человека времена, связанные с его собственным существованием и имеющие специфические длительности, масштабы, ритмы: личное, психологическое, экзистенциальное, социальное, историческое» [3, с. 8]. «Все эти времена, в отличие от физического времени, нематериальны и непосредственно не связаны с материей, не регламентируются физическими законами» [3, с. 10]. Концепции множественности времён строятся на основе мысли о том, что время – это характеристика, параметр движения. Так как процессы различных сфер и форм бытия и реальности имеют разную онтологическую природу, разные свойства и характеристики, каждый – свой особый масштаб, ритм и темп, то и время этих процессов, всего того, что в них участвует, у каждого своё.

Рассмотрим и проанализируем ряд разнообразных концепций множественности времён и постараемся увидеть, какие онтологические выводы и предположения могут следовать из них в отношении осознания бытия прошлой реальности. Одной из наиболее известных представляется неклассическая теория времени, развиваемая в релятивистской физике.

Известно, что «в теории относительности понятие абсолютного, единого и универсального времени отвергается в силу определённых, эмпирически обоснованных соображений» [11, с. 119]. Вместо этого в специальной теории относительности утверждается, что «Всякое тело отсчёта (система координат) имеет своё особое время» [4, с. 273]. Само время сводится к показанию часов, находящихся близ события, о времени которого идёт речь, и эти показания отличаются друг от друга в различных инерциальных системах отсчёта в зависимости от местоположения наблюдателя в этих системах и ха-

рактера движения систем. Так, «часы в движущейся системе идут медленнее, чем в состоянии покоя» [4, с. 274]. П. П. Гайденко отмечает, что «В релятивистской физике, а именно в специальной теории относительности, с точки зрения любой выбранной системы отсчёта все часы систем, движущихся равномерно относительно выбранной, кажутся (обратим внимание: кажутся наблюдателю выбранной системы) запаздывающими. Иначе говоря, течение событий, находящихся в относительном движении, замедлено» [4, с. 274–275]. При этом отбрасывается классическое представление о сплошной одновременности всех событий, протекающих в один и тот же момент времени вне зависимости от природы и характера этих процессов и от расстояния между движущимися телами, а это значит, что под сомнение ставится представление о том, что «все события мироздания однозначно делятся на прошедшие, настоящие и будущие» [18, с. 197]. Эйнштейн доказывал, что понятия классической механики об одновременности двух событий, происходящих в разных местах, не имеют физического смысла [7, с. 150]. Вместо понятия о сплошной одновременности утверждается, что «События, одновременные в одной системе, могут оказаться разновременными в другой» [15, с. 42]. Более того, в свете этой теории «относительной (зависящей от системы отсчёта) оказывается не только одновременность событий, но и последовательность их во времени. В зависимости от выбора системы соотношения «раньше» и «позже» иногда даже меняются местами!» [15, с. 57]. Физики утверждают, что «если в системе отсчёта к первое событие (вспышка звезды) произошло раньше второго (выход в свет книги), <...> то можно найти такую систему k' , в которой второе событие произошло раньше первого. Таким образом, для событий рассматриваемого типа понятия «раньше» и «позже» являются относительными» [14, с. 71]. Такие эффекты нарушения порядка во времени зависят от расстояния между событиями и длительности временного интервала между ними. Так, «В теории Эйнштейна, если событие А случилось намного раньше (или же намного позже), чем О, но на небольшом расстоянии от него, последовательность этих событий во времени остаётся такой же во всех системах. Но если события А и О произошли далеко друг от друга и притом разделены небольшим промежутком времени, найдутся системы отсчёта, в которых они одновременны, в которых А следует за О и в которых О следует за А» [15, с. 61].

В общей же теории относительности считается, что «Во всяком гравитационном поле часы будут идти быстрее или медленнее в зависимости от места, где они расположены» [4, с. 280]. Физики утверждают, что вблизи массивных космических объектов время замедляется [19, с. 46]. В общей теории относительности признаётся, что «простран-

ство-время, вообще говоря, неоднородно и что его структура (метрика) определяется распределением и движением материальных масс» [4, с. 284].

Представляется, что из упомянутых положений релятивистской физики следуют не только популяризованные в литературе парадоксы времени, говорящие о его замедлении вблизи массивных космических тел и в движущихся объектах относительно «неподвижной» системы отсчёта, но и гипотезы о возможности передачи информации из настоящего и будущего в прошлое за счёт их смещения, а значит, о возможности воздействовать на прошлую реальность и что-то изменять в ней. Это значит, что нет ничего прочно ставшего, надёжного и неизменного в этом мире – все может вдруг оказаться иным. Человек не будет уверен в том, что он что-то успел или осуществил и его душа не успокоится после хорошо сделанного дела. Теория относительности разрушает представление о недоступности и неизменности прошлой реальности. Британский физик Дэвид Дойч утверждает, что «Уравнения Эйнштейна определённо подразумевают возможность существования путей в прошлое; обнаружено много решений с таким свойством <...> Сейчас мы не знаем ничего в законах физики, что исключало бы путешествие в прошлое» [6, с. 365, 366].

Из некорритически воспринятой теории относительности так же следует мысль о невозможности чёткого и однозначного деления всех событий мироздания, всех состояний реальности на прошлые, настоящие и будущие. Получается, что прошлое и будущее могут «меняться местами» и одно и то же событие для одних наблюдателей оказывается прошлым, для других – настоящим, а для третьих – всего лишь прогнозируемым возможным будущим. При этом степень отдалённости этого события в прошлое или будущее тоже бесконечно варьируется в зависимости от скорости объектов и местоположения наблюдателя. Само событие, таким образом, оказывается и потенциальным и актуальным, и свершившимся, и не свершившимся. Здесь, в этих последних трёх предложениях, стоило бы добавить аристотелевское «в одно и то же время», но в том то и дело, что в релятивистской физике нет «одного и того же» времени и мы мыслим в конфликте и взаимной глухоте двух неконгруэнтных теорий.

Обратим внимание на этот дискурсивный факт – факт невозможности адекватно и внятно сформулировать и высказать мысль о смещении прошлого, настоящего и будущего. Ведь когда мы говорим, что в свете теории относительности одно и то же событие является для одной инерциальной системы отсчёта прошлым, для другой – настоящим, а для третьей – будущим, то мы имеем в виду, что оно является таковым сразу, одновременно, что и вызывает удивление. Думая так, мы вынужденно, не-

заметно и по привычке, следуя здравому смыслу, рассматриваем и квалифицируем происходящее с точки зрения интуитивно принятой концепции единого, вселенского универсального времени. Как это часто отмечают, мы предполагаем Абсолютного Наблюдателя, сразу, одним актом внимания схватывающим всю реальность, весь мир целиком, причём со всех сторон одновременно. Так получается как бы единомоментный срез, всеобъемлющая «фотография» всей мировой реальности, и те её состояния, которые были до этой фиксации – суть прошлое, схваченное изображением состояние есть настоящее, а всё то, что прогнозируется – будущее. Но именно такой эмпирически некорригируемый наблюдатель с такой всемирной позицией и отсутствием в теории относительности. Представление о нём есть метафизическое представление, основанное на интуиции и обыденном здравом смысле. Если отбросить логико-теоретическую путаницу рассматриваемого парадокса, то можно понять, что мы вообще никак не можем квалифицировать некоторое событие как прошлое, настоящее, либо будущее сразу, единомоментно с различных позиций нескольких наблюдателей – мы разделяем события по модусам времени всегда только с одной своей позиции.

Тем не менее, приведём аргументы метафизического мышления, демонстрирующие абсурдность некорритически усвоенных релятивистских мнений о свойствах времени. Так, мы рассматриваем мыслимый на основе теории относительности парадокс, суть которого в том, что ОДНО И ТО ЖЕ событие (состояние реальности) является разным наблюдателям сразу и прошлым, и настоящим, и будущим. Но ведь для события «быть одним и тем же», т.е. самоидентичным, самим собою, означает иметь свою качественную и количественную, а вместе с этим и бытийно-сущностную определённость. «В одно и то же время быть и не быть нельзя» [2, с. 95]. Любой физический объект, будь то туманность, звезда, квазар, планета или вспышка сверхновой или таков, или не таков по своей форме, структуре, взаимному расположению, составу и количеству его компонентов. В нём что-то либо уже свершилось, либо актуально есть, либо только готовится текущими процессами и их тенденциями. Он определён не показаниями внешних по отношению к нему измерительных приборов, не взглядами и впечатлениями различных наблюдателей, удалённых от него в космических масштабах, а только процессами, протекающими в нём самом и его непосредственным взаимодействием с другими объектами. Поэтому любой физический объект не может в одно и то же время быть различным, пребывать в своих различных состояниях, что всегда предполагается отнесённостью к прошлому, настоящему и будущему во временном отношении

«раньше / позже / одновременно». В этой вселенной как в целом, эта чашка для чая на нашей планете или цела или уже разбилась, а этот дом либо уже построен, либо существует ещё только в проекте, вне зависимости от того, как информация об этих маленьких событиях несётся со скоростью света в другие галактики. Чашка не может быть и разбитой и целой одновременно и так же не может быть, чтобы осколки уже разбитой чашки потом сами собой вдруг собрались и воссоединились, как это мы видим в кино при обратном просмотре кадров фильма.

Стоит отметить, что эффект неопределённости событий во временном порядке «раньше / позже / одновременно» возможен только в случае так называемых квазисовременных событий, то есть таких событий, которые не образуют причинно-следственных зависимостей. Сами физики специально разъясняют, что не может быть такого, что «в одной системе волк умирает потому, что в него выстрелили, а в другой – ружьё выстрелило потому, что волк умер <...> Разумеется, никакая наука не может допустить, чтобы следствия предшествовали своим причинам» [15, с. 62].

Но, тем не менее, стоит разобраться и внести ясность в понимание эффекта нарушения временного порядка протекания квазисовременных событий. Представляется, что данное нарушение – это именно эффект, впечатление от событий, фиксация информации, полученной разными наблюдателями посредством световых сигналов, радиоволн. Не сами по себе события меняют своё положение во временном порядке «раньше / позже», не прошлое и будущее меняются местами, а различается восприятие этих событий наблюдателями, удалёнными от них и друг от друга на колоссальные космические расстояния.

Позитивистски мыслящие физики объясняют именно явления – явления в кантовском смысле этого слова. Инструменталистское понимание и использование понятия времени, применяемое в вычислениях, в оперировании данными, полученными в ходе астрономических наблюдений, не нуждается в метафизическом осмыслении сущности времени. «Наука не изучает сущности» [1, с. 58]. Эйнштейн «высказал предположение, что никакого единого и обязательного для всех способа констатировать одновременность нет и не может быть» [15, с. 41]. Мы видим, что здесь имеется в виду только «способ констатации» одновременности, а не отрицание её возможности как таковой. Поэтому не следует думать, что невозможна одновременность удалённых событий, – невозможно экспериментальное установление абсолютной одновременности. Представляется, что те же аргументы справедливы и в рассмотрении эффекта неопределённости порядка «раньше / позже» для одних и тех же событий.

Многочисленные критики теории относительности отмечали, что согласно этой теории все системы отсчёта равноправны, ибо законы природы для всех систем во всех уголках вселенной одинаковы и поэтому так называемое «замедление» времени есть обоюдный кажущийся эффект для каждого из взаимно движущихся космических объектов, а это значит, что в реальности ход часов нигде не замедляется. Объясняя иллюзорность, кажимость, лежащую в основе эйнштейновских парадоксов времени, П. П. Гайденок отмечает, что «Как наблюдателю А кажется, что часы В идут медленнее, так и наблюдатель В в свою очередь полагает, что часы А отстают от его собственных» [4, с. 276]. Кроме этого, неподвижных материальных объектов, как известно, просто нет, поэтому утверждения о том, что время замедляется «в движущейся системе относительно неподвижной» представляются только лишь теоретической абстракцией, в которой не отражается реальное положение дел. Расстояние между двумя объектами и скорость их взаимного сближения, либо удаления всегда суть нечто общее, взаимное для обоих движущихся объектов, какими являются вечно летящие планеты, звёзды и галактики. В нашей земной действительности, с относительно «неподвижными городами и движущимися автомобилями», если автомобиль удаляется от города с некоторой скоростью, то это в том числе значит, что город становится дальше от автомобиля с этой же скоростью и расстояние от города до автомобиля то же самое, что и от автомобиля до города. Не может быть так, чтобы расстояние от Москвы до Челябинска было одно, а от Челябинска до Москвы – другое. Расстояние и скорость изменения этого расстояния всегда изменяются одинаково для обоих взаимно движущихся объектов, и значит время движения для них одно, иначе уравнение не получится. Эти и другие аргументы приводят критиков знаменитых эйнштейновских парадоксов времени к выводу о том, что «Эйнштейн по существу исследует только кажущиеся изменения» [4, с. 276]. Так, уже Бергсон считал, что «Эйнштейн принял способ описания систем за действительность, отражение в зеркале – за реальность, уверяя всех, что так устроен мир» [1, с. 165]. Интересно отметить тот факт, что Джеральд Джеймс Уитроу – президент международного общества изучения времени, человек, посвятивший десятки лет изучению этого загадочного феномена и имевший возможность глубже других понимать выводы теории относительности, был сторонником гипотезы, согласно которой «имеется единый основной ритм вселенной» [17, с. 63].

Отрицание теории относительности единственности и универсальности физического времени существования материальных объектов – не единственный вариант представлений о множественности времён. Как уже упоминалось выше, предпола-

гаемая некоторыми мыслителями множественность времён есть следствие онтологических различий объектов, относящихся к разным формам бытия, сферам реальности. Существует мнение, что различие природы, способов существования и форм движения объектов различных форм бытия порождает различие и множественность времён. Кроме физического, материального, вселенского времени предполагается множественность нематериальных, не физических, идеальных «человекоразмерных» времён, соответствующих бытию человека, общества и порождаемых ими идеальных и виртуальных реальностей. Предполагая существование физического времени материальных систем, некоторые исследователи выделяют ещё историческое, социальное, экзистенциальное, виртуальное, биологическое и иные времена. Встречаются мнения о различии свойств таких «времён». Так, в статье «Онтология времени», посвящённой обоснованию концепции множественности времён, говорится, что «Человекомерные времена <...> неоднородны, могут менять своё течение, обращаться <...> у субъективных и интересубъективных, идеальных и виртуальных времён собственные масштабы, длительности, ритмы, темпы. Апофеозом их онтологического отличия от физического времени является конечность всякого личного, исторического, социального времени: оно появляется или исчезает, когда рождается или умирает человек, сообщество, историческая эпоха» [3, с. 12]. Тут стоит отметить, что некритическое восприятие утверждения об инверсии, то есть о возможности обращении вспять используемого науками идеального времени-эпистемы служит ошибочному отождествлению времени самого по себе и осознания его человеком и даже иллюзии возможности возвращения к прошлому. Из утверждения же о конечности и исчезновении личного экзистенциального и исторического времени может последовать странный и неприемлемый вывод об исчезновении вместе со временем прошлого как такового. Представляется, что в процитированной фразе под конечностью времени понимается всё-таки конечность конкретных процессов, конечность существования преходящих изменчивых объектов.

Онтологический статус прошлой реальности в свете таких представлений выяснить и однозначно определить невозможно, ибо прошлое в одном «времени» может оказаться настоящим или будущим в другом «времени», либо даже вообще исчезнуть, став как бы никогда не бывшим. Термин берётся в кавычки здесь потому, что на наш взгляд в концепциях множественности времён зачастую имеет место ошибочное смешение понятий о времени самом по себе и о человеческом переживании времени, либо осмыслении временных отношений. Определить границы и положение регионов прошлой реальности в рамках концепций множественно-

сти времён проблематично, ибо ныне сохраняющиеся архаичные, как бы застывшие в своём развитии традиционные культуры «каменного века» сосуществуют и взаимодействуют с индустриальной цивилизацией, а то, что прошло и кануло в Лету для одного человека всё ещё живо и действенно для другого. События же виртуальной реальности могут воспроизводиться или повторяться сколько угодно раз в любой последовательности. Некорректное обращение с понятием «историческое прошлое», смешивающее саму прошлую социальную реальность и наше знание или представления о ней, приводит к мнениям об изменчивости этого прошлого, к утверждениям о постоянной его трансформации, ломке «прежнего прошлого» и создании «нового прошлого» как бы нелепо ни звучали подобные формулировки [10, с. 620]. Такие воззрения – питательная среда для безответственного исторического произвола и мифотворчества ради сиюминутной политической выгоды. Здесь в очередной раз следует подчеркнуть, что прошлое не создаётся усилиями историков или идеологов, оно изучается, познаётся как объективная реальность, не зависящая от того, что мы о ней помним, знаем или предполагаем.

Отрицание единства времени означает, в том числе и отрицание единства прошлого. Мнение о том, что у каждого объекта только своё особое собственное прошлое приводит к выводу о различии объёма и содержания этих разных прошлых реальностей, когда то, что находится в прошлом одного объекта, отсутствует в прошлом другого. Разорваны ли миры с различным временем и различным прошлым или все они вплетены в единую ткань единой мировой реальности?

Представляется простым и верным решение этой проблемы Николаем Андреевичем Поповым, считающим, что при том, что каждый процесс создаёт свою собственную временную последовательность появления своих состояний, то есть имеет своё собственное время, «собственные времена различных процессов сливаются в общий, единый поток времени нашего бытия» [13, с. 23]. В такой трактовке собственное время процесса – это не какое-то особенное, необычное и уникальное время, а просто длительность этого процесса от его начала до конца, цепочка его состояний, находящихся в отношениях «раньше / позже». Так мы говорим «время жизни этого человека», «время правления Ярослава Мудрого», «времена Перестройки», «время весеннего паводка» и т.п. Благодаря всеобщей связи явлений времена этих и подобных событий становятся для нас единым временем нашей общей истории. События жизни индивидуума вливаются в общий поток исторических событий. Сознательное участие людей в исторических событиях – это «осуществляемая посредством воли и обосновывающего её интеллекта инвестиция собственного

экзистентного времени в отличную от её собственной, изначально внешней самой экзистенции событийности. Воля неспонтанного интенционального действия транслирует экзистентное время в исторический процесс, транслирует и конвертирует индивидуально-экзистентную темпоральность в уже intersubjective историческое время» [16, с. 212].

Согласно концепции единого универсального времени существует одно общее и единственное время единой реальности, состоящей из однозначно и абсолютно определённых прошлого, настоящего и будущего. Наиболее известным выражением такого понимания являются знаменитые слова Ньютона: «Абсолютное, истинное математическое время само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, и иначе называется длительностью» [12, с. 30]. Ньютон подчёркивает независимость протекания времени от скорости движения материальных объектов и неизменность порядка «частей времени», под которыми следует понимать прошлое, настоящее и будущее. Ньютонская концепция времени много критиковалась за понимание времени как субстанции, существующей независимо от материи, но для убеждённости в универсальности времени вовсе не обязательно предполагать, что оно есть некая независимая субстанция. Если исходить из того, что время есть порядок последовательности явлений, порядок появления сменяющихся друг друга состояний всех изменяющихся объектов, и место любого мимолётного состояния какого бы то ни было процесса в этой последовательности не имеет пространственной локализации, то вся мировая реальность предстаёт нашему сознанию упорядоченной одним общим для всего временем. Действительно, место события или состояния во времени — это не место в пространстве, это место в невидимой очередности появления и исчезновения состояний, находящихся в отношениях «раньше / позже / одновременно» и поэтому эта очередность не имеет какой-либо пространственной локализации. Очередь из одновременно стоящих людей или автомобилей есть чувственно воспринимаемый протяжённый материальный объект, место в котором есть место в пространстве, а временная очередь событий или состояний, даже если рассматриваются события материального мира, не представляет собой никакого материального объекта, вступающего в пространственные отношения с остальными материальными объектами. Поэтому время — не локальный феномен. Да, время производно от движения материи, но оно не есть само это движение. Только ошибочное отождествление времени с материальными процессами как таковыми создаёт представление о различном течении времени в разных регионах пространства. В реальности

происходит движение материи, протекание физических и психических процессов. Никакого субстанционального течения времени нет [9, с. 94]. Привычная метафора «течение времени» обозначает смену состояний изменяющихся объектов. Предшествовавшее и последующее состояния одного и того же объекта не сосуществуют одновременно и посему никуда и нигде вместе не текут, а это значит, что невидимая очередь этих состояний есть мыслимая целостность и как мыслеобраз эта очередь есть не локальный, непространственный ноумен. Следовательно, время как объективная очерёдность, последовательность появления состояний реальности непространственно, несмотря на пространственность материальных процессов и, значит, оно не ограничено и не обусловлено расстояниями, количествами и физическими характеристиками движущихся объектов, что позволяет сделать вывод о существовании одного общего универсального времени всей мировой реальности.

Единство мира, включающего в себя связанные друг с другом, обуславливающие друг друга духовные, материальные и социальные объекты и процессы есть главное онтологическое основание и причина единства и единственности времени всего реально происходящего в этом мире. Именно взаимодействие и одновременное существование объектов различных форм бытия с необходимостью ведёт к выводу об универсальности мирового времени. Представляются справедливыми слова Николая Гартмана, что «В реальном времени существенно именно то, что оно без различия объемлет и род и ступень, что оно объединяет природное и историческое, психическое и вещное. С точки зрения исторической науки это видно яснее всего, она обильнее всего использует сплошную одновременность; её счёт времени заимствован из происходящего в природе, ибо она считает по дням, годам, столетиям. Она, таким образом, со всей определённостью предполагает сплошную параллельность всех событий, как физических, так и человеческо-исторических, в одном времени» [5, с. 394]. Мы действительно наблюдаем, как онтически гетерогенные процессы протекают не изолированно друг от друга, а наоборот, находясь в тесном взаимодействии. Влияние природных, физических факторов на духовный по своей сути исторический процесс трудно переоценить, а поток сплетённых в единую историческую реальность человеческих судеб, страстей, интересов и движимых человеческим духом деяний становится геологической силой на планете и уже проявляет себя в космическом масштабе. Движения нашего духа идут среди и по поводу бесчисленных природных процессов — мы срываем плоды, когда они созреют, мы радуемся восходу солнца и вместе с ним пробуждаемся и приступаем к своей повседневной работе. Люди, животные и растения чувст-

вуют ритм «вселенских перемен» и в соответствии с ним проявляют свою активность. Онтологически различные движения переплетаются, служат условиями друг для друга, имеют общие границы и поэтому обычно осознаются протекающими в одном общем времени, которое есть просто порядок, последовательность, очерёдность появления изменяющихся состояний всецелой реальности. Определение времени появления, протекания и исчезновения некоторого процесса или явления есть выявление и уяснение его порядкового места именно среди ДРУГИХ явлений и процессов, что означает только то, что мы пользуемся единой общей шкалой времени для понимания очерёдности в порядке «раньше / позже» безграничного многообразия всего того, что произошло в мире. Если бы у каждого процесса было бы только своё особое время, то определение времени было бы невозможно. Если бы у онтологически различных процессов были бы какие-то свои особые времена, имеющие разные свойства, то мы не могли бы сказать, что «сделали вот это дело зимой или летом, в середине дня или сразу после дождя или ждали «до первой звезды». Если бы не было сплошной параллельности, одновременности и взаимовлияния всех современных друг другу, но онтологически различных процессов, то мнения о множественности различных времён имели бы под собой веские основания. Но сплошная одновременность и взаимодействие онтически гетерогенных процессов есть неоспоримый факт нашего бытия, постоянно подтверждаемый всей нашей практикой. В философской и научной литературе давно стало общим местом мнение о том, что представление о едином универсальном времени основано главным образом на интуиции, как на чём-то ненадёжном и непонятном [15, с. 41]. Но в защите концепции единого универсального времени давно пора сказать, что главная основа и причина приверженности большинства людей этой концепции есть её постоянная и повседневная подтверждаемость многообразной практикой, как высшим критерием истины. Именно практика подтверждает мнение, что «имеется только один исторический мир и всё в нём должно находиться в определённом отношении к чему-то другому» [8, с. 234].

Заключение

Проблема времени – вечная. Чем больше вдумываешься в смыслы сказанного, тем сильнее осознаёшь немоту и нищету доводов нашего разума в предлагаемых решениях. Мы, вероятно, бесконечно далеки от окончательного определения сущности и природы этого загадочного невидимо-

го феномена – времени, которое прячется в прошлом, «которого уже нет», в будущем, «которого ещё нет», и в настоящем, которое не продолжается. Более того, «окончательное определение сущности и природы» времени, скорее всего, в принципе невозможно. Фундаментальные обобщающие монографии П. П. Гайдено, Ю. Б. Молчанова, И. А. Хасанова, Дж. Уитроу, Н. А. Попова и других мыслителей убеждают в колоссальной сложности и противоречивости этой проблемы, предоставляя нам тщательно продуманные многочисленными учёными концепции и теории, ни одна из которых не приносит желанной ясности и не претендует на постижение истины в последней инстанции. Но это не устраняет неискоренимую потребность нашего ума в постижении сути времени и реальности изменчивого, преходящего во времени мира. Поэтому изложенные тут мысли становятся ещё одной страничкой в давно и не нами начатом разговоре и представляют собой его продолжение хотя бы в качестве очередного личного прочтения и понимания темы, которой нам не избежать.

Если в реальности имеет место и может мыслиться единая временная очерёдность всего происходящего в мире, то следует признать абсолютную онтическую определённую всех событий и состояний реальности в этой очерёдности. То, что уже стало прошлым, то навсегда «заняло» своё неискоренимое место в общем потоке бытия и невозможно, чтобы в этом мире не было того, что в нём было, то есть он именно таков, каким он стал в результате всего того, что в нём произошло. Если что-то уже стало прошлым в данном локусе пространства, то оно таково теперь для всего мира в целом вне зависимости от распространения, и тем более от восприятия информации о произошедшем в отдалённых частях вселенной. Никакое воздействие на прошлое из настоящего или будущего невозможно. В итоге признание концепции единого универсального времени служит выводу о неизменности прошлой реальности. Так мы обретаем уверенность в прошлом, как в надёжной неизменной основе своего бытия.

Таким образом, события реального мира, порождённые и порождаемые сочетанием процессов разной онтологической природы и в том числе события, протекающие в различных удалённых друг от друга инерциальных системах отсчёта, однозначно и абсолютно принадлежат либо прошлому, либо настоящему, так как все эти процессы и события составляют единый и единственный реальный мир и могут осознаваться, упорядочиваться и соотноситься по единой шкале универсального времени, общего для всего происходящего в мире.

Литература

1. Аксенов Г. П. Причина времени: Жизнь – дление – необратимость. – М.: КРАСАНД. – 2014. – 400 с.
2. Аристотель Метафизика. – М.: Эксмо. – 2015. – 448 с.

3. Афанасьева В. В., Пилипенко Е. А. Онтология времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 4 (24). – С. 6–14. EDN: TFKZNR.
4. Гайдено П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция. – 2007. – 464 с.
5. Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука. – 2003. – 639 с.
6. Дойч Д. Структура реальности. Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн. – 2015. – 430 с.
7. Завельский Ф. С. Время и его измерение. – М.: Наука. – 1987. – 256 с.
8. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука. – 1980. – 485 с.
9. Крушанов А. А. Течет ли время? // Вестник РФО. – 2020. – № 3–4 (93–94). – С. 91–103. <https://doi.org/10.21146/1606-6251-2020-3/4-91-103>. EDN: HNCXPU.
10. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб.: Русский остров, Владимир Даль. – 2004. – 623 с.
11. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – М.: Наука. – 1977. – 192 с.
12. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. – М.: ЛЕНАНД. – 2019. – 704 с.
13. Попов Н. А. Сущность времени и относительности. – М.: ЛИБРОКОМ. – 2013. – 320 с.
14. Румер Ю. Б., Рывкин М. С. Теория относительности. – М.: Учпедгиз. – 1960. – 212 с.
15. Соколовский Ю. И. Теория относительности в элементарном изложении. – М.: Наука. – 1964. – 198 с.
16. Табачков А. С. Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого. – Минск: РИВШ. – 2009. – 242 с.
17. Уитроу Дж. Естественная философия времени. – М.: Едиториал УРСС. – 2010. – 400 с.
18. Хасанов И. А. Время как объективно-субъективный феномен: Словарь. – М.: Прогресс-Традиция. – 2011. – 328 с.
19. Хокинг С. Краткая история времени: От Большого взрыва до черных дыр. – М.: АСТ. – 2017. – 232 с.

References

1. Aksenov, G. P. (2014) *Prichina vremeni: Zhizn' – dlenie – neobratimost'* [Cause of time: Life – duration – irreversibility]. Moscow: KRASAND, 400 p.
2. Aristotle (2015) *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Eksmo, 448 p.
3. Afanasyeva, V. V., Pilipenko, E. A. (2014) [Time ontology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and social technologists], Vol. 4 (24), pp. 6–14. EDN: TFKZNR (In Russ.).
4. Gaidenko, P. P. (2007) *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Time. Duration. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow: Progress-Tradition, 464 p.
5. Hartman, N. (2003) *K osnovopolozheniyu ontologii* [To the founder of ontology]. St. Petersburg: Science, 639 p.
6. Deutsch, D. (2015) *Struktura real'nosti. Nauka parallel'nyh vseennyh* [The Fabric of reality. The Science of parallel universes]. Moscow: Alpina non-fiction, 430 p.
7. Zavelsky, F. S. (1987) *Vremya i ego izmerenie* [Time and its measurement]. Moscow: Science, 256 p.
8. Collingwood, R. G. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Moscow: Science, 485 p.
9. Krushanov, A. A. (2020) [Is time flowing?] *Vestnik RFO* [Bulletin of the Russian Philosophy Association]. Vol. 3–4 (93–94), pp. 91–103. <https://doi.org/10.21146/1606-6251-2020-3/4-91-103>. EDN: HNCXPU (In Russ.).
10. Lowenthal, D. (2004) *Proshloe – chuzhaya strana* [The past is a foreign country]. St. Petersburg: Russian Island, Vladimir Dal, 623 p.
11. Molchanov, Yu. B. (1977) *Chetyre koncepcii vremeni v filosofii i fizike* [Four concepts of time in philosophy and physics]. Moscow: Science, 192 p.
12. Newton, I. (2019) *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii* [Mathematical beginnings of natural philosophy]. Moscow: LENAND, 704 p.
13. Popov, N. A. (2013) *Sushchnost' vremeni i otnositel'nosti* [Essence of time and relativity]. Moscow: LIBROCOM, 320 p.
14. Rumer, Yu. B., Ryvkin, M. S. (1960) *Teoriya otnositel'nosti* [Theory of relativity]. Moscow: Uchpedgiz, 212 p.
15. Sokolovsky, Yu. I. (1964) *Teoriya otnositel'nosti v elementarnom izlozhenii* [The Theory of relativity in elementary presentation]. Moscow: Science, 198 p.

16. Tabachkov, A. S. (2009) *Metateoreticheskaya reprezentaciya istoricheskogo proshlogo* [The Metatheoretic representation of the historical past]. Minsk: RIVSH, 242 p.
17. Whitrow, J. (2010) *Estestvennaya filosofiya vremeni* [The Natural philosophy of time]. Moscow: Yeditorial URSS, 400 p.
18. Khasanov, I. A. (2011) *Vremya kak ob"ektivno-sub"ektivnyj fenomen: Slovar'* [Time as an objective subjective phenomenon: Dictionary]. Moscow: Progress-Tradition, 328 p.
19. Hawking, S. (2017) *Kratkaya istoriya vremeni: Ot Bol'shogo vzryva do chernyh dyr* [A brief history of time: From the Big Bang to black holes]. Moscow: AST, 232 p.

Информация об авторе:

Дмитрий Александрович Щербakov, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия
e-mail: am720@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 26.09.2022; принята в печать: 19.01.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Dmitrii Aleksandrovich Shcherbakov, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia
e-mail: am720@yandex.ru

The paper was submitted: 26.09.2022.

Accepted for publication: 19.01.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ТРАНСПОРТ

УДК 621.331

<https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-112>

МЕТОДИКА ВЫБОРА ТИПА АККУМУЛЯТОРА ДЛЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ В РЕГИОНАХ С ХОЛОДНЫМ КЛИМАТОМ

Е. Е. Терентьев¹, И. М. Блянкинштейн²

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹e-mail: egor9843@gmail.com

²e-mail: blyankinshtein@mail.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос оценки эффективности высоковольтных батарей электрифицированных транспортных средств при низкотемпературной эксплуатации. Представлена методика выбора электрохимического типа аккумуляторов для эксплуатации в регионах с холодным климатом, включающая в себя экспериментальное получение зарядно-разрядных характеристик высоковольтных батарей в условиях нормальных и пониженных температур и их аналитическое исследование. В результате апробации методики получены регрессионные зависимости, описывающие процессы заряда-разряда аккумуляторов различных электрохимических типов (Li-Ion, LiFePO₄, LTO) в функции от температуры окружающей среды. В связи с появлением новых электрохимических типов аккумуляторов, обладающих повышенной сопротивляемостью к переохлаждению, предлагаемая методика позволит оценить их эффективность и полноценно использовать электрические автомобили в регионах с холодным климатом.

Цель исследования – разработка методики выбора аккумуляторов для низкотемпературной эксплуатации электромобилей и гибридов на основании экспериментального исследования и сравнения результатов.

Используемый подход – натурное моделирование низкотемпературной эксплуатации высоковольтных батарей в лабораторных условиях.

Используемый метод – математическое планирование эксперимента, корреляционно-регрессионный анализ экспериментальных данных с построением математических моделей заряда – разряда.

Основные результаты – разработана и апробирована методика выбора электрохимического типа аккумулятора для эксплуатации в регионах с холодным климатом.

Новизна исследования представлена математическими моделями, описывающими изменение емкости высоковольтных батарей в зависимости от температуры, предложена методика выбора аккумулятора для низкотемпературной эксплуатации.

Направление дальнейших исследований – уточнение моделей, исследование низкотемпературных свойств новых и перспективных типов химических элементов высоковольтных батарей.

Ключевые слова: высоковольтная батарея, низкие температуры, эксплуатация, емкость аккумулятора, электромобили, ресурсный тест.

Для цитирования: Терентьев Е. Е., Блянкинштейн И. М. Методика выбора типа аккумулятора для эксплуатации электромобилей в регионах с холодным климатом // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 1. – С. 112–124, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-112>.

METHODOLOGY FOR SELECTING THE TYPE OF BATTERY FOR OPERATION OF ELECTRIC VEHICLES IN COLD REGIONS

Е. Е. Terentiev¹, I. M. Blyankinshtein²

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia

¹e-mail: egor9843@gmail.com

²e-mail: blyankinshtein@mail.ru

Abstract. The issue of evaluating the efficiency of high-voltage batteries of electrified vehicles at low temperatures is considered. A technique is presented for selecting the electrochemical type of batteries for operation in regions with a cold climate, which includes experimental obtaining of the charge-discharge characteristics of high-voltage

batteries under conditions of normal and low temperatures and their analytical study. As a result of testing the methodology, regression dependences were obtained that describe the processes of charge-discharge of batteries of various electrochemical types (Li-Ion, LiFePO₄, LTO) as a function of temperature. In connection with the emergence of new electrochemical types of batteries with increased resistance to hypothermia, the proposed method will allow us to evaluate their effectiveness and fully use electric cars in regions with a cold climate.

The purpose of the study is to develop a methodology for selecting batteries for low-temperature operation of electric vehicles and hybrids based on an experimental study and comparison of results.

The method used is mathematical planning of the experiment, correlation-regression analysis of experimental data with the construction of mathematical models of charge-discharge.

Main results – a method for choosing an electrochemical type of battery for operation in regions with a cold climate was developed and tested.

The novelty of the study is represented by mathematical models that describe the change in the capacity of high-voltage batteries depending on temperature.

The direction of further research is the refinement of models, the study of the low-temperature properties of new and promising types of chemical elements of high-voltage batteries.

Keywords: high-voltage battery, low temperatures, operation, battery capacity, electric vehicles, life test.

Cite as: Terentiev, E. E., Blyankinshtein, I. M. (2023) [Methodology for selecting the type of battery for operation of electric vehicles in cold regions]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 1, pp. 112–124, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-1-112>.

Введение

Рост цен на топливо, обостряющаяся экологическая обстановка, ограниченность ресурсов нефти на Земле – все это делает альтернативные источники энергии более актуальными. Получают развитие транспортные средства с электрическими двигателями – гибриды и электромобили. Их достоинства: экономичность, экологичность, бесшумность, динамичность. Основной недостаток – проблемы при эксплуатации в условиях низких температур окружающей среды. Современные электромобили и гибриды оборудованы высоковольтными батареями (ВВБ) из литий-ионных аккумуляторов Li-Ion (например, Tesla Model 3), никель-металлогидридных аккумуляторов Ni-MH, (например, Toyota Prius), литий-железо-фосфатных аккумуляторов LiFePO₄ (например, электрокары), литий-титанатных аккумуляторов LTO.

Используемые на данный момент электрохимические типы аккумуляторов теряют большую часть емкости при переохлаждении, что затрудняет использование электропривода в холодных регионах. Снижение емкости аккумулятора приводит к частым перезарядкам, ускоренной потере ресурса и нераціональному использованию накопленной мощности. Например, ВВБ Toyota Prius 20 при температуре -20 – уже не запустится, а гибрид сможет начать движение только за счет ДВС. На отопление батареи штатными системами уйдет около часа, следовательно, при повседневном использовании, например, до рабочего места и обратно, ВВБ так и не включится в работу. Постоянные циклические переохлаждения ВВБ будут постоянно снижать ресурс и уменьшать все топливную экономичность, так как гибрид будет эксплуатироваться только за счет ДВС.

Также необходимо учитывать и способность заряжаться и принимать энергию на холоде.

Для повышения эффективности эксплуатации электротранспорта в условиях холодного климата необходимо использовать более стойкий к переохлаждениям электрохимический тип аккумуляторов.

Проблема эксплуатации электромобилей при низких температурах сегодня актуальна, ее аспекты рассмотрены в различных работах. Подробно аспекты работы аккумуляторов при низких температурах рассмотрены в работе [19]. В данной работе автор рассматривает конструкцию аккумуляторов на основе оксида лития-кобальта (LiCoO₂) для использования при низких температурах, и проводит ресурсные тесты при различных температурах окружающей среды, моделируя эксплуатацию электромобиля.

В работе [12] авторы анализируют влияние скорости электромобиля и температуры окружающей среды на частоту отказов разных узлов. В заключении предлагается модель надежности и математический аппарат, описывающий поток отказов узлов при различных скоростях движения и температурах эксплуатации. Однако авторы не рассматривают различные электрохимические типы аккумуляторов.

В работе [1] рассмотрены и сравнены различные параметры свинцово-кислотных, никель-кадмиевых, никель-металлгидридных и литий-ионных аккумуляторов. В статье подробно рассматриваются различные преимущества и недостатки различных электрохимических типов, однако не учтены наиболее используемые типы: литий-полимерный и литий-железо-фосфатные.

Имеются работы схожей тематики, направленные на исследование работы свинцово-кислотной стартерной батареи в зимний период. В статье [2] автор предлагает алгоритм имитационной модели формирования уровня заряженности АКБ и исследует

дует уровень заряженности и температуры АКБ.

В статье [3] приводятся результаты экспериментов по определению характеристик АКБ при различных температурах. Приведены вольтамперные характеристики АКБ емкостью 60 Ач при различных температурах и зависимости внутренних сопротивлений АКБ от температуры электролита. В указанных статьях [2; 3] рассматриваются только свинцово-кислотные аккумуляторы, используемые в автомобилях с двигателем внутреннего сгорания.

В проанализированных источниках [1–20] не рассматриваются литий-титанатные и литий-железо-фосфатные аккумуляторы, обладающие широким температурным диапазоном работы, что подчеркивает актуальность настоящего исследования.

На основании проведенного анализа поставлена цель исследования: разработка методики выбора аккумуляторов для низкотемпературной эксплуатации электромобилей и гибридов на основании экспериментального исследования и сравнения результатов.

План и методика эксперимента

На сегодняшний день в электромобилях широко

применяются аккумуляторы на основе лития: Li-Ion, LiFePO₄, LTO, однако отсутствуют достоверные оценки и закономерности изменения их эффективности в условиях эксплуатации при низких температурах. При анализе вопроса выяснено также, что отсутствует формализованная методика исследования, тестирования и выбора наиболее эффективного для работы при низких температурах электрохимического типа аккумулятора.

Для определения показателей и закономерностей разрядно-зарядных характеристик при низких температурах проведен эксперимент. Целью эксперимента являлось на основе эмпирически полученных для каждого электрохимического типа аккумулятора разрядных графиков определение зависимости доступной емкости от температуры.

Исследуемыми факторами выступают температура (X) и емкость (Y) аккумулятора. Температура выступает управляемым фактором: изменяя температуру, будем оценивать изменение емкости аккумулятора. Формализованное представление решаемой задачи можно представить следующим образом. Нужно исследовать и определить вид математической зависимости:

$$Y = f(X), \quad (1)$$

где

Y – это функция отклика (емкость аккумулятора, в % от номинальной паспортной емкости, указанной в мАч или в Ватт-часах);

X – это управляемый фактор (температура на поверхности корпуса аккумулятора, °C);

Уровни фактора $X = [20^\circ; 0^\circ; -5^\circ; -10^\circ; -15^\circ; -20^\circ]$. Погрешность измерения температуры составит $0,5^\circ\text{C}$. Для проведения разрядных испытаний была собрана нагрузочная цепь (рисунок 1).

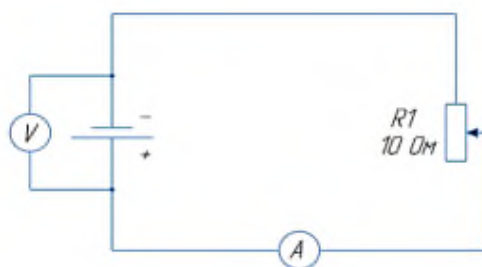

Рисунок 1. Нагрузочная цепь аккумулятора

Источник: составлено авторами

Нагрузкой в цепи выступает переменный резистор ППБ-15Д. Для измерения значений напряжения и тока использовались мультиметры ТЕК DT 835 с погрешностью измерений $\pm 1,2\%$.

Исследуемыми образцами являлись аккумуляторы Li-Ion, LiFePO₄, LTO емкостью 1,5 Ач, имитирующие работу высоковольтных батарей, собранных из аккумуляторов таких же типов. Количество образцов каждого типа – 3, что позволяло прово-

дить параллельные опыты.

Для создания низких температур использовалась морозильная камера. Температура аккумуляторов и температура внутри морозильной камеры контролировались пирометром «Мегеон 16400» с диапазоном измеряемых температур от -50°C до $+350^\circ\text{C}$ и с погрешностью $\pm 1,5^\circ\text{C}$.

В ходе эксперимента исследовалась возможность заряжать аккумуляторы, поэтому сразу же

после разряда при -20°C аккумуляторы заряжались.

Зарядка аккумуляторов производилась с помощью понижающего dc-dc преобразователя. Использование данного устройства позволило корректно заряжать аккумуляторы с помощью двух режимов: CC – constant current, режим с постоянным заданным значением тока, необходимый для быстрой зарядки как правило всей доступной емкости; CV – constant voltage, который имел защитную функцию.

Эксперимент проводился следующим образом. Аккумуляторы при комнатной температуре заряжались до максимума и затем разряжались для определения их реальной емкости; процесс регистрировался во времени. Разрядный ток устанавливался $1,5 \text{ А} \times \text{ч}$, и при таком токе аккумулятор емкостью 1500 мАч номинально должен разрядиться за 1 час. Индикатором степени заряда выступал уровень напряжения (В), который выдает аккумулятор. Разряд длился до минимально допустимого значения напряжения (для Li-Ion и LiFePO4 2,5В, для LTO 1,5В).

Поскольку электрическая цепь была одна и та же для всех испытуемых аккумуляторов, то их емкость приблизительно оценивалась временем разряда. Далее аккумуляторы перезаряжались и помещались в морозильную камеру, где охлаждались до заданной температуры, после чего разряжались, определялась емкость, отдаваемая охлажденным аккумулятором. На основе полученных данных были построены графики разряда во времени. Для LiFePO4 и LTO аккумуляторов проводились охлаждение и зарядка при -20°C , при этом оценивалась их емкость.

Результаты исследования и их анализ

Первый тест проходил при комнатной температуре для определения максимально допустимой емкости аккумулятора. Первичные результаты представлены в виде разрядных кривых на рисунке 2. По оси ординат показана степень заряженности аккумулятора. По оси абсцисс представлено время, которое занял разряд аккумулятора.

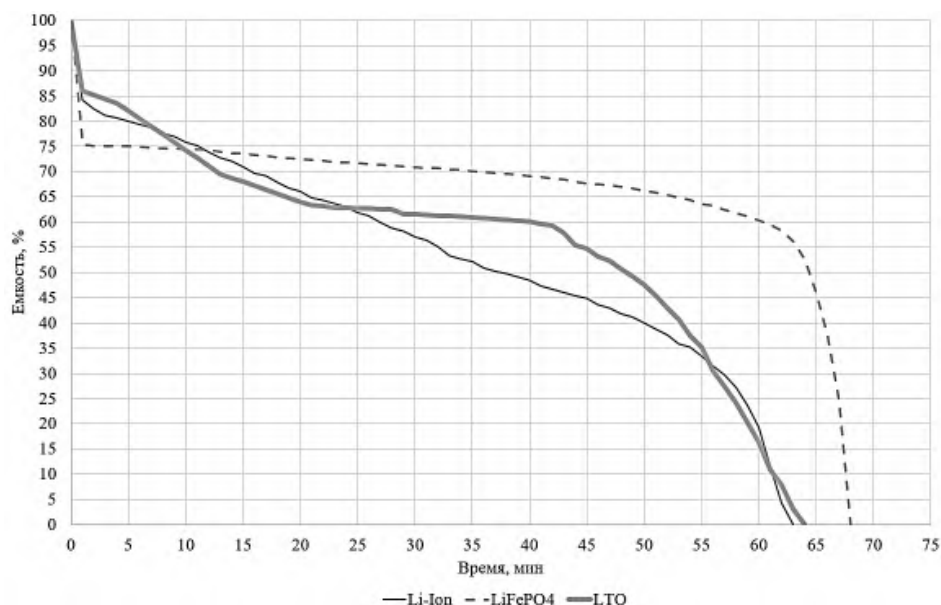

Рисунок 2. Разрядные кривые аккумуляторов при 20°C

Источник: составлено авторами

Реальная емкость Li-Ion составила 1575 мАч, у LTO аккумулятора – 1625 мАч, у LiFePO4 – 1700 мАч.

В дальнейшем получены разрядные кривые для температур от 0°C до -20°C с шагом -5°C .

Представляет интерес опыт при температуре -15°C . Как можно заметить по графикам разрядных кривых (рисунок 3), время разряда сократилось почти вдвое. Это связано с переохлаждением аккумуляторов и вследствие этого с потерей реальной емкости. Наиболее хороший результат показал LTO аккумулятор – время разряда заняло 47 минут, потеря от максимальной емкости составила 28%.

У LiFePO4 аккумулятора время разряда составило 44 минуты, потеряв 35% от своей реальной емкости. У Li-Ion аккумулятора время разряда заняло 35 минут и он потерял 44% от своей реальной емкости.

В дальнейшем тесте при -20°C Li-Ion аккумулятор не использовался из-за ухудшения характеристик. Для сравнения остались два электрохимических типа: LTO и LiFePO4.

Как можно заметить по графикам на рисунке 4, температура -20°C является пороговой температурой для разряда аккумуляторов емкостью 1500 мАч, несмотря на заявления изготовителей о работе при более низких температурах.

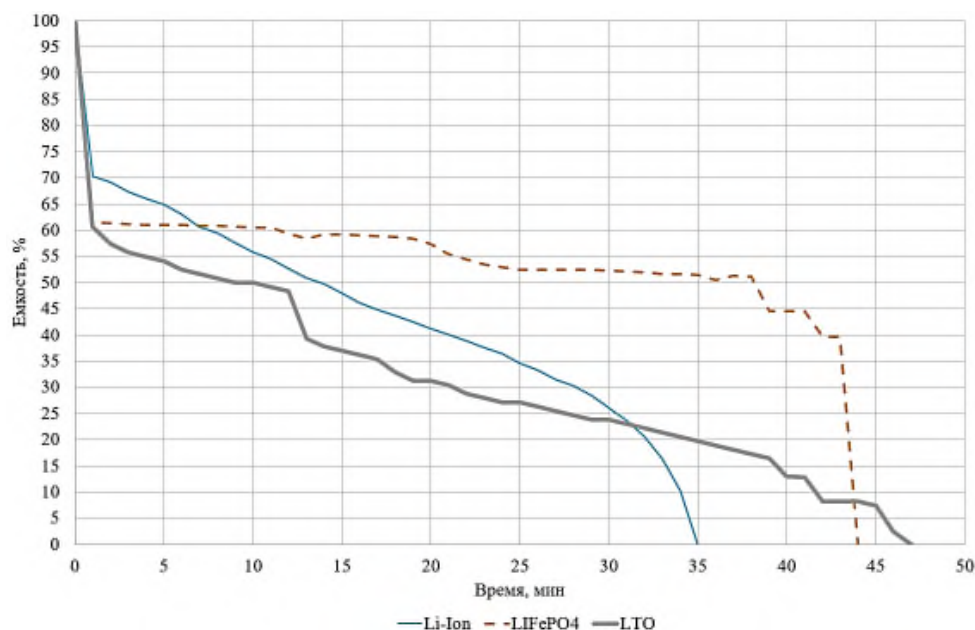

Рисунок 3. Разрядные кривые при -15 °C
Источник: составлено авторами

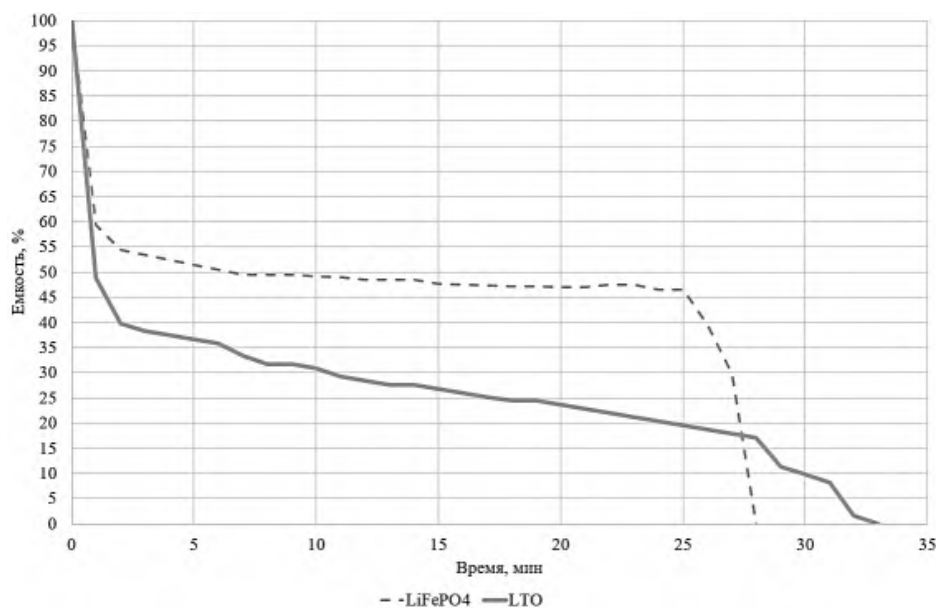

Рисунок 4. Разрядные кривые при -20 °C
Источник: составлено авторами

Как показали эксперименты, LTO аккумулятор наиболее приспособлен к эксплуатации при низких температурах. Процент неиспользованной реальной емкости в этом тесте составил для LTO: 49%, для LiFePO4: 59%.

На основе полученных данных выявлена зависимость для каждого химического типа, отражающая процент доступной емкости от температуры аккумулятора. По оси ординат отложена доступная емкость в процентах, по оси абсцисс отложена

температура аккумулятора.

Полученные данные обрабатывались в Microsoft Excel. На их основе построена точечная диаграмма и подобраны наиболее подходящие функции для описания, посчитаны статистические коэффициенты, отражающие адекватности полученной модели. Полученные регрессионные уравнения для описания разрядных процессов при разных температурах сведены в таблицу 1.

Таблица 1. Регрессионные уравнения для разряда

Тип и температура аккумулятора	Вид регрессионного уравнения
LTO	$y = -0,1724x^2 - 0,9743x + 99,8476$, при $x = [0; -5\text{ °C}; -10\text{ °C}; -15\text{ °C}; -20\text{ °C}]$
Li-Ion	$y = -0,2333x^2 - 0,70x + 99$, при $x = [0; -5\text{ °C}; -10\text{ °C}; -15\text{ °C}]$
LiFePO4	$y = -0,20x^2 - 0,960x + 100,1333$, при $x = [0; -5\text{ °C}; -10\text{ °C}; -15\text{ °C}; -20\text{ °C}]$

Источник: составлено авторами

По полученным формулам можно с высокой вероятностью спрогнозировать потерю емкости таких аккумуляторов при определённой температуре. По

данным формулам для каждого химического типа были просчитаны значения доступной емкости (рисунки 5).

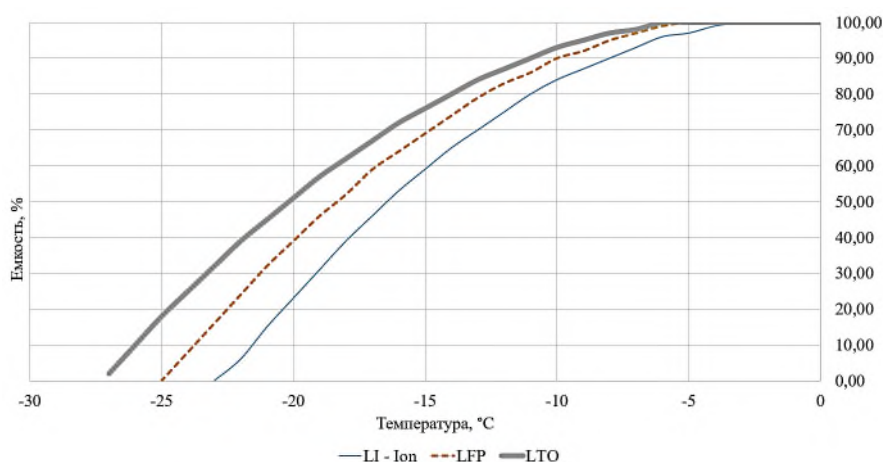

Рисунок 5. Зависимость доступной емкости от температуры для каждого аккумулятора

Источник: составлено авторами

Установлена отличительная черта LTO и LiFePO4 аккумуляторов – способность заряжаться при низких температурах. Исследовались характеристики заряда рассмотренных типов аккумуляторов при низких температурах. После охлаждения

и разряда при -20 °C аккумуляторы сразу же ставились на зарядку. По результатам тестирования заряда аккумуляторов при низких температурах также были построены регрессионные зависимости, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2. Регрессионные уравнения для фазы зарядки

Тип и температура аккумулятора	Вид регрессионного уравнения
LTO 20 °C	$Y = 0,00001t^3 - 0,001t^2 + 0,306t + 2,107$
LTO -20 °C	$Y = 0,0001t^3 - 0,0051t^2 + 0,0892t + 2,043$
LiFePO4 20 °C	$Y = 2 \cdot 10^{-8}t^5 - 3 \cdot 10^{-6}t^4 + 0,0002t^3 - 0,0074t^2 + 0,1097t + 2,7428$
LiFePO4 -20 °C	$Y = 0,0003t^3 - 0,0129t^2 + 0,164t + 2,4684$

Источник: составлено авторами

Исследованию подвергалась фаза зарядки при постоянном токе (фаза CC), так как именно эта фаза заряжает основную ёмкость аккумулятора. На данных графиках (рисунок 6) изображена только фаза

зарядки CC . Для расчета емкости фазой CV можно пренебречь, т.к. основная емкость аккумулятора уже заряжена, а CV -фаза носит энергосберегающий и защитный характер.

Площадь под графиком $U(t)$ показывает, как наполнялась емкость аккумулятора с течением времени. Произведение определённого интеграла функции $U(t)$ на ток заряда позволяет получить емкость аккумулятора, выраженную в Ватт-часах. Граница-

ми определённого интеграла являются время начала зарядки (принятое нулю), когда напряжение было минимально допустимым, и время окончания зарядки, когда напряжение достигает максимально допустимого значения, выраженное в часах.

$$C = I \cdot \int_{t_{\min}}^{t_{\max}} U(t) dt, \quad (2)$$

где

I – ток заряда, А;

$t_{\max}$ и $t_{\min}$ – время окончания и начала зарядки аккумулятора соответственно, ч;

U – напряжение аккумулятора.

Помимо графического сравнения емкостей, решив определенные интегралы от найденных функций, можно численно сравнить полученные значе-

ния для выбора наиболее подходящего электрохимического типа.

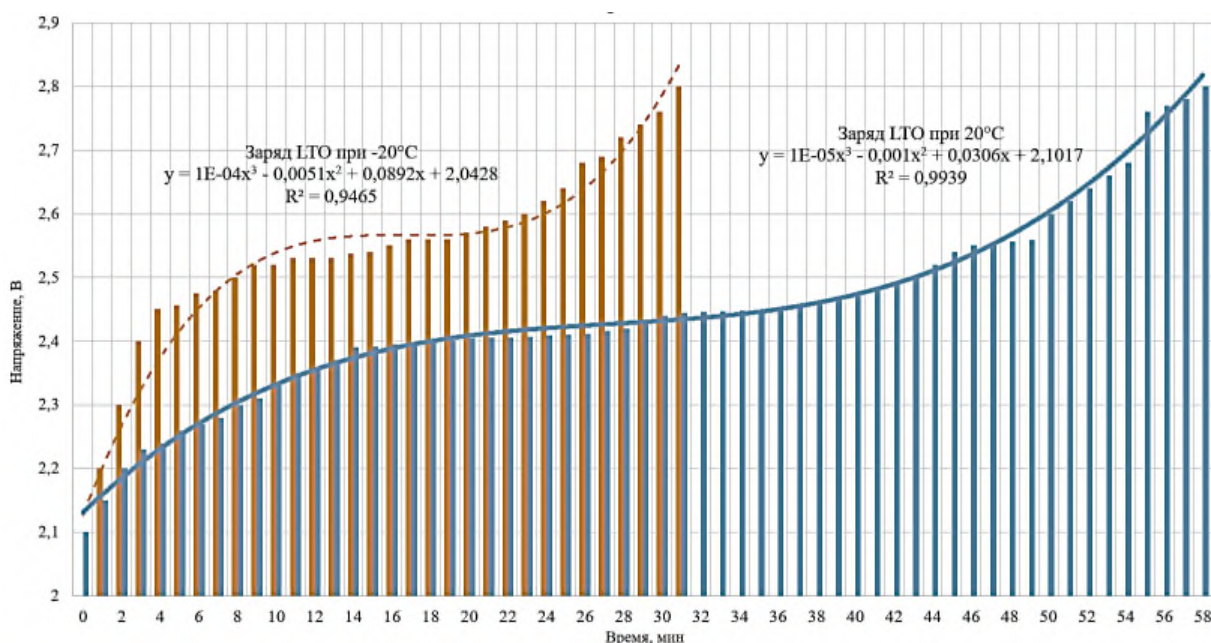

Рисунок 6. Интегрирование зарядных кривых для LTO аккумулятора

Источник: составлено авторами

Падение емкости заряда при охлаждении LiFePO_4 аккумуляторов до -20°C составило 68%. В тестировании на разряд при такой же температуре аккумуляторы теряли около 60%. На основе полученных данных можно констатировать, что данные аккумуляторы при низких температурах хуже заряжаются, чем разряжаются, а также имеют более низкую эффективность при работе в переохлажденном состоянии, чем LTO аккумуляторы. Использование LTO аккумуляторов позволит эффективнее запастись энергией.

Формализованное представление методики выбора типа аккумулятора

Теперь, в результате проведенного исследования, мы можем формализовать методику выбора электрохимического типа аккумулятора для эксплуатации в регионах с холодным климатом в виде блок-схемы (рисунок 8). Она содержит совокупность входных параметров, последовательность операций и итоговые параметры, на основании которых можно принять решение по выбору наиболее эффективного типа аккумулятора для эксплуатации в регионах с холодным климатом.

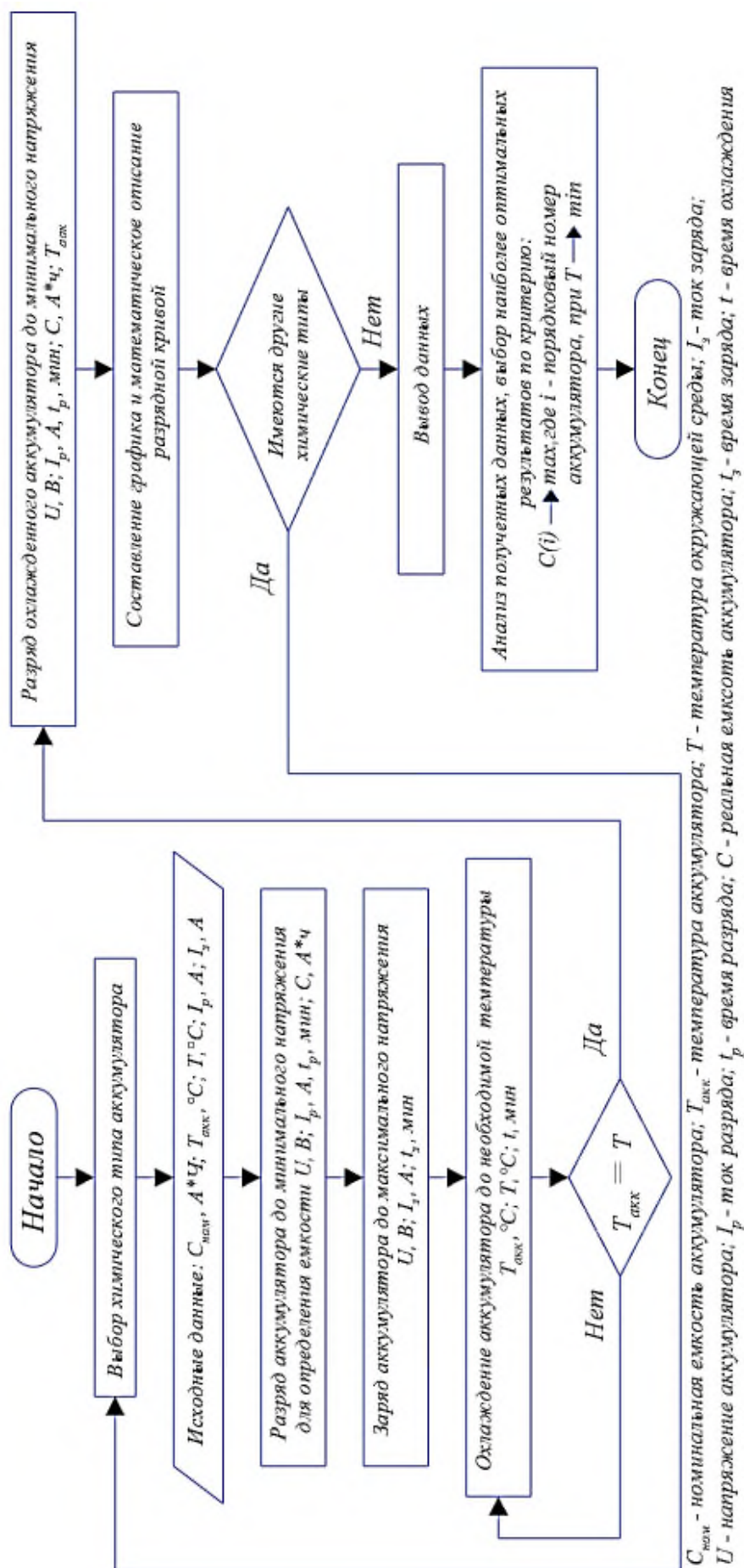

Рисунок 8. Блок-схема методики выбора электрохимического типа аккумулятора для эксплуатации в регионах с холодным климатом
 Источник: составлено авторами

Предлагаемая методика позволяет определить и оценить потери емкости различных электрохимических типов при различных низких температурах. Основу методики представляет ресурсный тест аккумуляторов, с несколькими циклами заряда-разряда при различных температурах. Данная часть позволит определить ресурс аккумулятора в различных температурных диапазонах. Основным параметром для выбора типа аккумулятора является реальная емкость, полученная в ходе ресурсных тестов. Сведение данных в таблицу и построение разрядных кривых тестируемых аккумуляторов позволит математически оценить потери емкости при различных температурах более наглядно, а также учесть особенности тестируемых электрохимических типов и спрогнозировать изменение ресурса при низкотемпературной эксплуатации. Например, во время разряда при $-15\text{ }^{\circ}\text{C}$ (рисунок 3) литий-железо-фосфатные и литий-титанатные аккумуляторы потеряли 35% и 28% емкости соответственно, но литий-железо-фосфатные аккумуляторы показывали стабильное напряжение на протяжении почти всего разряда, не смотря на большие потери реальной емкости, чем литий-титанатные. При рассмотрении только данного температурного диапазона можно выбирать между двумя аккумуляторами, прогнозируя небольшую разницу потери реальной емкости (около 7%). При более низких температурах разница в емкостях будет увеличиваться, как, например, во время разряда при $-20\text{ }^{\circ}\text{C}$ (рисунок 4). Разница в емкостях уже увеличилась до 10% при снижении температуры на $5\text{ }^{\circ}\text{C}$, в первую очередь постепенное увеличение емкости при снижении температуры говорит о более высокой сопротивляемости переохлаждению у литий-титанатных аккумуляторов, а значит данный электрохимический тип более эффективен при эксплуатации при $-20\text{ }^{\circ}\text{C}$ и более низких температурах, несмотря на свои недостатки: низкое номинальное напряжение, низкую энергетическую плотность.

Предложенная методика оценивает и сравнивает теоретический ресурс электрохимических типов на основе лития. С помощью проведенных ресурсных тестов можно усредненно оценивать потери реальной емкости каждого электрохимического типа. Однако имеются недостатки и планируется усовершенствование предлагаемой методики: не учитывается влияние низких температур на ресурс аккумулятора (насколько снизится количество циклов перезарядки при постоянной эксплуатации при таких температурах), зависимость потери реальной емкости аккумуляторов из-за переохлаждения от ресурса (в эксперименте принимали участие новые аккумуляторы, не использующиеся до этого в работе), в экспериментах использовались только аккумуляторы с низкой емкостью, и не учитываются особенности больших емкостей (ресурсные тесты

при $-30\text{ }^{\circ}\text{C}$ уже были невозможны, так как тестируемые аккумуляторы с емкостью всего 1,5 Ач замерзали), во время проведения ресурсных тестов не было доступа к программно-аппаратным измерительным приборам, которые имеют более высокую точность измерения, чем мультиметры и позволяют выводить данные в компьютерных программах.

Заключение

В статье рассмотрена проблема эксплуатации электромобилей и гибридов при низких температурах. Проведен анализ научных работ по данной тематике. Спланирован и проведен эксперимент для оценки потери ресурса используемых электрохимических типов. На основе результатов эксперимента составлены графики и математический аппарат для описания полученных результатов. Разработана методика выбора химического типа аккумуляторов для эксплуатации в регионах с холодным климатом, включающая в себя экспериментальное получение зарядно-разрядных характеристик аккумуляторов в условиях нормальных и пониженных температур и их аналитическое исследование. В результате апробации методики получены регрессионные зависимости, описывающие процессы заряда-разряда аккумуляторов (Li-Ion, LiFePO₄, LTO) в функции от температуры. Определение доступной емкости аккумулятора в Ватт-часах осуществляется как проинтегрирование определённого интеграла функции $U(t)$ на ток заряда.

По результатам исследования, приведённого в статье, наиболее подходящим для низкотемпературной эксплуатации является LTO аккумулятор. Несмотря на свои основные недостатки в сравнении с другими исследуемыми типами: низкая плотность энергии и низкое номинальное напряжение, LTO аккумуляторы показали наименьшую потерю емкости при переохлаждении. С учетом указанных недостатков собранная из LTO аккумуляторов батарея будет больше по размерам и тяжелее, чем батареи, собранные из других типов аккумуляторов, но LTO батарея лучше сохранит свой ресурс и потеряет меньше емкости из-за переохлаждения.

Методика требует доработок. В процессе проведения опытов и создания математического аппарата не учитывался ресурс аккумуляторов, в эксперименте принимали участие новые аккумуляторы. В процессе эксплуатации ресурс аккумуляторов уменьшается, снижается реальная емкость, что потребует более частых перезарядок. Аналогичная потеря ресурса происходит и при низкотемпературной эксплуатации. Теоретически можно предположить, что по мере эксплуатации аккумулятора потеря емкости при переохлаждении увеличивается, но экспериментальное подтверждение и оценка взаимосвязи ресурса аккумулятора и температуры эксплуатации отсутствует.

В связи с появлением новых электрохимических типов аккумуляторов, обладающих повышенной сопротивляемостью к переохлаждениям, предлага-

емая методика позволит оценить их эффективность и полноценно использовать электрические автомобили в регионах с холодным климатом.

Литература

1. Ганова А. С., Хмелев Р. Н. Сравнительный анализ характерных тяговых аккумуляторов для современных электромобилей // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2020. – № 10. – С. 318–322. – EDN: BSCHJL.
2. Захаров Н. С., Сапоженков Н. О. Моделирование процессов формирования уровня заряженности автомобильных аккумуляторных батарей в зимний период // Современные технологии. Системный анализ. Моделирование. – 2016. – № 3 (51). – С. 232–237. – EDN: UFTPKB.
3. Тышкевич Л. Н., Журавский Б. В. Исследование тепловых процессов аккумуляторной батареи при эксплуатации автомобиля в условиях низких отрицательных температур // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. – 2017. – № 6. – С. 71–77. – EDN: YNHMWJ.
4. Adermann J., Kreibich J., Lienkamp M. (2017) Experimental Study of Energy Consumption Variation in Recurring Driving Trips. *Journal of Electrical Engineering-elektrotechnicky*, Vol. 5, Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Experimental-Study-of-Energy-Consumption-Variation-Adermann-Kreibich/630dde9634b381068160f4b1c72396803ea316a4/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
5. Adhikari M., et al. (2020) Identification and Analysis of Barriers against Electric Vehicle Use, *Sustainability*, Vol. 12 (12), 4850, <https://doi.org/10.3390/su12124850> Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/12/4850> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
6. Aris A. M., Shabani B. (2017) An Experimental Study of a Lithium Ion Cell Operation at Low Temperature Conditions, *Energy Procedia* Vol. 110, pp. 128–135, <https://doi.org/10.1016/j.egypro.2017.03.117> Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1876610217301479/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
7. Ayartürk H., et al. (2016) New Heating System Development Working with Waste Heat for Electric Vehicles, *Transportation Research Procedia*, Vol. 14, pp. 1080–1086, <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2016.05.178> Available at: https://www.researchgate.net/publication/302966575_New_heating_system_development_working_with_waste_heat_for_electric_vehicles/ (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
8. Bonges H. A., Lusk A. C. (2016) Addressing electric vehicle (EV) sales and range anxiety through parking layout, policy and regulation. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, Vol. 83, pp. 63–73, <https://doi.org/10.1016/j.tra.2015.09.011> Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0965856415002451/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
9. Ding Y., et al. (2019) Automotive Li-Ion Batteries: Current Status and Future Perspectives. *Electrochemical Energy Reviews*, Vol. 2, pp. 1–28, <https://doi.org/10.1007/s41918-018-0022-z> Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Automotive-Li-Ion-Batteries%3A-Current-Status-and-Ding-Cano/b35a16edcf9e0b983475cc470dbcd7feca3a9ac1/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
10. Dvorak D., Basciotti D., Gellai I. (2020) Demand-Based Control Design for Efficient Heat Pump Operation of Electric Vehicles, *Energies*, Vol. 13(2), 5440, <https://doi.org/10.3390/en13205440> Available at: <https://www.mdpi.com/1996-1073/13/20/5440/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
11. Figenbaum E., Assum T., Kolbenstvedt M. (2015) Electromobility in Norway: Experiences and Opportunities. *Research in Transportation Economics*, Vol. 50, pp. 29–38, <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2015.06.004>. (In Eng.).
12. Ghaedi A., Mahmoudian M., Sedaghati R. (2022) The Impact of the Speed and Temperature Variation on the Electric Vehicles Reliability, *International Transactions on Electrical Energy Systems*, Vol. 2022, 4876218, <https://doi.org/10.1155/2022/4876218> (In Eng.).
13. Guo S., Liu Y., Li L. (2017) Study on the performance of lithium-ion batteries at different temperatures, in *Proceedings of the 2017 7th International Conference on Mechatronics, Computer and Education Informationization*. <https://doi.org/10.2991/mcei-17.2017.114> Available at: <https://www.atlantis-pess.com/proceedings/mcei-17/25887654/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
14. Habedank J. B., Kriegler J., Zaeh M. F. (2019) Enhanced Fast Charging and Reduced Lithium-Plating by Laser-Structured Anodes for Lithium-Ion Batteries, *Electrochem*, Vol. 166. N. 16, A3940, <https://doi.org/10.1149/2.1241915jes> Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1149/2.1241915jes/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
15. Horrein, L., et al. (2017) Impact of Heating System on the Range of an Electric Vehicle, *IEEE Transactions on Vehicular Technology*, Vol. 66. N. 6, pp. 4668–4677, <https://doi.org/10.1109/TVT.2016.2615095> Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Impact-of-Heating-System-on-the-Range-of-an-Vehicle-Horrein-Bouscayrol/1488ad1abb071483ab19899888947330b8ef2b16/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).

16. Hu X., et al. (2020) Battery warm-up methodologies at subzero temperatures for automotive applications: Recent advances and perspectives, *Progress in Energy and Combustion Science*, Vol. 77, 100806, <https://doi.org/10.1016/j.pecs.2019.100806> Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360128519301169/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
17. Iora P., Tribioli L. (2019) Effect of Ambient Temperature on Electric Vehicles' Energy Consumption and Range: Model Definition and Sensitivity Analysis Based on Nissan Leaf Data, *World Electric Vehicle Journal*, Vol. 10. Is. 1, <https://doi.org/10.3390/wevj10010002>. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330251602_Effect_of_Ambient_Temperature_on_Electric_Vehicles'_Energy_Consumption_and_Range_Model_Definition_and_Sensitivity_Analysis_Based_on_Nissan_Leaf_Data/ (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
18. Jaguemont J., Boulon L., Dubé Y. (2016) A comprehensive review of lithium-ion batteries used in hybrid and electric vehicles at cold temperatures. *Applied Energy*, Vol. 164, pp. 99–114, <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2015.11.034>. (In Eng.).
19. Thompson I. D. (2018) *Modeling and exploring battery management strategies for use of LiCoO₂ lithium polymer cells in cold climates*, M.S. Thesis, University of Alaska Fairbanks. Available at: <https://scholarworks.alaska.edu/handle/11122/8746/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
20. Vandermeer J., Mueller-Stoffels M., Whitney E. (2017) An Alaska case study: Energy storage technologies, *Journal of Renewable and Sustainable Energy*. Vol. 9 (6), 061708, <https://doi.org/10.1063/1.4986580> Available at: https://www.researchgate.net/publication/321982257_An_Alaska_case_study_Energy_storage_technologies/ (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).

References

1. Ganova, A. S., Hmelev, R. N. (2020) *Sravnitel'nyy analiz kharakternykh tyagovykh akkumulyatorov dlya sovremennykh elektromobiley* [Comparative analysis of characteristic traction batteries for modern electric vehicles]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-kharakteristik-tyagovykh-akkumulyatorov-dlya-sovremennykh-elektromobiley/viewer/> (accessed: 29.10.2022). (In Russ.).
2. Zaharov, N. S., Sapozhenkov, N. O. (2016) *Modelirovaniye protsessov formirovaniya urovnya zaryazhennosti avtomobil'nykh akkumulyatornykh batarey v zimniy period* [Modeling the processes of formation of the level of charge of car batteries in winter]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protsessov-formirovaniya-urovnya-zaryazhennosti-avtomobilnykh-akkumulyatornykh-batarey-v-zimniy-period/viewer/> (accessed: 29.10.2022). (In Russ.).
3. Tyshkevich, L. N., Zhuravskij, B. V. (2017) *Issledovaniye teplovykh protsessov akkumulyatornoy batarei pri ekspluatatsii avtomobilya v usloviyakh nizkikh otritsatel'nykh temperatur* [Investigation of the thermal processes of the battery during the operation of the car in conditions of low negative temperatures]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-teplovykh-protsessov-akkumulyatornoy-batarei-pri-ekspluatatsii-avtomobilya-v-usloviyakh-nizkih-otritsatelnykh-temperatur/viewer/> (accessed: 29.10.2022). (In Russ.).
4. Adermann, J., Kreibich, J., Lienkamp, M. (2017) Experimental Study of Energy Consumption Variation in Recurring Driving Trips. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Experimental-Study-of-Energy-Consumption-Variation-Adermann-Kreibich/630dde9634b381068160f4b1c72396803ea316a4/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
5. Adhikari, M., et al. (2020) Identification and Analysis of Barriers against Electric Vehicle Use. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/12/4850/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
6. Aris, A. M., Shabani, B. (2017) An Experimental Study of a Lithium Ion Cell Operation at Low Temperature Conditions. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1876610217301479/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
7. Ayartürk, H., et al. (2016) New Heating System Development Working with Waste Heat for Electric Vehicles. Available at: https://www.researchgate.net/publication/302966575_New_heating_system_development_working_with_waste_heat_for_electric_vehicles/ (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
8. Bonges, H. A., Lusk, A. C. (2016) Addressing electric vehicle (EV) sales and range anxiety through parking layout, policy and regulation. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0965856415002451/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
9. Ding, Y., et al. (2019) Automotive Li-Ion Batteries: Current Status and Future Perspectives. *Electrochem. Energ.* Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Automotive-Li-Ion-Batteries%3A-Current-Status-and-Ding-Cano/b35a16edcf9e0b983475cc470dbcd7feca3a9ac1/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
10. Dvorak, D., Basciotti, D., Gellai, I. (2020) Demand-Based Control Design for Efficient Heat Pump Operation of Electric Vehicles. Available at: <https://www.mdpi.com/1996-1073/13/20/5440/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).

11. Figenbaum, E., Assum, T., & Kolbenstvedt, M. (2015) Electromobility in Norway: Experiences and Opportunities. *Research in Transportation Economics*. Vol. 50, pp. 29–38. doi:10.1016/j.retrec.2015.06.004. (In Eng.).
12. Ghaedi, A. (2022) The Impact of the Speed and Temperature Variation on the Electric Vehicles Reliability. Available at: <https://www.hindawi.com/journals/itees/2022/4876218/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
13. Guo, S., Liu, Y., Li, L. (2017) Study on the performance of lithium-ion batteries at different temperatures. In Proceedings of the 2017 7th International Conference on Mechatronics. *Computer and Education Informationization*. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/mcei-17/25887654/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
14. Habedank, J. B., Kriegler, J., Zaeh, M. F. (2019) Enhanced Fast Charging and Reduced Lithium-Plating by Laser-Structured Anodes for Lithium-Ion Batteries. Available at: <https://iopscience.iop.org/article/10.1149/2.1241915jes/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
15. Horrein, L., et al. (2017) Impact of Heating System on the Range of an Electric Vehicle. Available at: <https://www.semanticscholar.org/paper/Impact-of-Heating-System-on-the-Range-of-an-Vehicle-Horrein-Bouscayrol/1488ad1abb071483ab19899888947330b8ef2b16/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
16. Hu, X., et al. (2020) Battery warm-up methodologies at subzero temperatures for automotive applications: Recent advances and perspectives. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360128519301169/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
17. Iora, P., Tribioli, L. (2019) Effect of Ambient Temperature on Electric Vehicles' Energy Consumption and Range: Model Definition and Sensitivity Analysis Based on Nissan Leaf Data. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330251602_Effect_of_Ambient_Temperature_on_Electric_Vehicles'_Energy_Consumption_and_Range_Model_Definition_and_Sensitivity_Analysis_Based_on_Nissan_Leaf_Data/ (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
18. Jaguemont, J., Boulon, L., & Dubé, Y. (2016) A comprehensive review of lithium-ion batteries used in hybrid and electric vehicles at cold temperatures. *Applied Energy*, Vol. 164, pp. 99–114, <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2015.11.034>. (In Eng.).
19. Thompson, I. D. (2018) Modeling and exploring battery management strategies for use of LiCoO₂ lithium polymer cells in cold climates, M.S. Thesis, University of Alaska Fairbanks. Available at: <https://scholarworks.alaska.edu/handle/11122/8746/> (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).
20. Vandermeer J., Mueller-Stoffels M., Whitney, E. (2017) ACEP EVs in Alaska Survey. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321982257_An_Alaska_case_study_Energy_storage_technologies/ (accessed: 29.10.2022). (In Eng.).

Информация об авторах:

Егор Евгеньевич Терентьев, аспирант, научная специальность 2.9.5 Эксплуатация автомобильного транспорта, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: egor9843@gmail.com

Игорь Михайлович Блянкинштейн, доктор технических наук, профессор кафедры технической эксплуатации транспортных средств, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: blyankinshtein@mail.ru

Вклад соавторов:

Терентьев Е. Е. – 80%,

Блянкинштейн И. М. – 20%.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2022; принята в печать: 08.02.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Egor Evgenievich Terentyev, postgraduate student, scientific specialty 2.9.5 Motor transport operation, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia
e-mail: egor9843@gmail.com

Igor Mikhailovich Blyankinstein, Doctor of Technical Sciences, Professor of the Department of Technical

Operation of Vehicles, Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint Petersburg, Russia

e-mail: blyankinshtein@mail.ru

Contribution of the authors:

Terentiev E. E. – 80%,

Blyankinshtein I. M. – 20%.

The paper was submitted: 22.11.2022.

Accepted for publication: 08.02.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА

К публикации принимаются ранее неопубликованные оригинальные научные статьи и научные обзоры по следующим научным специальностям:

- 2.9.5. Эксплуатация автомобильного транспорта (технические науки);
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки);
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.7.3. Эстетика (философские науки);
- 5.7.4. Этика (философские науки);
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки);
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Обзорная статья должна быть концептуальной, т.е. содержать новые идеи и концепции, вытекающие из массива опубликованных материалов.

В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий статья будет *ретрагирована* (отозвана из печати).

Статья включает в себя следующие **элементы**:

- **УДК.** На первой странице статьи, слева в верхнем углу без отступа, указывается индекс по универсальной десятичной классификации.
- **Название статьи** (на русском и английском языках). Название статьи должно быть однозначным, понятным специалистам в других областях, и отражать содержание статьи. Редакция просит не использовать в названии статьи аббревиатуры, вопросительные и восклицательные предложения, а также не формулировать название статьи в виде двух предложений.
- **Информацию об авторах** (на русском и английском языках), включающую в себя следующие сведения по каждому автору:
 - фамилия, имя, отчество;
 - место работы (название организации согласно уставу);
 - город, страна;
 - контактный электронный адрес.
- **Аннотацию** (на русском и английском языках). Аннотация является самостоятельным информативным текстом, содержащим краткую версию статьи. Рекомендуемый объем аннотации: 250–300 слов. Для большинства читателей она будет главным источником информации о представленном исследовании. В аннотации следует отразить актуальность, цель, используемые подходы, методы и (или) методический аппарат исследования, основные результаты, научную новизну, практическую значимость (при наличии), направления дальнейших исследований, рекомендации. При изложении материала рекомендуется придерживаться вышеуказанной структуры аннотации.

Вся информация, содержащаяся в аннотации, должна быть раскрыта в основном тексте статьи.

- **Ключевые слова** (на русском и английском языках). Ключевые слова являются поисковым аппаратом научной статьи. Они должны отражать основную терминологию данного научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов: 5–10 слов.
- **Благодарности** (на русском и английском языках). Здесь следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, а также организации, оказавшие финансовую поддержку.
- **Основной текст статьи.** Принимаются статьи на русском и английском языках. Объем текста статьи без библиографического списка должен составлять не более 20 страниц авторского текста, оформленного в соответствии с техническими требованиями журнала.

Основной текст статьи излагается в следующей последовательности:

- **Введение.** Данный раздел должен содержать обоснование необходимости и актуальности проводимого исследования, краткое описание научной проблемы, которая требует решения, постановку цели исследования, согласованной с названием статьи, ее содержанием и результатами, а также иные аспекты, что в целом позволило бы читателю понять и оценить важность и значимость проведенного исследования.

• **Заголовки структурных частей статьи.** Здесь описывается суть исследуемой проблемы, ее связь с темой статьи, степень ее разработанности в современной науке, методологический аппарат и (или) методический инструментарий проведенного исследования. Желательно наличие раздела «Методы», содержащего описание того, как было проведено исследование. Следует изложить все факторы, которые могли повлиять на результаты исследования.

• **Результаты исследования** (или иной заголовок). Данный раздел статьи должен содержать описание полученных результатов исследования и их интерпретацию.

• **Заключение.** Приводятся выводы, основывающиеся на полученных результатах, выводы о научной ценности и практической значимости полученных результатов, даются рекомендации для дальнейших исследований на основе данной работы. Ранее опубликованные результаты не должны включаться в этот раздел статьи.

• **Литература (References).** Список литературы должен содержать, как правило, не менее 15–17 научных источников. В данный раздел могут быть включены следующие типы источников:

- статьи в научных *рецензируемых* журналах;
- статьи в *рецензируемых* сборниках трудов конференций;
- книги (кроме учебной и справочной литературы);
- монографии;
- патенты.

Не рекомендуется включать источники из малотиражных изданий (сборников статей, трудов конференций, монографий), не доступных для ознакомления онлайн, российских журналов, не входящих в РИНЦ или исключенных из РИНЦ.

Ссылки на правовые акты, справочные и статистические материалы, информационные и аналитические материалы сайтов необходимо оформлять в виде подстрочных библиографических ссылок. Нежелательны ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций. Рекомендуется ссылаться на оригинальные статьи и монографии. Диссертации рассматриваются как рукописи и не являются печатными источниками. Если ссылки на диссертации и авторефераты диссертаций необходимы, то их предпочтительно оформлять также в виде подстрочных библиографических ссылок.

В списке источников рекомендуется наличие работ иностранных авторов (не менее 30%), а также работ, изданных за последние 5 лет.

Прямое библиографическое самоцитирование (процент работ авторов в общем списке источников) не должно превышать 20%.

Литература приводится в алфавитном порядке, иностранные источники размещаются в конце библиографического списка также в алфавитном порядке.

Для оформления списка источников используется ГОСТ Р 7.0.5-2008. Примеры оформления библиографических ссылок.

Для оформления **References** используется система Harvard system of referencing. Правила и примеры оформления.

На все источники должны быть ссылки в тексте статьи в квадратных скобках. Например, [5] или [9, с. 14], т.е. указывается номер источника в списке литературы или номер источника в списке литературы и номер страницы в этом источнике.

• **Аффилиация авторов** (на русском и английском языках). Для каждого автора указываются фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность с названием структурного подразделения организации, наименование организации (постоянного места работы автора) полностью согласно уставу организации; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (при наличии); город, страна, электронный адрес (e-mail).

• **Вклад соавторов** (при наличии авторского коллектива).

Правила оформления статьи и ее шаблон представлены на сайте журнала <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

Материал должен быть набран в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc или *.docx. Для всех частей статьи должны выполняться следующие технические требования:

- шрифт: гарнитура Times New Roman, 14 pt;
- межстрочный интервал – 1,5 строки;
- абзацный отступ – 1,25 см.;
- выравнивание текста: по ширине;
- автоматическая расстановка переносов должна быть выключена;
- поля: левое – 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см.

Формулы и символы помещаются в тексте статьи, используется редактор формул Microsoft Equation.

Таблицы. Все таблицы, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается перед таблицей.

Формат названия таблицы:

Таблица <номер>. <Название без использования аббревиатуры>.

Под таблицей должно быть указано их авторство (источник). Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все таблицы.

Внутри таблицы допускается размер шрифта 12 pt (гарнитура Times New Roman)

Рисунки. Все рисунки, встречающиеся в тексте статьи, должны быть пронумерованы и иметь название, которое располагается под рисунком.

Формат названия рисунка:

Рисунок<номер>. <Название без использования аббревиатуры>

После названия рисунка должно быть указано авторство (источник) этого рисунка. Рекомендуемый формат:

- Источник: разработано автором;
- Источник: разработано автором на основе <указать источники>;
- Источник: заимствовано из [указать источники].

По тексту статьи должны быть обязательно ссылки на все рисунки.

Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены шрифтом Times New Roman, допускается размер шрифта 12 pt.

Не допускаются отсканированные графики, таблицы, схемы.

Фотографии, представленные в статье, должны быть высланы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi.

Подстрочные библиографические ссылки оформляются на основе использования команды MS Word «Ссылки / Вставить сноску».

BASIC REQUIREMENTS FOR THE ARTICLE, SUBMITTED TO THE EDITORIAL OF THE JOURNAL

Previously unpublished original scientific articles and scientific reviews in the following **journal headings** are accepted for publication:

- **Economic sciences**

The results of fundamental and applied scientific research in the field of regional and sectoral economics, finance, management are published.

- **Philosophical sciences**

The subject of the articles is topical issues in the field of ontology and the theory of knowledge, history of philosophy, aesthetics and ethics, philosophy of science and technology, social and political philosophy, philosophical anthropology and philosophy of culture, philosophy of religion and religious studies.

- **Transport**

Original articles are published presenting the results of solving scientific and practical problems in the field of transport and transport-technological systems of the country, its regions and cities, organization of production in transport. Topical issues of road transport operation are considered. The results of scientific, technical and organizational developments in the designated areas are presented.

The review article should be conceptual, that is, contain new ideas and concepts arising from an array of published materials.

If a manuscript is submitted simultaneously to several editions, the article will be retracted (withdrawn from print).

The article includes the following elements:

- **UDC.** On the first page of the article, in the upper left corner without indentation, the index according to the universal decimal classification is indicated.

- **The title of the article** (in English and Russian). The title of the article should be unambiguous, understandable to specialists in other fields, and reflect the content of the article. The editorial board asks not to use abbreviations, interrogative and exclamation sentences in the title of the article, and also not to formulate the title of the article in the form of two sentences.

- **Information about the authors** (in English and Russian). including the following information for each author:

- full name;
- place of work (name of the organization according to the charter);
- city, country;
- contact email address.

- **Abstract** (in English and Russian). The abstract is a self-contained informative text containing a short version of the article. Recommended annotation contains about 250–300 words. For most readers, it will be the main source of information about the presented research. The annotation should reflect the relevance, purpose, approaches used, methods and (or) methodological apparatus of the study, the main results, scientific novelty, practical relevance, directions for further research, recommendations. In the presentation of the material, it is recommended to adhere to the above structure of the annotation.

All information contained in the abstract should be disclosed in the main text of the article.

- **Key words** (in English and Russian). Key words are a search engine for a scientific article. They should reflect the basic terminology of this scientific study. Recommended number of key words is 5–10 words.

- **Acknowledgments** (in English and Russian). Mention should be made of the people who helped the author prepare this article, as well as the organizations that provided financial support.

- **The main text of the article.** Articles in Russian and English are accepted. The volume of the text of the article without a bibliographic list should be to 20 pages of the author's text, designed in accordance with the technical requirements of the journal.

The main text of the article is presented in the following sequence:

- **Introduction.** This section should contain a justification for the necessity and relevance of the study, a brief description of the scientific problem that needs to be solved, the goal of the study, consistent with the title of the article, its content and results, as well as other aspects, which in general would allow the reader to understand and appreciate the importance and significance of the study.

- **Headings of the structural parts of the article.** Here the essence of the problem under study, its connection with the topic of the article, the degree of its elaboration in modern science, the methodological apparatus

and (or) the methodological tools of the research carried out. It is desirable to have a section "Methods" containing a description of how the study was carried out. All factors that could influence the results of the study should be stated.

- **Research results** (or another title). This section of the article should contain a description of the obtained research results and their interpretation.

- **Conclusion.** Conclusions based on the results obtained, conclusions on the scientific value and practical significance of the results are given, recommendations are given for further research based on this work.

Previously published results should not be included in this section of the article.

- **References.** The list of references should contain, as a rule, at least 15–17 scientific sources. The following types of sources can be included in this section:

- articles in scientific peer-reviewed journals;
- articles in peer-reviewed conference proceedings;
- books (except educational and reference literature);
- monographs;
- patents.

It is not recommended to include sources from small-circulation publications (collections of articles, conference proceedings, monographs) that are not available for online review, Russian journals that are not included in the RSCI or excluded from the RSCI.

References to legal acts, reference and statistical materials, informational and analytical materials of websites should be made in the form of subscribed bibliographic references. Undesirable are links to dissertations and abstracts of dissertations. It is recommended to refer to original articles and monographs. Theses are considered as manuscripts and are not printed sources. If references to dissertations and abstracts of dissertations are necessary, then it is preferable to place them also in the form of subscript bibliographic references.

The list of sources recommends the presence of works by foreign authors, (at least 30%) as well as works published over the last 5 years.

To compile a list of sources, GOST R 7.0.5–2008. Examples of the design of bibliographic references.

Direct bibliographic self-citation (percentage of authors' works in the general list of sources) should not exceed 20%.

The literature is given in alphabetical order, foreign sources are placed at the end of the bibliographic list also in alphabetical order.

The Harvard system of referencing is used for the design of References. Rules and examples of registration.

All sources should be referenced in the text of the article in square brackets. For example, [5] or [9, p. 14], i.e. the number of the source in the list of references or the number of the source in the list of references and the page number in this source is indicated.

- **Affiliation of authors** (in English and Russian). For each author, the surname, first name, patronymic, academic degree, academic rank, position with the name of the structural unit of the organization, the name of the organization (permanent place of work of the author) are fully indicated in accordance with the charter of the organization; **ORCID ID, Researcher ID, Scopus Author ID** (if available); city, country, email address (e-mail).

- **Contribution of co-authors** (the section is filled in if there is a group of authors).

The rules for the design of the article and its template are presented on the journal's website <http://intellekt-izdanie.osu.ru/>.

TECHNICAL REQUIREMENTS

The material must be typed in a Microsoft Word text editor in the format *.doc or *.docx. The following technical requirements must be met for all parts of the article:

- font: Times New Roman typeface, 14 pt;
- line spacing – 1.5 lines;
- paragraph indentation – 1.25 cm.;
- text alignment: width;
- automatic hyphenation should be turned off;
- margins: left – 2 cm, right – 2 cm, top – 2 cm, bottom – 2 cm.

Formulas and symbols are placed in the text of the article, the Microsoft Equation formula editor is used.

Tables. All tables found in the text of the article should be numbered and have a name that is located in front of the table.

Format

of the table name: Table <number>. <Name without using an abbreviation>.

Their authorship (source) should be indicated under the table. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all tables.

A font size of 12 pt (Times New Roman typeface) is allowed inside the table

Drawings. All figures found in the text of the article should be numbered and have a name that is located under the figure.

Format of the picture title:

Figure<number>. <Name without using an abbreviation>

After the name of the drawing, the authorship (source) of this drawing should be indicated. Recommended format:

- Source: developed by the author;
- Source: developed by the author based on <specify sources>;
- Source: borrowed from [specify sources].

According to the text of the article, there must be links to all the drawings.

All explication (captions) in the picture field must be made in Times New Roman font, font size 12 pt is allowed. Scanned graphs, tables, and diagrams are not allowed.

The photos presented in the article must be sent as a separate file in *.tiff or *.jpg formats with a resolution of at least 300 dpi.

Subscript bibliographic references are formed on the basis of using the MS Word command «Links / Insert footnote».

Интеллект. Инновации. Инвестиции
№ 1, 2023

Ответственный секретарь – Т. П. Петухова
Верстка – Г. Х. Мусина
Корректурa – Е. Д. Кирилличева
Перевод – В. А. Захарова
Дизайн обложки – И. В. Возяков

Подписано в печать 22.02.2023. Дата выхода в свет 28.02.2023.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,53. Усл. изд. л. 12,73. Тираж 500. Заказ № 172.
Свободная цена

Адрес учредителя, редакции, издателя:
460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13,
Оренбургский государственный университет.
Тел. редакции: +7 (3532) 37-24-53
e-mail редакции: intellekt-izdanie@yandex.ru

Электронная версия журнала «Интеллект. Инновации. Инвестиции»
размещена на сайте журнала: <http://intellekt-izdanie.osu.ru>

Отпечатано в издательстве Оренбургского государственного университета
Адрес: 460018, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13
Тел./факс: +7 (3532) 91-22-21
e-mail: 912221@bk.ru